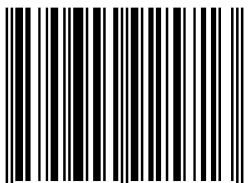

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ
НА ОСНОВЕ АКТИВИЗАЦИИ
МЕЖТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Монография

ISBN 978-5-6049257-1-3

9 785604 925713

ИСЭИ УФИЦ РАН
УФА – 2022

УДК: 332.1 (470+571)
ББК: 65.9 (2 Рос. Баш)
П 82

Рецензенты:

Печаткин Виталий Валентинович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором экономической безопасности ИСЭИ УФИЦ РАН (г. Уфа)
Мулюков Галинур Мухаррямович, Президент Ассоциации сельских и производственных кооперативов, малых предприятий, индивидуальных предпринимателей, фермерских и личных подсобных хозяйств, предприятий переработки и промышленности – Центр Агро, доктор экономических наук, профессор (г. Уфа)

П 82   Пространственное развитие на основе активизации межтерриториального взаимодействия: монография / под общей редакцией д-ра экон. наук, проф. Р.Ф. Гатауллина. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2022. – 270 с.

ISBN 978-5-6049257-1-3

Монография посвящена решению проблем пространственного развития территориальных социально-экономических систем на основе углубления межрегионального и межмуниципального взаимодействия. В частности в ней рассмотрены факторы и условия, тенденции и проблемы, а также особенности осуществления этих процессов на примере различных территориально-отраслевых систем. В качестве самостоятельных разделов рассмотрены развитие пространственных систем в условиях декарбонизации экономики, особенности функционирования институтов межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий на современном этапе.

Рекомендована для научных работников, специалистов, занимающихся вопросами пространственного развития, магистрантов, аспирантов.

Табл. 51. Рис. 25. Библиогр. 263.

Рекомендовано к печати Ученым советом Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

УДК: 332.1 (470+571)
ББК: 65.9 (2 Рос. Баш)

ISBN 978-5-6049257-1-3

© АВТОРЫ, 2022
© ИСЭИ УФИЦ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1 ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	
1.1 Методологические подходы к изучению межтерриториального взаимодействия	8
1.2 Основные факторы развития межрегионального и межмуниципального взаимодействия	19
1.3 Проблемы интегративного и межтерриториального взаимодействия	27
1.4 Перспективы активизации межрегионального экономического взаимодействия	31
1.5 Оценка конкурентоспособности видов экономической деятельности соседних регионов Республики Башкортостан	35
1.6 Определение эффективных направлений межрегионального взаимодействия	47
1.7 Типология социально-экономического пространства Республики Башкортостан по степени реализации потенциала межтерриториального и межмуниципального взаимодействия	51
Глава 2 ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
2.1 Межрегиональная кооперация в развитии промышленности региона в условиях экономических санкций	59
2.2 Перспективы и проблемы в расширении межмуниципального и межрегионального сотрудничества в пищевой и перерабатывающей промышленности	65
2.3 Повышение вклада личного садоводства в обеспечении продовольственной безопасности	77
2.4 Межрегиональное сотрудничество как фактор обеспечения продовольственной безопасности	84
2.5 Территориально-структурные особенности трансформации системы здравоохранения в новых условиях	91

2.6	Перспективы межрегионального и межмуниципального сотрудничества как фактора развития этнического предпринимательства	107
2.7	Этнотуризм как одно из перспективных направлений межмуниципального и межрегионального сотрудничества	115
Глава 3	ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВЫХ СИСТЕМАХ	
3.1	Трансграничное взаимодействие между регионами: факторы, типы и механизмы	120
3.2	Обеспечение территориальной гомогенности в социально-экономическом развитии регионов	126
3.3	Взаимодействие центра и периферийных территорий в регионе	130
3.4	Территориальные различия цен на вторичном рынке жилья в Республике Башкортостан как индикатор периферийности	135
3.5	Обеспечение социально-экономической эффективности создания и развития особых экономических зон в связи с экономическими санкциями	139
3.6	Межмуниципальное взаимодействие в решении социально-экономических проблем развития городских агломераций	155
3.7	Диверсификация экономики села, межмуниципальная и межрегиональная кооперация как факторы развития депрессивных сельских территорий	167
Глава 4	РАЗНОУРОВНЕВЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ	
4.1	Оценка зависимости региональных систем от глобальной декарбонизации экономики	176
4.2	Социо-эколого-экономические риски пространственной трансформации городских агломераций России в связи с декарбонизацией экономики	192
4.3	Типологизация сельских территорий по степени зависимости от процессов декарбонизации экономики	202

Глава 5	ИНСТИТУТ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: ИХ ВИДЫ И ФУНКЦИИ	
5.1	Развитие межмуниципального сотрудничества в Республике Башкортостан	208
5.2	Эффективность институциональных изменений в межмуниципальном сотрудничестве Российской Федерации	213
5.3	Совершенствование российских институтов межмуниципального взаимодействия в новых условиях	216
5.4	Муниципальная реформа в России: перспективы ее реализации	224
5.5	Межтерриториальная интеграция в документах стратегического управления регионального уровня	230
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	240
	СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	242

ВВЕДЕНИЕ

Повышение качества межрегионального и межмуниципального взаимодействия позволит без существенного роста затрат обеспечить эффективность территориального развития, жизнеспособность инфраструктуры, полноту использования ее потенциала.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года разработка проблем межтерриториального взаимодействия является одной из задач данного документа. Между тем в научной литературе эти проблемы относятся к числу слабо разработанных, что в конечном счете определяет актуальность темы исследования. Это касается определения эффективных направлений таких форм межтерриториального взаимодействия, как межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество.

Современные реалии требуют также более полного использования потенциала межрегионального и межмуниципального сотрудничества для обеспечения целостности технологических цепочек, сохранения экономики в условиях экономических санкций.

В отличие от многих ранее появившихся работ наше исследование направлено на решение экономических задач, связанных с сегодняшней ситуацией. Книга состоит из пяти глав, введения и заключения.

В первой главе рассмотрены факторы и условия развития межрегионального и межмуниципального взаимодействия на современном этапе пространственного развития: методологические подходы к изучению интегративного и межтерриториального взаимодействия, перспективы активизации межрегионального экономического взаимодействия, определение эффективных направлений межрегионального сотрудничества, типология социально-экономического пространства региона по степени реализации межрегионального и межмуниципального взаимодействия.

Во второй главе выявлены тенденции и проблемы развития межрегионального и межмуниципального взаимодействия: укрепление кооперации в развитии промышленности, перспективы сотрудничества в пищевой и перерабатывающей ее отрасли, основные направления сотрудничества регионов в областях продовольственной безопасности, здравоохранения, развития этноэкономики и этнотуризма.

В третьей главе содержится анализ развития межрегионального и межмуниципального взаимодействия в различных территориально-отраслевых системах, рассмотрены их типы, вопросы обеспечения территориальной гомогенности в социально-экономическом развитии регионов, взаимодействия центров и периферийных территорий, а также особенности обеспечения социально-экономической эффективности создания и развития особых экономических зон в связи с введенными санкциями.

В четвертой главе рассматриваются проблемы развития разноуровневых территориальных систем в условиях декарбонизации экономики, в частности: оценка зависимости региональных систем от глобальной декарбонизации экономики, социо-эколого-экономические риски пространственной трансформации агломераций в связи с декарбонизацией экономики, типология сельских территорий в зависимости от требований по декарбонизации экономики.

В пятой главе содержится анализ видов и функций институтов межрегионального и межмуниципального взаимодействия, развития таких отношений в Республике Башкортостан, эффективности институциональных изменений в условиях муниципальной реформы, обобщен опыт решения существующих проблем в стратегиях социально-экономического развития регионов.

Работа подготовлена под научным руководством доктора экономических наук, профессора, заслуженного экономиста Республики Башкортостан Р.Ф. Гатауллина.

Авторский коллектив: доктор экономических наук, профессор Р.Ф. Гатауллин – введение, 1.2, 1.4, 2.1, 2.3, 3.1, 3.2, 3.3, 3.4, 4.1, 4.3, заключение; доктор географических наук, профессор Р.Г. Сафиуллин – 1.7, 2.5, 3.5, 3.6, 4.1, 4.2, 4.3; кандидат экономических наук С.Ш. Аслаева – 1.4, 1.5, 1.6, 2.4; кандидат экономических наук А.Г. Атаева – 1.1, 1.3, 5.5; кандидат экономических наук, доцент В.Я. Ахметов – 2.6, 2.7, 3.7; кандидат экономических наук Р.Н. Галикеев – 2.2; кандидат географических наук М.Р. Сафиуллин – 2.5, 3.6, кандидат философских наук Г.Н. Хужахметова – 5.1, 5.2, 5.3; кандидат экономических наук А.Г. Уляева – 1.1, 5.4, 5.5; научный сотрудник Э.Р. Чувашаева – 2.1, 2.3, 3.1, 3.2, 3.3; младший научный сотрудник Э.И. Тагирова – 1.7, 3.5, 4.2; аспирант А.Р. Шаймуратова – 3.4.

Глава 1. ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

1.1. Методологические подходы к изучению межтерриториального взаимодействия

Вопросы интеграционного взаимодействия территорий рассматриваются в научной литературе в большинстве своем на уровне стран и регионов, то есть на макро- и мезоуровнях. В отличие от межрегионального взаимодействия, вопросы организации и регулирования международного взаимодействия и отношений исследованы достаточно хорошо. Наибольшее развитие получили теории и модели экономической интеграции. Рассмотрим их далее.

Научные школы международной экономической интеграции представлены следующими направлениями: рыночная школа, рыночно-институциональная (неолиберальная) школа, структурная школа, неокейнсианство (дирижизм), функциональная и неофункциональная школы, федералистская школа, корпорационализм, советская (российская) школа интеграции.

В науке экономическая интеграция получила свое развитие с 1950-х гг., после Второй мировой войны, в связи с активизацией европейских интеграционных процессов. Сначала на первый план вышла **рыночная (либеральная) школа** (Г. Кассель, Ж. Рюэфф, Р. Арон, В. Репке, А. Предоль и др.), которая рассматривала экономическую интеграцию как объединение рынков отдельных стран в условиях полной свободы рынка и конкуренции, стихийных рыночных сил. Целью интеграции, по мнению представителей данной школы, является обеспечение эффективности рыночной экономики. Однако, как показал международный опыт, стихийные рыночные силы необходимо сдерживать, нивелируя негативные экономические последствия для стран, поэтому в 1960-х гг. на смену пришла **рыночно-институциональная (неолиберальная) школа** (Дж. Вайнер, Б. Баласса, М. Аллэ и др.). Представители данной школы считали необходимостью активное участие государств в экономических интеграционных процессах, которое должно быть направлено на стимулирование экономики, поддержку отдельных отраслей и регулирование занятости. В рамках этой школы также

рассматривались вопросы создания таможенных союзов и перестройки торговых взаимоотношений стран в пользу стран-партнеров. Отдельно необходимо отметить предложенные представителем данной школы Б. Балассой [1] формы экономической интеграции, которые проходят страны: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз, полная экономическая интеграция.

Параллельно с неолиберальной школой в 1960-х гг. появилась **структурная школа** (Г. Мюрдаль, А. Маршалл, Ф. Перру, Ч. Киндлебергер, П. Майлз и др.), представители которой критиковали рыночную и неолиберальную школы за поддержку полной свободы в перемещениях товаров и услуг и считали, что государства должны регулировать интеграционные процессы с целью недопущения диспропорций в уровне социально-экономического развития стран. Если для представителей неолиберальной школы вмешательство государства в интеграционные процессы больше представляло собой регулирование за счет ликвидации международных ограничений и предоставления преференций для стран-партнеров, то следующая школа 1970-х гг. – **неокейнсианство (дирижистская школа)** (Р. Купер, Дж. Пайндер, Я. Тинберген, И. Штоллер и др.) – оценивала роль государства как сдерживающего и регулирующего актора в рыночных интеграционных процессах. Так, Ян Тинберген [2] выделял «негативную» (простое устранение барьеров на пути трансграничного перемещения товаров и факторов) и «позитивную» интеграцию (принятие законов и создание институтов, способствующих международной мобильности товаров и услуг). По мнению представителей школы, государства должны осуществлять координацию своей экономической политики с целью достижения оптимальной экономической структуры региона, в рамках которого они взаимодействуют с другими странами.

Функциональная школа (Л. Вульф, Д. Митрани, П. Райнш и др.) и пришедшая ей на смену **неофункциональная школа** рассматривали интеграцию с позиции обеспечения эффективного сотрудничества стран в целях оптимального удовлетворения потребностей человека на основе активного посредничества международных органов (функциональных или специализированных органов и организаций). Именно неофункциональная школа акцентировала свое внимание на экономическом сотрудничестве за счет создания наднациональных регулирующих органов. В отличие от

неофункциональной школы (которая предлагала создавать органы и организации по определенным (функциональным) направлениям и таким образом достигнуть экономического объединения), представители **федералистской школы** (Ж. Моннэ, Ш. Мюре, К. Уэйр и др.), которые также поддерживали создание надгосударственных органов, предлагали создать единое европейское федеративное государство и уже в его рамках регулировать интеграционные процессы по различным направлениям.

Еще одним направлением исследования экономической интеграции является **корпорационализм** (С. Рольф, У. Росту), представители которого, в отличие от рыночной и дирижистской школ, основное внимание уделяли роли в международных интеграционных процессах не государств, а транснациональных компаний. В последние десятилетия XX в. появилась еще одна теория экономической интеграции – **теория многоуровневого управления** (multi-level governance), которая не акцентирует внимание только на одном из акторов интеграции (государство, компании, надгосударственные органы и т.д.), а рассматривает множество уровней политического и экономического взаимодействия с соответствующими компетенциями в интеграционном процессе.

Отдельно отметим **советскую школу экономической интеграции** (Ю.С. Борко, О.В. Буторина, Л.И. Глухарев, И.Д. Иванов, М.М. Максимова, В.С. Паньков, Ю.В. Шишков и др.), которая начала активно развиваться позднее, в 1970-х гг., что было связано с действующими политико-идеологическими рамками. В отличие от зарубежных исследователей, которые в большинстве своем упор делали на политическом и функциональном взаимодействии, отечественные ученые акцентировали внимание на содержательной стороне происходящих экономических интеграционных процессов, а именно на разделении труда, процессах переплетения капитала и производства, на собственно воспроизводственном процессе.

Как можно видеть, указанные школы рассматривают исключительно межстрановое политическое и экономическое взаимодействие и интеграцию, соответственно, их достаточно сложно переложить на мезоуровень.

В отличие от школ экономической интеграции, **модели межтерриториального взаимодействия** рассматривают те или иные аспекты, связанные с интеграционными процессами, происходящими в территориальной социально-экономической

системе различного уровня. Различные модели межтерриториального взаимодействия можно разделить на две группы (табл. 1): модели сравнительных преимуществ и модели межтерриториальной интеграции. Рассмотрим их далее.

Таблица 1

Сущность и содержание моделей межтерриториального взаимодействия на макро- и мезоуровнях

Название модели	Период	Содержание
Модели сравнительных преимуществ		
1	2	3
Теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо	Начало XIX в.	Торговля выгодна для каждой из двух стран, даже если они не обладают абсолютным преимуществом в производстве товара (например, временные затраты на производство единицы товара), а специализируются на производстве товара, имеющего максимальные сравнительные преимущества
Теория Хекшера – Олина	1920-е гг. XX в.	Теория соотношения факторов производства, при которой страна экспортирует товар, при производстве которого использует ее избыточный фактор производства (например, труд), а импортирует товар, при производстве которого страна испытывает дефицит факторов производства (например, капитал)
Парадигма «летающих гусей» К. Акамацу	1960-е гг. XX в.	Модель последовательной межстрановой интеграции технологий, основанная на динамических сравнительных преимуществах Модель «Центр (развитые страны)-Периферия (развивающиеся страны)» характеризуется тем, что вначале развивающаяся страна импортирует промышленные товары, а экспортирует сырье. Постепенно она начинает производить ранее импортируемые товары (сначала потребительские, затем капиталоемкие). На следующей стадии она начинает экспортировать капиталоемкие товары, однако не может догнать развитые страны, так как производство капиталоемких товаров в развитых странах будет становиться более инновационным

1	2	3
Модели межтерриториальной интеграции		
Теория конвергенции.	1950–1960-е гг.	Идея заключается в том, что страны с их политическими режимами, заимствуя друг
Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, П. Сорокин	XX в.	У друга положительные черты и преодолевая отрицательные стороны, сольются в едином постиндустриальном обществе. В итоге создается единая гибридная социально-политическая система. В настоящее время идея получила практическую реализацию в экономической, политической, культурной и иных сферах (например, создание во всех странах правового государства и гражданского общества, наличие разнообразия форм собственности и др.)
Концепция кластеров М. Портера	1990-е гг. XX в.	Кластеры как группа географически соседствующих и взаимосвязанных фирм (поставщики, производители) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга. С точки зрения межтерриториальной интеграции кластеры могут объективно или принудительно формироваться в регионах, при этом связи между элементами кластера носят экономико-географический, а не административный характер. В связи с чем кластеры обеспечивают межрегиональное взаимодействие на основе «симбиоза кооперации и конкуренции», учитывающих положительные синергетические эффекты экономического взаимодействия
Модели региональной интеграции А.М. Либмана	2010-е гг. XX в.	Автор предлагает типологизацию моделей региональной интеграции: межправительственных договоров, неформальной торговли, доминирующего участника, корпоративного взаимодействия, общего центра, негосударственного права. В основе дифференциации моделей лежат два критерия: «отношения власти», то есть условия, в которых действуют игроки (от равенства сил до асимметрии в их взаимоотношениях), и вид ведущих игроков

Продолжение таблицы 1

1	2	3
<p>Модели экономической интеграции Д.И. Ушкаловой</p>	<p>2010-е гг. XX в.</p>	<p>(территориальные органы публичной власти или негосударственные игроки), обеспечивающие себе устранение барьеров.</p> <p>Автором выделяются два направления интеграции: 1) позитивная интеграция, заключающаяся в использовании различных механизмов (наднациональных, межгосударственных и негосударственных), направленных на устранение барьеров, согласование экономической политики, формирование единого хозяйства; 2) негативная интеграция, которая заключается в использовании различных механизмов только снятия барьеров на пути к созданию единого рынка (межгосударственных и негосударственных). На основе двух критериев: 1) последовательность стадий интеграционного процесса; 2) сочетание «негативной» и «позитивной» интеграции в реальной практике международной интеграции – автором предлагается типология моделей интеграции: линейная модель «позитивной» интеграции, нелинейная модель «позитивной» интеграции, линейная модель «негативной» интеграции, нелинейная модель «негативной» интеграции</p>
<p>Эклектическая парадигма международного производства Дж. Даннинга</p>	<p>1980-1990-е гг. XX в.</p>	<p>Чтобы прямые иностранные инвестиции приносили пользу, должны быть очевидны следующие преимущества: 1) преимущества владения – включают конфиденциальную информацию и различные права собственности компании (брендинг, авторское право, товарный знак или патентные права, а также использование внутренних навыков и управление ими); 2) преимущество местоположения – есть ли сравнительные преимущества выполнения определенных функций в конкретной стране (доступность и стоимость ресурсов при работе в одном месте по сравнению с другим);</p>

1	2	3
		3) преимущества интернализации – для организации лучше производить конкретный продукт собственными силами, чем заключать контракты с третьей стороной (иногда для организации может быть более рентабельным работать из другого места на рынке, в то время как она продолжает выполнять силами).
Теория системной интеграции Г.Б. Клейнера	2010-е гг. XX в.	Проблема интеграции экономик двух стран представляет собой проблему интеграции тетрады «наука» – «политика» – «управление» – «хозяйство», устойчивого комплекса взаимодействующих подсистем разных типов.

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо [3] основывается на законе сравнительного преимущества и представляет собой модель, когда страна получает выигрыш, торгуя товаром, в производстве которого оно имеет выгоды в сравнении с другими странами (например, низкие затраты на труд и капитал). Таким образом, межстрановое экономическое взаимодействие будет эффективно тогда, когда каждая страна будет иметь преимущества в производстве какого-либо товара и между странами сохраняются хоть малейшие различия. Однако теория Д. Рикардо в большинстве своем основывалась на природных различиях стран, в то время как следующая теория Э. Хекшера и Б. Олина строилась на **теории соотношения факторов производства** [4]. Теория Хекшера – Олина является составной частью общей модели международной торговли Хекшера – Олина – Самуэльсона и определяет страновые различия в соотношении факторов производства, устанавливая закон пропорциональности факторов: каждая страна должна стремиться специализироваться на производстве тех товаров, которые требуют больше факторов, имеющихся в данной стране. Соответственно, страна будет экспортировать товар, при производстве которого используется избыточный фактор производства (например, труд), а импортирует товар, при производстве которого страна испытывает дефицит факторов производства (например, капитал).

Следующая модель – модель международного разделения труда, именуемая **парадигмой «летающих гусей» К. Акамацу** [5], – также основана на исследовании сравнительных преимуществ стран

и рассматривала в первую очередь азиатские страны. Данная модель предусматривает последовательную интеграцию технологий: на первом этапе развивающаяся страна импортирует промышленные товары и экспортирует сырье, на втором – начинает производить сначала потребительские, а потом капиталоемкие товары, которые она ранее импортировала, на третьем – уже экспортирует производимые капиталоемкие товары, однако догнать в производстве инновационных товаров развитые страны ей будет сложно.

Таким образом, указанные модели рассматривают межстрановое экономическое взаимодействие, основанное на рассмотрении их сравнительных преимуществ, то есть различий в имеющихся у стран факторов производства и, соответственно, уровне их экономического развития. Данные модели не исследуют возможности и факторы межтерриториальной интеграции.

Следующие модели представляют собой *модели межтерриториальной интеграции*, когда территориальные социально-экономические системы сближаются и объединяются на основе развития и углубления различных форм взаимодействий.

Первая из них основана на **теории конвергенции** (Р. Арон [6], Дж. Гэлбрейт [7], П. Сорокин [8] и др.), которая заключается в том, что постепенно различия между странами с разными политическими режимами будут сглаживаться за счет заимствования друг у друга положительных черт и преодоления отрицательных, что в конечном итоге выльется в единое постиндустриальное общество с гибридной социально-экономической системой. Таким образом, конвергенция осуществляется за счет действия современной научно-технической революции и перемещения и взаимозаменяемости факторов производства.

В продолжение рассмотрения моделей межтерриториальной интеграции необходимо отметить **концепцию кластеров М. Портера** [9], которая в отличие от предыдущих теорий и моделей рассматривает не межстрановое взаимодействие, а интеграцию групп географически соседствующих взаимосвязанных стейкхолдеров (фирм и связанных с ними организаций). Таким образом, организация кластеров представляет собой негосударственные механизмы интеграции, которые инициируются бизнес-структурами интегрирующихся территорий. Поскольку кластеры формируются не на основе административного, а экономико-географического фактора, то они могут обеспечить эффективное межтерриториальное

взаимодействие на основе развития кооперационно-интеграционных форм.

Отдельно необходимо отметить **модели региональной интеграции А.М. Либмана** [10], который достаточно подробно типологизировал модели интеграции на основе двух критериев: 1) критерий основной интегрирующей силы, то есть вид и поведение основных игроков, обеспечивающих устранение барьеров для объединения (это могут быть органы власти или непубличные игроки); 2) критерий отношения власти, которая путем создания определенных внешних условий может воздействовать на игроков при принятии интеграционных решений (то есть обеспечить им равенство сил или, наоборот, асимметрию во взаимоотношениях). На основе данных критериев А.М. Либман выделил шесть моделей экономической интеграции. Однако отдельные авторы выделяют такой недостаток данной типологии, как ограниченность потенциала практического использования данных моделей.

В продолжение отметим типологию **моделей экономической интеграции**, предложенную **Д.И. Ушкаловой** [11], которая также рассматривает политико-экономические аспекты интеграционных процессов, происходящих между странами. В основе предложенной автором типологии лежит «вектор» действия используемых при интеграции инструментов. Так, можно выделить «позитивную» интеграцию, которая предусматривает использование инструментов (как наднациональных, так и межгосударственных и негосударственных), направленных на не только снятие барьеров, но и на согласование интересов стран, повышение взаимосвязанности экономик; и «негативную», которая основана только на инструментах снятия барьеров к созданию единого рынка. Сочетание критерия «вектора» интеграции вместе с критерием последовательности стадий интеграционного процесса (линейная или нелинейная) позволяет выделить четыре модели: линейная модель «позитивной» интеграции, нелинейная модель «позитивной» интеграции, линейная модель «негативной» интеграции, нелинейная модель «негативной» интеграции. Каждая из моделей таким образом преследует различную цель интеграции: например, линейная модель «позитивной» интеграции направлена на последовательное продвижение по пути усиления интеграции поэтапно от зоны свободной торговли до валютного союза, а нелинейная модель «негативной» интеграции – на

ликвидацию барьеров для экономического взаимодействия без какого-либо согласования экономической политики между странами.

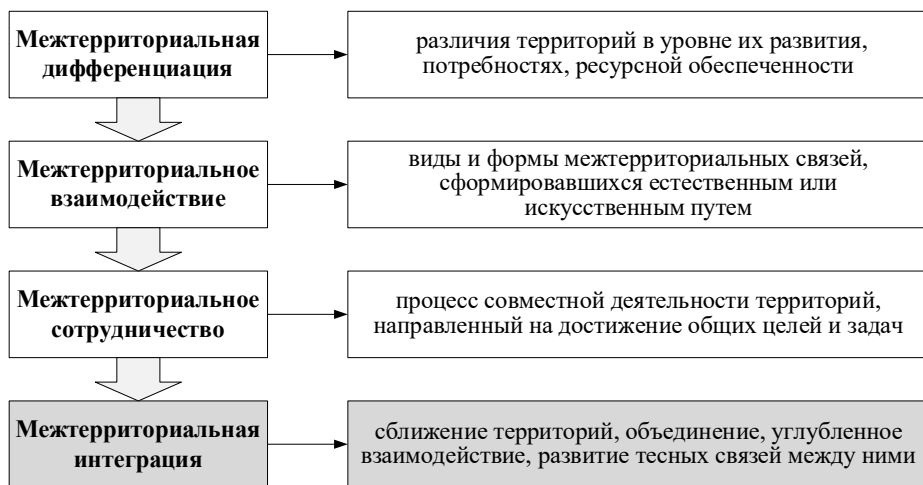
Отдельным направлением исследования экономической интеграции можно считать **эклeктическую парадигму международного производства Дж. Даннинга** [12], которая предлагает типологизацию основных типов международного производства по критериям факторов производства (местоположение) и рыночной несостоятельности. Данная парадигма рассматривает три ключевых фактора, влияющих на выбор фирмой различных моделей выхода на конкретные рынки при международном производстве, так называемые «OLI»: владения или собственности (Ownership), местоположения (Location) и интернализации (Internalization). Соответственно, чтобы прямые иностранные инвестиции приносили пользу, должны быть очевидны указанные преимущества. Данная модель представляет интерес в первую очередь для исследования деятельности транснациональных компаний, а не государств, поскольку она позволяет объяснить степень и характер международного производства, финансируемого благодаря прямым иностранным инвестициям.

Наконец, в развитии теорий и моделей межтерриториальной интеграции отметим **теорию системной интеграции Г.Б. Клейнера** [13], которая основана на предлагаемой им нормативной концепции системной интеграции общества, представляющей экономику в виде совокупности (популяции) социально-экономических организационных (объектных), инфраструктурных (средовых), логистических (процессных) и управленческих (проектных) систем, осуществляющих совместно процессы общественного производства, распределения, обмена и потребления благ. Первоочередным шагом на пути к системной интеграции общества является построение устойчивой тетрады «экономическая наука» – «национальная экономическая политика» – «управление национальной экономикой» – «реальная хозяйственная практика». Таким образом, по мнению Г.Б. Клейнера, движение к экономической интеграции требует организации «интегрирующих связей между экономической теорией, политикой, управлением и практикой». При разработке системного подхода к экономике Г.Б. Клейнер отталкивался от системной парадигмы Я. Корнаи. В своей теории автор выделяет два вида теоретической интеграции экономических систем: горизонтальную, или содержательную

(культурная, нормативная, коммуникативная, ресурсная, функционально-производственная, продуктивно-распределительная интеграции) и вертикальную, или социально-уровневую (интеграция отдельных социальных уровней экономической системы, то есть нано-, микро-, мезо-, макро- и мегауровни экономики).

Таким образом, большинство авторов в рамках различных школ сходятся в том, что межтерриториальное взаимодействие (сотрудничество, интеграция) является механизмом снижения межтерриториальных различий и укрепления экономических и иных связей территорий. Однако терминологически и методологически отсутствует единство в понимании родственных понятий: взаимодействие, сотрудничество, интеграция.

В нашем понимании место межтерриториальной интеграции среди других уровней межтерриториального взаимодействие представлено на рисунке 1.

Рис. 1. Место межтерриториальной интеграции среди других процессов межтерриториального взаимодействия (составлено на основе [14])

Межтерриториальное взаимодействие не совсем очевидное и однозначное понятие, его следует отличать от межтерриториального сотрудничества и интеграции. В его основе лежит принцип интегративности и коэволюционного развития территорий, который характеризует готовность к взаимному согласованию интересов территорий в рамках единой цели. При этом обеспечивается как стимулирование саморазвития территорий, так

и синергетический эффект от совместной реализации потенциала подсистем региона.

Исходя из этого, межтерриториальное взаимодействие и сотрудничество должно быть объектом повышенного внимания со стороны региональных органов государственной власти, что обуславливает необходимость их обязательного использования в рамках стратегического планирования на региональном и муниципальном уровнях.

1.2. Основные факторы развития межрегионального и межмуниципального взаимодействия

Нынешний этап пространственного развития социально-экономической сферы Российской Федерации характеризуется ее реструктуризацией, исходя из требований повышения эффективности. В советский период размещение предприятий происходило не всегда в соответствии с требованиями экономики. Так, экономический каркас Республики Башкортостан на основе крупнейших предприятий нефтепереработки и ее добычи, машиностроения, электроэнергетики, химической промышленности был сформирован в годы Великой Отечественной войны, исходя из наличия транспортных коммуникаций и рабочей силы.

Переход к рыночной экономике выявил множество действующих отрицательных факторов, связанных с размещением данных предприятий, что привело к их банкротству. Концепция размещения «соцгорода», реализованная созданием при крупных промышленных предприятиях городов, родила проблему моногородов, над решением которой безуспешно мы бьемся и сегодня.

На наш взгляд, единственным эффективным средством преодоления кризиса в пространственном развитии социально-экономической среды страны является углубление межрегионального и межмуниципального взаимодействия, что включает:

- формирование межрегиональных агломераций;
- создание межрегиональных и межмуниципальных инфраструктурных систем;
- усиление миграционных потоков между муниципальными образованиями (МО) и регионами;
- поддержку диффузии инноваций и компетенций между регионами и МО;

– усиление движения капиталов между регионами и МО.

Следует различать понятия межтерриториального, межрегионального и межмуниципального взаимодействия. В первом случае речь главным образом идет о межтерриториальном взаимодействии предприятий разных форм собственности, осуществляющих разные виды деятельности. В их основе лежат кооперационные связи.

В «Методических рекомендациях по организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества в сфере реализации расходных полномочий и вопросов местного значения», утвержденных Министерством регионального развития Российской Федерации от 01.01.2010 г. речь идет главным образом о межмуниципальном сотрудничестве и о правовых формах его осуществления. Говорится, что со вступлением в силу закона Российской Федерации от 06.10.2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №131-ФЗ) все МО получили возможность в полной мере реализовать свой потенциал, направленный на поиск наиболее эффективных способов решения вопросов местного значения, одним из механизмов осуществления которого является объединение различных видов ресурсов на основе договоров о межмуниципальном сотрудничестве [15].

В данных «Методических рекомендациях...» также отмечено, что значение межрегионального сотрудничества для развития субъектов Российской Федерации в современных условиях определяется укреплением хозяйственных связей субъектов Российской Федерации, оптимизацией размещаемых в них объектов инфраструктуры на основе кооперации их деятельности, ликвидацией дублирующих друг друга экономических структур при недопустимости неоправданной межрегиональной конкуренции, объединением потенциалов регионов для реализации масштабных инвестиционных проектов, ускоренным распространением инноваций [15].

Как видно, в данном документе достаточно четко различаются понятия межрегионального и межмуниципального сотрудничества или взаимодействия:

- правовым статусом сторон или субъектов взаимодействия;
- совокупностью правовых норм, регулирующих взаимоотношения сторон;

– основными направлениями взаимодействия; масштабами взаимодействия.

Если сторонами при организации межрегионального сотрудничества являются субъекты Российской Федерации, которые имеют право принимать собственные законы, МО таким правом не обладают. Кроме того, межрегиональное сотрудничество предполагает реализацию более крупных проектов, чем на межмуниципальном уровне. В данном случае возможна и более масштабная поддержка со стороны органов власти.

В случае организации межмуниципального сотрудничества, исходя из многоуровневой системы самих МО и задач, которые они решают, можно выделить такие основные направления их взаимодействия (табл. 2).

Таблица 2

Основные направления межмуниципального сотрудничества субъектов местного самоуправления

Вопросы местного значения поселений	Вопросы местного значения городских округов	Вопросы местного значения муниципальных районов
1	2	3
Организация в поселениях электро-, тепло-, газо- и водоснабжения		Организация в границах муниципального района электро-, тепло-, газо- и водоснабжения
Дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов и обеспечения безопасности дорожного движения на них, включая создание и обеспечение функционирования парковок		Дорожная деятельность вне населенных пунктов в границах муниципального района (МР)
Создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания в границах поселения	Организация городского электрического и автотранспорта	Представление транспортных услуг населению, организация транспортной связи между поселениями
Обеспечение малоимущего населения жилыми помещениями, создание условий для жилищного строительства		

Окончание таблицы 2

1	2	3
Обеспечение первичных мер безопасности в границах поселения	Создание органов муниципальной полиции	
Создание условий для обеспечения жителей поселения услугами	Содействие поселениям в создании условий для обеспечения населения услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания	
связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания	населения	
Создание условий для обеспечения жителей поселения услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания	Содействие поселениям в создании условий для обеспечения населения услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания населения	
Организация библиотечного обслуживания населения	Организация библиотечного обслуживания населения межпоселения библиотеками	
Создание условий для организации досуга населения	Содействие поселениям в создании условий для обеспечения населения в организации досуга населения	
Организация ритуальных услуг и содержание мест захоронения	Содержание на территории МР межпоселенческих мест захоронения	
Создание муниципальной пожарной охраны	Обеспечение первичных мер пожарной безопасности в границах МР за границами поселений	
	Организация предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного и школьного образования	
	Создание условий для оказания медицинской помощи населению на территории ГО и МР	
	Создание условий для оказания муниципальной помощи населению на территории ГО и МР	
	Участие в организации деятельности по накоплению, сбору, транспортировке и утилизации ТКО на территориях МР	

Источник: составлено авторами по Федеральному закону №131-ФЗ.

Основные направления межмуниципального сотрудничества субъектов местного самоуправления должны соответствовать вопросам, которые образуют зону их полномочий. Как видно из таблицы 2, в их состав входят вопросы создания необходимой инфраструктуры для социального развития соответствующих МО с учетом статуса последних, которые зависят от особенностей расселения населения и его численности.

Факторами влияния на формирование основных направлений межрегионального и межмуниципального взаимодействия являются нацеленность на:

- более полное удовлетворение социально-экономических потребностей населения;
- создание условий для развития предпринимательской деятельности;
- формирование необходимой производственной инфраструктуры.

Ограничениями в реализации проектов в развитии межрегионального и межмуниципального сотрудничества являются:

- противоречия в правовой базе его участников;
- разнонаправленность в системе их интересов;
- дефицит ресурсов.

Разнонаправленность функций отраслей инфраструктуры и обусловленное этим многообразие целей осуществления межрегионального и межмуниципального сотрудничества требуют установления их иерархичности. На наш взгляд, более приоритетным является нацеленность на большую степень удовлетворения социально-экономических потребностей населения, что обуславливает выдвижение на передний план реализации проектов по развитию объектов социальной инфраструктуры.

Создание условий для развития предпринимательской деятельности в конечном счете связано с организацией дополнительных рабочих мест, следовательно, с повышением уровня заработной платы. Формирование необходимой производственной инфраструктуры также направлено на решение данной задачи.

Существование единого рынка еще не означает отсутствия различий в правовой базе функционирования организаций, действующих в разных регионах и МО. В данном случае речь идет о наличии налоговых льгот, а также свободных земельных участков, площадей и т.д. В Республике Башкортостан в 54-х МО и в городских

округах (ГО) функционируют 7 субъектов с особым экономическим статусом.

МО и регионы отличаются также политическими приоритетами их населения. Существующие в стране политические силы представлены в них в различных пропорциях, что не может не обуславливать разнонаправленность в системе интересов в органах их власти.

Значительным препятствием в развитии межрегионального и муниципального сотрудничества является также дефицит ресурсов, в первую очередь финансов. Большая часть бюджетов российских регионов и местных бюджетов являются дефицитными. В этих условиях, по сути, кооперация в их финансовых расходах от них не зависит. Такое решение не может быть продуктивным без заинтересованности вышестоящих органов власти.

Масштабы проектов, реализуемых в русле развития межрегионального и межмуниципального сотрудничества, зависят также от их отраслевой принадлежности. В частности, следует отметить, что в сфере образовательной деятельности межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество возможно только в направлении развития специального образования. Что касается школьного образования, каждое МО должно обладать их сетью, способной обеспечить всем детям доступность таких учреждений. Межмуниципальный характер, на наш взгляд, должны иметь специализированные школы по обучению талантливых детей, которые в США называют «школы-магниты» [17].

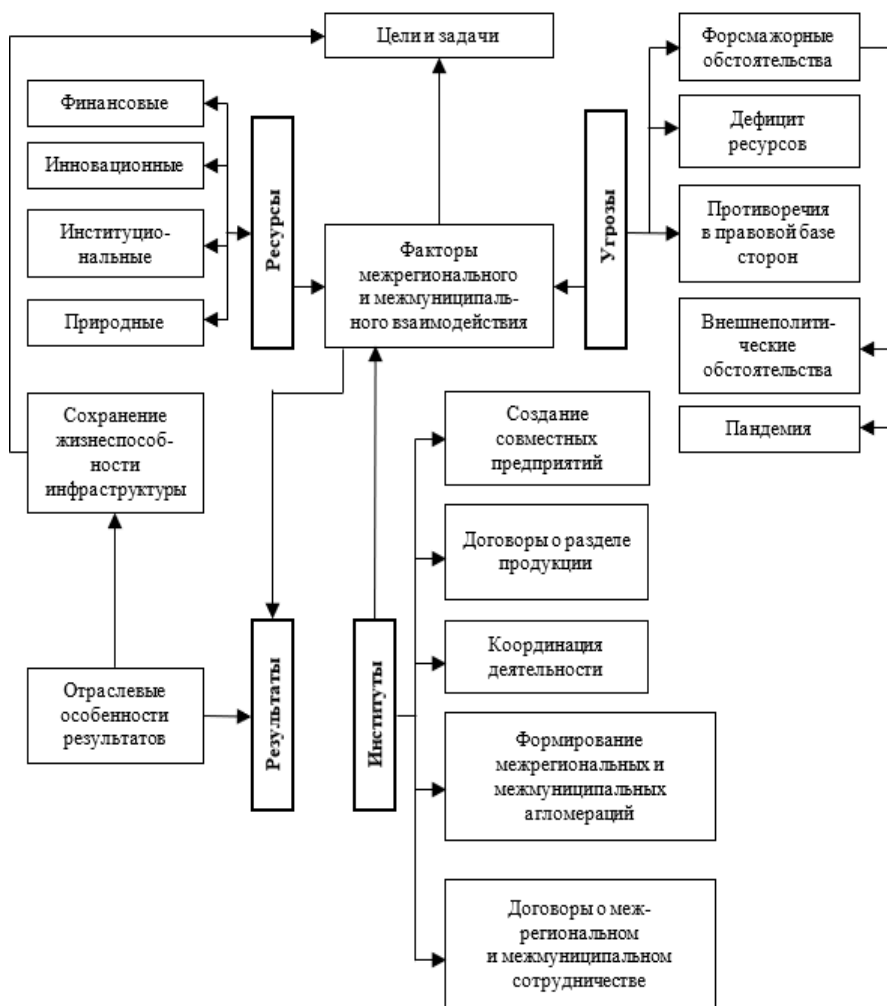
Что касается учреждений здравоохранения, межрегиональный и межмуниципальный характер должны иметь те из них, которые нацелены на оказание высокотехнологических услуг.

В создании объектов производственной инфраструктуры в условиях России большую перспективу имеет строительство аэродромов межмуниципального назначения. С учетом того, что в нашей стране худшие по качеству автомобильные дороги размещены на стыке границ между регионами, решение проблемы повышения качества дорог также имеет межрегиональный характер.

Различные регионы и МО имеют разную ресурсную базу, что включает финансовую, инновационную, институциональную и природную ее составляющие. Данные различия, на наш взгляд, и формируют объективную базу межтерриториального сотрудничества. В немалой степени на результативность

межтерриториального сотрудничества влияют дефицит ресурсов и противоречия в правовой базе сторон. В последние годы на первый план в этом отношении вышли форс-мажорные обстоятельства, обусловленные внешнеполитическими отношениями, пандемией (рис. 2).

Рис. 2. Результативность факторов межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий

Как уже было отмечено, в результативности межтерриториальных взаимодействий находят свое отражение и отраслевые особенности проектов.

По времени и характеру формирования в числе результатов различаются межрегиональные и межмуниципальные агломерации, а также и создание совместных предприятий, которые могут быть учреждены многосторонними учредительными договорами или договорами о совместном пользовании продукцией (услугами). Важную роль играют договора о координации деятельности, например, в развитии культуры, туризма и т.д.

Межтерриториальное взаимодействие – понятие экономическое, связанное с территориальным разделением труда, межбюджетными отношениями, обменом населением, распространением инноваций, расширением рынков сбыта и т.д. Оно должно отвечать следующим условиям:

- добровольное участие;
- взаимовыгодность;
- повышение эффективности экономических процессов;
- равноправие;
- возможность одностороннего выхода.

Межтерриториальное взаимодействие требует правового оформления в виде договоров, экономическое содержание которых касается цели, решаемых задач, привлекаемых ресурсов и объема благ, дополнительно получаемых при их решении.

Заинтересованность сторон при межрегиональном и межмуниципальном сотрудничестве определяется его результатами, имеющими альтернативный характер для случаев, когда на каждой территории создаются самостоятельные объекты инфраструктуры.

Потенциал межтерриториального сотрудничества не может реализоваться полностью в силу дефицита ресурсов, противоречий в институтах развития каждой из сторон и форс-мажорных обстоятельств (внешнеполитические обстоятельства и пандемия).

1.3. Проблемы интегративного и межтерриториального взаимодействия

Современная ситуация во внешнеэкономическом и геополитическом пространстве, хрупкость, тревожность, нелинейность и непостижимость мира все в большей степени разворачивает страну от процессов глобализации к процессам регионализации. Все большую актуальность получает поиск внутренних резервов роста, в том числе за счет активизации связей между территориями.

Скажем, тема межтерриториального взаимодействия в отечественной науке более изучена в прикладном аспекте, поскольку так или иначе в принудительно-административной или добровольно-экономической основе эти формы проявляются как между регионами, так и между МО. Гораздо реже встречаются исследования общей методологии и закономерностей межтерриториального взаимодействия в региональной экономике или государственном и муниципальном управлении [18].

Уточним, что межтерриториальное взаимодействие является самым общим и широким понятием в семействе родственных категорий, раскрывающих связи между территориями: взаимодействие, сотрудничество, интеграция. Межтерриториальное взаимодействие является начальным этапом движения территорий друг к другу, характеризуя формирование между ними особых связей (экономических, политических, социальных).

При этом взаимодействовать могут как одноуровневые территориальные социально-экономические системы (регион – регион, муниципальный район – муниципальный район), так и разноуровневые (регион – муниципальный район, муниципальный район – сельское поселение). В целом можно отметить, что межтерриториальное взаимодействие более эффективно между одноуровневыми территориями со схожими условиями функционирования и уровнем социально-экономического развития.

Если при межтерриториальном взаимодействии определяется конкретная общая цель согласованного развития территорий в отдельных сферах, то можно говорить о формировании между ними форм межтерриториального сотрудничества. Например, в рамках Федерального закона Российской Федерации №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации» предусмотрены ассоциативные (советы муниципальных образований), договорные (договора о сотрудничестве) и хозяйственные (межмуниципальные хозяйственные общества или некоммерческие организации) формы межмуниципального сотрудничества.

В первом случае целью являются координация деятельности их органов власти в целях более эффективного осуществления своих прав и интересов, а также защита их перед органами государственной власти; во втором – намерение о сотрудничестве в отдельных сферах, обмене информацией, побратимских связях и др.; в третьем – совместное решение вопросов местного значения через создание общих организаций. Во всех трех формах формат межтерриториальных связей разный.

Помимо общих форм межтерриториального сотрудничества, сюда же можно отнести и отдельные институты развития, создаваемые на федеральном и региональном уровнях. Например, Корпорация развития Республики Башкортостан, которая обеспечивает реализацию инвестиционных проектов на территории нескольких МО, или программные инструменты совместного развития, например, субрегионы «Зауралье» и «Северо-Восток» Республики Башкортостан, объединяющие группы соседних МО с общими проблемами. Для таких субрегионов разработаны и реализуются программы единого вектора социально-экономического развития. В данном случае выгоду получают как сами МО, так и регион в целом, решая задачи обеспечения сбалансированности внутрирегионального экономического пространства [19] или поддержки развития отдельных видов экономической деятельности [20].

Если рассматривать межрегиональный уровень, то формат сотрудничества здесь несколько иной, поскольку формы межрегионального сотрудничества законодательно не определены. В целом к ним можно отнести, во-первых, общие институты развития. Например, Ассоциация инновационных регионов России [21], целью которой является «экономическое взаимодействие регионов-членов и представление их интересов на вышестоящих уровнях»; или Институт пространственного развития Красноярского края, Республики Хакасия, Республики Тыва – АНО «Корпорация развития Енисейской Сибири», целью которой является «привлечение и реализация ключевых инвестиционных, спортивных, социальных и

деловых проектов» [22]; или Научно-образовательный центр «СЕВЕР: территория устойчивого развития», созданный «путем интеграции научных, исследовательских и образовательных ресурсов Академии наук Республики Саха (Якутия), ФИЦ Якутского научного центра научных институтов СО РАН, Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова с организациями, действующими в реальном секторе экономики» [23].

Во-вторых, межрегиональные органы управления (проектные офисы, комиссии, советы), которые реализуют единую федеральную и региональную политику в группе регионов. Например, проектный офис вышеобозначенного НОЦ «СЕВЕР: территория устойчивого развития» или межрегиональный Проектный офис по оценке регулирующего воздействия в Дальневосточном федеральном округе и др.

В-третьих, кластеры как результат формирования тесных связей между экономическими агентами, расположенными на территории нескольких регионов / МО. Здесь достаточно много примеров, поскольку экономическое сотрудничество не имеет административных границ (но имеет административные барьеры). Например, Межрегиональный промышленный кластер «Композиты без границ», Национальный аэрозольный кластер и др.

В целом межтерриториальное сотрудничество реализуется в самых различных сферах: реализация инфраструктурных, инвестиционных, социальных и иных проектов, совместное использование или освоение ресурсов (например, природных), совместное формирование и развитие информационных платформ, согласование политики по активизации экономического потенциала территории, развитию предпринимательства [24] и др.

Более тесные связи административного и экономического характера между территориями реализуются через межтерриториальную интеграцию.

Межтерриториальная интеграция – это процесс создания новой институционально оформленной надсистемы между территориями, когда происходит либо объединение некоторых общих функций, решаются совместные задачи, разрабатывается общая стратегия развития, что приводит к частичному организационному слиянию в единую интегрированную надсистему (например, агломерации), либо полное слияние в единый надрегион. Например, в Российской Федерации активно осуществляется административная реорганизация

внутрирегиональной территориально-экономической структуры, заключающейся в территориальном преобразовании муниципальных образований [25]. На практике это выражается в интеграции муниципальных образований, например, объединении сельских поселений, муниципальных районов, муниципального района и городского округа и др.

Однако само понятие «интеграция территорий» может трактоваться как некая угроза самостоятельности. Органы власти не всегда готовы к такому формату сотрудничества, вполне обоснованно опасаясь за свою целостность и внутреннюю управляемость. Поэтому здесь следует сделать акцент скорее не на интеграции, а на интегративности или интеграционном процессе. Целью интеграции является процесс объединения отдельных частей в целое, например, в нашем случае либо административное объединение территориальных социально-экономических систем (ТСЭС), либо институциональное оформление экономических форм сотрудничества. Тогда как в основе интегративности лежит «обеспечение скоординированности действий участников процесса поиск объединяющих начал для субъектов деятельности» [26].

Интегративность лежит в основе движения к межтерриториальному взаимодействию или сотрудничеству и в конечном счете к формированию различного рода сетевых структур ТСЭС, каждая из которых представляет собой совокупность структурированных самостоятельных территориальных систем, объединенных формальными или неформальными связями, общей целью, сформулированной с учетом согласования интересов каждой из территорий. Сетевые структуры внутри отдельного региона могут быть представлены агломерациями, кластерами, особыми экономическими зонами, территориями опережающего социально-экономического развития, субрегионами, ассоциациями, межтерриториальными инфраструктурными проектами и другими формами взаимодействия в зависимости от характера и цели сотрудничества. Они могут иметь общие органы управления (проектные офисы) либо функционировать на основе договоренностей без формирования единых организационных структур. Наибольшая степень интегративности приводит к полной интеграции территорий, но она скорее результат, чем изначальная цель.

Таким образом, межтерриториальное взаимодействие не совсем очевидное и однозначное понятие, его следует отличать от межтерриториального сотрудничества и интеграции [27, 28]. В его основе лежит принцип интегративности и коэволюционного развития территорий, который характеризует готовность к взаимному согласованию интересов территорий в рамках единой цели [29, 30]. При этом обеспечивается как стимулирование саморазвития территорий, так и синергетический эффект от совместной реализации потенциала подсистем региона [31, 32, 33]. Исходя из этого, межтерриториальное взаимодействие и сотрудничество должно быть объектом повышенного внимания со стороны региональных органов государственной власти.

1.4. Перспективы активизации межрегионального экономического взаимодействия

В современных условиях введения экономических санкций возникает необходимость активизации межрегиональных взаимодействий в целях восстановления целостности прервавшихся производственных цепей, которое возможно осуществить наиболее эффективно, ориентируясь на конкурентоспособность отдельных регионов по видам деятельности.

Нами рассмотрен потенциал Республики Башкортостан и соседних регионов по развитию связей по кооперации, выделены конкурентоспособные виды деятельности, что позволяет привязать преимущества каждого региона к отдельным направлениям сотрудничества на перспективу. Преимуществом подхода, реализованного в данном исследовании, является выявление потенциала активизации межрегионального взаимодействия по узловым направлениям в динамике. Более подробно рассматриваются преимущества регионов по производству основных видов сельскохозяйственной продукции.

При определении специализации регионов первоначально оцениваем уровни развития деятельности соседних с Башкортостаном регионов на основе следующих показателей: валовый региональный продукт на одного жителя, производство продукции сельского хозяйства на одного жителя, объем работ, выполненных по видам экономической деятельности (ВЭД) «Строительство» и «Промышленное производство» на душу населения. Показатель,

характеризующий производство промышленной продукции, состоит из показателей объемов отгруженных товаров, выполненных работ и услуг по ВЭД «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха», «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» (табл. 3).

Наибольший ВРП на душу населения достигнут в Республике Татарстан, наименьший – в Республике Башкортостан, Удмуртской Республике и в Челябинской области. Наибольший объем продукции сельского хозяйства на одного жителя произведен в Республике Татарстан, наименьший – в Пермском крае. Наибольший объем работ в сфере строительства выполнен в Республике Татарстан, наименьший – в Челябинской области и Удмуртской Республике. Наибольший объем отгруженных товаров промышленного производства наблюдается в Республике Татарстан, наименьший – в Республике Башкортостан и Удмуртской Республике. Республика Татарстан лидирует по всем рассматриваемым позициям.

Таблица 3

Производство продукции на душу населения по отдельным ВЭД соседних регионов в 2019 г., тыс. руб.

Регионы	ВРП	Производство продукции сельского хозяйства	Производство в отрасли строительство
Республика Башкортостан	447,5	42,0	53,7
Республика Татарстан	716,7	63,7	93,0
Пермский край	573,9	16,6	51,0
Оренбургская область	564,9	57,8	51,6
Свердловская область	586,4	21,3	47,2
Челябинская область	445,3	35,3	25,6
Удмуртская Республика	479,6	45,1	25,1

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Более подробно ВЭД, на которых специализируются соседние с Республикой Башкортостан регионы, представлены в предыдущем разделе.

Рассмотрим более подробно специализацию регионов по производству основных видов сельскохозяйственной продукции на основе коэффициентов локализации производства продукции

в масштабах Российской Федерации (табл. 4). Коэффициент локализации по численности работающего населения по производству рассматриваемых видов продукции не представляется возможным найти, так как разделение работников по отраслям сельского хозяйства не явно.

С учетом специализации и уровня конкурентоспособности видов деятельности и производства отдельных товаров можно определить перспективы их развития в том или ином регионе. В частности, по объему производства зерна в обозримом будущем будут превалировать Республики Башкортостан и Татарстан, Оренбургская область.

Таблица 4

Специализация соседних с Республикой Башкортостан регионов по производству основных видов сельскохозяйственной продукции в 2019 г.

Сельскохозяйственная продукция	Регионы
Зерно	Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Оренбургская область
Картофель	Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Свердловская область, Челябинская область, Удмуртская Республика
КРС	Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Оренбургская область, Удмуртская Республика
Молоко	Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Оренбургская область, Удмуртская Республика

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

На территориях этих регионов и будет происходить опережающее развитие производства зерновых, следовательно, и создание соответствующей инфраструктуры, поэтому сюда должны быть привлечены инвестиции, которые в данном случае обеспечат наибольшую отдачу.

Определим бюджетную базу развития межрегиональных связей. Бюджетная самообеспеченность является составляющей финансовой обеспеченности регионов, представляет собой способность исполнения расходов консолидированного бюджета за счет самофинансирования региональными органами управления [34]. Бюджетная самообеспеченность региона является составляющей финансовой самообеспеченности и предполагает сопоставление

собственных доходов в бюджете с расходами. При этом необходимо обеспечить минимальный объем общественных благ, а также выполнение социально-экономических программ в регионе [35]. Индексы самообеспеченности представлены в таблице 5.

Таблица 5

Бюджетная самообеспеченность регионов в 2019 г.

Регионы	Безвозмездные поступления, %	Индекс самообеспеченности, %
1	2	3
Республика Башкортостан	21,6	78,5
Республика Татарстан	11,3	88,7
Пермский край	14,4	85,6
Оренбургская область	21,5	78,5
Свердловская область	9,6	90,4
Челябинская область	18,1	81,9
Удмуртская Республика	24,7	75,4

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Наиболее высокий индекс бюджетной самообеспеченности, как и ВРП на душу населения, наблюдается в Свердловской области. Наименьший показатель индекса самообеспеченности – в Удмуртской Республике, а наименьший показатель ВРП на душу населения – в Челябинской области.

Высокий уровень бюджетной самообеспеченности означает наличие высокого потенциала поддержки, продвижение регионами собственных производителей, в том числе на соседние территории. Потенциально могут распространять свое влияние через создание смежных производств, расширение видов деятельности предприятий в регионах, в которых выше уровень экономического развития и бюджетная самообеспеченность, а также через их территориальную экспансию.

Активизация межрегионального экономического взаимодействия определяется необходимостью восстановления прерванных экономическими санкциями технологических цепочек. При дефиците финансовых ресурсов для обеспечения эффективности инвестиций на эти цели необходимо в первоочередном плане осуществить инвестиции в регионах с большой отдачей ресурсов. Среди регионов, с которыми граничит Республика Башкортостан наибольший экономический потенциал к межрегиональному сотрудничеству

имеет Республика Татарстан. Регионы являются конкурентами по производству сельскохозяйственной продукции, добыче и переработке нефти. Более тесная связь между ними имеется в области машиностроения. Неплохой потенциал к развитию межрегиональных связей с Республикой Башкортостан имеют Свердловская, Челябинская и Оренбургская области. С Оренбургской областью Республика Башкортостан не являются конкурирующими регионами даже по зерновому хозяйству, т.к. в республике производят в основном кормовое зерно, а соседи – для хлебопекарного производства.

1.5. Оценка конкурентоспособности видов экономической деятельности соседних с Республикой Башкортостан регионов

Современное состояние экономики определяет развитие конкурентных преимуществ территориальных образований Российской Федерации [29]. В настоящее время в условиях трансформирующейся экономики особо актуальны исследования проблем формирования и развития конкурентоспособности регионов [36, 37].

С вводом ограничений в части импортных и экспортных отношений, привлечения иностранных инвестиций, изменением спроса на внутренних рынках и производственных ресурсов возникает необходимость поиска новых источников роста, которыми могут выступать межрегиональные отношения.

Основы теории конкурентоспособности представлены в работах А. Смита, П. Самуэльсона, К. Маркса. Дальнейшее развитие теории конкурентоспособности представлено в работах Й. Шумпетера, Р. Солоу, Ч. Кубба, А. Тинбергена. В СССР, благодаря централизованной системе управления, связи между территориальными образованиями были устойчивыми и постоянными, наиболее известны работы по данной тематике ученых В.С. Немчинова, Р.И. Шпинера, А. Гранберга. В современных российских реалиях вопросы взаимодействия регионов стали более актуальными. Среди ученых, занимающихся этими вопросами, можно выделить А.Г. Аганбегяна, И.А. Ильина, П.И. Бурака, Н.В. Зубаревич, Н.Я. Калюжнова, В.А. Шульгу, П.А. Минакира [32, 33]. Среди зарубежных исследователей – работы М. Портера, Р. Бролта, А. Маркузена и М. Кламута.

Во многих работах современных отечественных ученых понятие «развитие региона как социально-экономической системы» основывается на совершенствовании внутреннего потенциала, среды субъектов Российской Федерации [38]. Данное трактование снижает негативное влияние внешней экономики за счет межрегионального взаимодействия. Приграничное сотрудничество для эффективного социально-экономического развития регионов возможно при системном подходе к управлению сотрудничеством с учетом специализации соседних районов, с выделением в каждом из них конкурентоспособных видов экономической деятельности.

При проведении оценки возможных взаимоотношений соседних регионов, важное значение имеет определение специализации регионов за счет природно-географического положения, имеющихся в регионе производственных и трудовых ресурсов. Концентрация производства позволяет производить продукцию в большом объеме не только для обеспечения самого региона, но и для внешнего рынка.

Для определения ведущих ВЭД на уровне страны предлагаем использовать коэффициенты локализации [39, 40], которые представляют собой отношение удельного веса производимой продукции определенного ВЭД в регионе к удельному весу всей производимой продукции в регионе:

$$LQ_{ir}^V = \frac{X_{ir}/X_{iR}}{X_{rR}/X_{IR}}, \quad (1)$$

где X_{ir} – объем производства i -м видом деятельности в r -м регионе;

X_{iR} – объем производства i -м видом деятельности в стране;

X_{rR} – объем производства в r -м регионе;

X_{IR} – объем производства в стране [37].

Коэффициенты локализации показывают концентрацию ВЭД по регионам в стране. При определении специализации региона за оценочную меру принимается единица, в сравнении с которой определяют его специализацию: если коэффициент больше единицы, то данный вид деятельности указываем как ведущий.

Территориально-отраслевое разделение труда направлено на развитие производства в регионе. Поэтому для определения концентрации производства рассчитывают аналогичным образом коэффициент локализации численности занятых по основным ВЭД,

который показывает уровень занятых по ВЭД в регионах. Данный коэффициент характеризует социальную значимость ВЭД.

Для определения опережающего эффективного развития ВЭД предлагаем использовать коэффициент интенсивности локализации (LQ_{ir}), представляющий собой отношение коэффициентов локализации объема производства (LQ_{ir}^V) и численности работающего населения (LQ_{ir}^E):

$$LQ_{ir} = LQ_{ir}^V / LQ_{ir}^E. \quad (2)$$

Соответственно, если коэффициент интенсивности локализации больше единицы, то ВЭД демонстрирует опережающее развитие.

С помощью коэффициентов локализации В.А. Головин определяет зоны: низкой локализации ($LQ_{ir}^V < 1, LQ_{ir}^E < 1$), недостаточной локализации ресурсов ($LQ_{ir}^V > 1, LQ_{ir}^E < 1$), недостаточной локализации результатов ($LQ_{ir}^V < 1, LQ_{ir}^E > 1$) и повышенной локализации ($LQ_{ir}^V > 1, LQ_{ir}^E > 1$) [45].

Приграничными к Республике Башкортостан регионами являются следующие: Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Пермский край, Оренбургская, Свердловская и Челябинская области. Определим для этих регионов основные ВЭД с помощью коэффициентов локализации (табл. 6).

Таблица 6

Коэффициенты локализации основных ВЭД регионов в 2019 г.

ВЭД	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Удмуртская Республика	Пермский край	Оренбургская область	Свердловская область	Челябинская область
1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	1,28	1,33	1,40	0,40	1,60	0,57	1,20
Добыча полезных ископаемых	0,25	2,13	2,03	1,67	3,03	0,15	0,19
Обрабатывающие производства	1,85	0,85	1,08	1,70	0,68	1,89	1,90

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5	6	7	8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0,89	0,67	0,80	0,83	1,02	1,35	1,21
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,03	0,66	0,74	1,16	1,21	1,87	1,76
Строительство	1,22	1,36	0,86	0,77	1,10	0,75	1,06
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	0,89	0,73	0,57	0,66	0,44	0,89	0,74
Транспортировка и хранение	0,86	0,79	0,64	0,63	0,61	1,02	0,93
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1,02	0,89	0,79	0,75	0,78	1,01	0,72
Деятельность в области информации и связи	0,78	0,72	0,47	0,81	0,38	0,80	0,74
Деятельность финансовая и страховая	0,42	0,61	0,50	0,53	0,38	0,43	0,52
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,89	0,80	0,88	0,74	0,54	1,04	0,97
Деятельность профессиональная, научная и техническая	0,85	0,72	0,54	0,61	0,28	0,99	0,87
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	0,89	0,64	0,56	0,61	0,41	0,85	0,77
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	0,73	0,60	0,81	0,76	0,74	1,02	0,86

Окончание таблицы 6

1	2	3	4	5	6	7	8
Образование	1,27	0,87	1,09	0,86	0,89	1,06	1,14
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	1,11	0,58	1,15	0,86	0,86	1,02	1,26
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,55	1,00	0,85	0,56	0,48	0,74	0,77
Предоставление прочих видов услуг	0,88	0,91	1,12	0,67	0,52	1,15	0,98

Источник: составлено авторами на основе статистических данных.

Сравним динамику коэффициентов локализации производства по ВЭД с 2010 г. по 2019 г. Графические динамические модели за этот период не представляется возможным построить, так как в 2016 г. произошли изменения в общероссийском классификаторе ВЭД, рассмотрим специализацию регионов в начале и в конце выбранного интервала, используя коэффициенты локализации объема производства LQ_{it}^V .

Республика Башкортостан в 2010 г. специализировалась в следующих ВЭД: «Сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство», «Обрабатывающие производства», «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания», «Образование». При этом в 2019 г. стали ведущими ВЭД дополнительно к имеющимся: «Строительство», «Водоснабжение и водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений».

Республика Татарстан в 2010 г. специализировалась в следующих ВЭД: «Сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство», «Добыча полезных ископаемых», «Строительство», «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания». К 2019 г. добавился ведущий ВЭД «Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений».

Удмуртская Республика в 2010 г. специализировалась в ВЭД: «Сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство», «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Деятельность финансовая и страховая», «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное

обеспечение», «Образование», «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг». В 2019 г. – «Деятельность финансовая и страховая», «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение» перестали быть основными ВЭД в Удмуртии, а «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» стало основным.

В 2010 г. в Пермском крае в основные ВЭД вошли: «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания», «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение». В 2019 г. вышли из основных ВЭД «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания», «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение», добавилось в основные – «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений».

В Оренбургской области основными ВЭД являлись в 2010 г.: «Сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство», «Добыча полезных ископаемых», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». По новому ОКВЭД вместо последнего пункта в 2019 г. вошло «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха».

В Свердловской области в 2010 г. основными ВЭД являлись «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производств», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых приборов», «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания», «Образование», «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг». В 2019 г. вышли из основных ВЭД: «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов», вошли – «Транспортировка и хранение», «Деятельность финансовая и страховая».

В Челябинской области основными ВЭД являлись: «Сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство», «Обрабатывающие производства», «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение», «Образование», «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг». В 2019 г. дополнительно вошли: «Обеспечение электрической

энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений», «Строительство».

Определим эффективность локализации основных ВЭД в соседних с Республикой Башкортостан регионах с помощью коэффициента эффективности локализации (табл. 7).

Таблица 7

Коэффициенты эффективности локализации регионов в 2019 г.

ВЭД	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Удмуртская Республика	Пермский край	Оренбургская область	Свердловская область	Челябинская область
1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	1,22	1,17	1,67	0,62	0,73	1,29	1,56
Добыча полезных ископаемых	0,18	1,40	1,82	1,66	1,06	0,19	0,29
Обрабатывающие производства	1,68	0,68	0,73	1,18	0,82	1,32	1,20
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0,88	0,63	0,87	0,78	0,82	1,20	1,41
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,02	0,62	0,66	1,32	1,10	1,96	1,72
Строительство	1,14	1,24	0,86	0,74	1,35	1,09	1,00
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	0,91	0,85	0,69	0,76	0,50	0,77	0,81

Окончание таблицы 7

1	2	3	4	5	6	7	8
Транспортировка и хранение	1,03	0,84	0,76	0,66	0,67	1,20	1,08
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,92	0,96	0,78	0,72	1,09	1,13	0,83
Деятельность в области информации и связи	0,98	0,71	0,60	0,93	0,55	0,86	0,91
Деятельность финансовая и страховая	0,58	0,59	0,73	0,75	0,62	0,45	0,72
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,85	0,75	1,13	0,79	0,71	1,02	0,92
Деятельность профессиональная, научная и техническая	0,98	0,85	0,73	0,71	0,42	1,17	1,09
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	0,89	0,94	0,71	0,61	0,52	0,91	1,11
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	0,81	0,81	0,81	0,64	0,70	1,04	0,97
Образование	1,30	0,78	0,86	0,86	0,84	0,97	1,14
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	1,02	0,69	1,08	0,85	0,78	1,01	1,30
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,62	1,13	0,76	0,66	0,64	0,81	0,80
Предоставление прочих видов услуг	0,86	1,30	1,46	0,83	0,81	1,70	0,99

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Не все отрасли, являющиеся основными ВЭД эффективны. При этом есть отрасли, которые не являются отраслями специализации, но

эффективны с точки зрения локализации. В некоторых регионах, несмотря на высокую концентрацию ресурсов в ведущих отраслях, эффективность их использования – невысокая.

Представим распределение ВЭД регионов по классификации, предложенной В.А. Головиным, в таблице, используя следующие обозначения: зоны низкой локализации – НЛ, недостаточной локализации ресурсов – НРЕС, недостаточной локализации результатов – НРЕЗ и повышенной локализации – ПЛ (табл. 8).

Таблица 8

Зоны локализации по ВЭД регионов в 2019 г.

ВЭД	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Удмуртская Республика	Пермский край	Оренбургская область	Свердловская область	Челябинская область
1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	ПЛ	ПЛ	НРЕС	НЛ	НРЕЗ	НЛ	НРЕС
Добыча полезных ископаемых	НРЕЗ	ПЛ	ПЛ	ПЛ	ПЛ	НЛ	НЛ
Обрабатывающие производства	ПЛ	НРЕЗ	ПЛ	ПЛ	НЛ	ПЛ	ПЛ
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	НРЕЗ	НРЕЗ	НЛ	НРЕЗ	ПЛ	ПЛ	НРЕС
Водоснабжение; водоотведение, организация	ПЛ	НРЕЗ	НРЕЗ	НРЕС	ПЛ	НРЕС	ПЛ
сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений							
Строительство	ПЛ	ПЛ	НЛ	НРЕЗ	НРЕС	НЛ	ПЛ
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	ПЛ	НЛ	НРЕС	НРЕЗ	НЛ	НРЕС	НЛ
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	НРЕЗ	НРЕЗ	НЛ	НЛ	НЛ	ПЛ	НЛ

1	2	3	4	5	6	7	8
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	НЛ	НЛ	НЛ	НРЕЗ	НРЕЗ	НРЕС	НЛ
Образование	НРЕС	НРЕЗ	ПЛ	НРЕЗ	НРЕЗ	ПЛ	НРЕС
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	ПЛ	НЛ	ПЛ	НРЕЗ	НРЕЗ	ПЛ	НРЕС
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	НЛ	НРЕС	НРЕЗ	НЛ	НЛ	НЛ	НЛ
Предоставление прочих видов услуг	НРЕЗ	НЛ	НРЕС	НЛ	НЛ	НРЕС	НЛ

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

ВЭД «Сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство» в Башкортостане и Татарстане являются ведущими и находятся в зоне повышенной локализации. В Свердловской области и Пермском крае рассматриваемая отрасль не развита, и соответственно, находится в зоне недостаточной локализации. В Удмуртской Республике и Челябинской области недостаточно трудовых ресурсов, при их увеличении в этой отрасли произойдет и увеличение производства продукции. В Оренбургской области же при достаточном объеме трудовых ресурсов производство сельскохозяйственной продукции неэффективно.

ВЭД «Добыча полезных ископаемых» в зоне повышенной локализации находится в Республике Татарстан, Удмуртской Республике, Пермском крае, Оренбургской области. В Башкортостане ресурсы используются неэффективно. К зонам недостаточной локализации относятся Свердловская и Челябинская области.

ВЭД «Обрабатывающие производства» Оренбургской области относится к зоне с низкой локализацией. В Татарстане в данном случае неэффективно используются трудовые ресурсы. В остальных регионах отрасль находится в зоне повышенной локализации. При этом в Удмуртской Республике хотя коэффициент интенсивности локализации и низок, коэффициент локализации трудовых ресурсов превышает коэффициент локализации объема производства.

«Деятельность профессиональная, научная и техническая», «Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги» относятся во всех рассматриваемых регионах к зоне с низкой локализацией. Практически все регионы имеют низкую локализацию по ВЭД «Деятельность финансовая и страховая». Эти отрасли отстают по уровню локализации трудовых ресурсов и производства продукции. Рассматриваемые регионы имеют низкий потенциал развития этих ВЭД.

Представленные коэффициенты специализации позволяют оценить характер отраслевой структуры регионов. В результате исследования, объединив полученные результаты, была определена специализация соседних регионов Республики Башкортостан. Представим ведущие ВЭД соседних регионов, которые находятся в зоне опережающего развития:

– «Сельское и лесное хозяйство»: республики Башкортостан и Татарстан;

– «Добыча полезных ископаемых»: специализировались Татарстан и Удмуртская республики, Пермский край, Оренбургская область;

– «Обрабатывающие производства»: республики Башкортостан и Удмуртская, Пермский край, Свердловская и Челябинская области;

– «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха»: Оренбургская и Свердловская области;

– «Водоснабжение, сбор и утилизация отходов и загрязнений»: специализировались Республика Башкортостан, Оренбургская и Челябинская области;

– «Строительство»: республики Башкортостан и Татарстан, Челябинская область;

– «Деятельность по операциям с недвижимым имуществом»: Свердловская область;

– «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг»: Башкортостан и Удмуртская Республика, Свердловская область.

Сведем полученный результат в таблицу, представим ведущие ВЭД соседних регионов, находящиеся в зоне опережающего развития, у которых коэффициенты локализации численности и объема производства, эффективности локализации ВЭД больше единицы за последние 10 лет (табл. 9).

Ведущие ВЭД соседних регионов, находящиеся в зоне опережающего развития

ВЭД	Регионы
Сельское и лесное хозяйство	Республика Башкортостан, Республика Татарстан
Добыча полезных ископаемых	Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Пермский край, Оренбургская область
Обрабатывающие производства	Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Пермский край, Свердловская область, Челябинская область
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Оренбургская область, Свердловская область
Водоснабжение, сбор и утилизация отходов и загрязнений	Республика Башкортостан, Оренбургская область, Челябинская область
Строительство	Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Челябинская область
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Свердловская область
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Свердловская область

Представленные в регионах ВЭД являются видами деятельности опережающего развития, лидерами локализации и потенциальными элементами кластерного образования. Как видим, регионы характеризуются несколькими видами специализации, некоторые приграничные регионы обладают одинаковыми видами специализации за счет схождения природно-географических и климатических условий. Межрегиональное неравенство соседних регионов выражается не только разными лидирующими видами деятельности и уровнем социально-экономического развития, но и включает такие инерционные факторы, как этнические, культурные, социальные. Также они включают трудовые ресурсы, которые более мобильны и благодаря которым виды деятельности с недостаточной локализацией трудовых ресурсов, за счет привлечения трудовых ресурсов из соседних регионов, могут перейти в лидирующие и образовать кластеры развития. Организация межрегионального

приграничного обмена различными видами товаров, образование крупных медицинских центров, учреждений образования и культуры также представляют взаимодействие соседних регионов. Именно межрегиональное взаимодействие регионов является потенциалом их социально-экономического развития.

На основе оценки развития отраслей специализации необходимо разрабатывать стратегию развития приграничного взаимодействия регионов таким образом, чтобы она стимулировала в регионах эффективное производство продукции за счет данного фактора. Организация системного подхода к управлению межрегиональным взаимодействием позволит более эффективно использовать возможности соседних регионов. Результаты исследований должны стать основой для разрабатываемых стратегий межрегионального приграничного социально-экономического развития.

1.6. Определение эффективных направлений межрегионального взаимодействия

Основным фактором социально-экономического развития регионов в современных условиях является усиление межрегионального взаимодействия, что в свою очередь должно привести к увеличению товарооборота, расширению рынков сбыта, совместному потреблению ресурсов, большему привлечению инвестиций [36, 46]. Межрегиональное взаимодействие может выступить в роли акселератора развития социальной и экономической сферы. В своих работах Е.В. Лукин и Т.В. Ускова отмечают, что развитие межрегиональных отношений влияет на социально-экономический рост регионов [29].

Основоположник теории межрегиональных отношений М. Портер в своих работах определил, что конкурентоспособность внутреннего рынка определяет уровень конкурентоспособности на внешнем рынке [47]. О.В. Бакуменко доказала, что межрегиональное взаимодействие особенно важно для периферийных регионов с небольшой территорией [41]. М. Фритш установил взаимосвязь между межрегиональным взаимодействием и инновационной активностью на примере регионов Словении и Австрии [48]. При этом в работах В. Брауна и Б. Братса отмечено, что взаимное географическое расположение объектов не является решающим фактором для инновационного развития [49]. В исследованиях,

посвященных оценке взаимодействия регионов, рассматриваются два подхода: на уровне межрегионального взаимодействия и на уровне эффективности функционирования кластеров. Для оценки межрегионального сотрудничества проводят оценку отдельных форм и комплексный анализ сотрудничества. Для определения эффективности деятельности кластеров реализуются подходы на основе оценок: уровня достижения, показателей функционирования кластера, а также развития взаимодействий внутри него; факторов функционирования и экспертных оценок по этим критериям функционирования.

Между регионами происходит сотрудничество на разных уровнях: на уровне органов управления, отраслевого, общественного и рыночного взаимодействия, государственно-частного партнерства и маркетинга территории. Для органов управления критерием оценки является количество заключенных соглашений и программ [50].

Эффективное стратегическое управление социально-экономическим развитием региона совместно с комплексным межрегиональным взаимодействием и успешной инновационной деятельностью образуют зону опережающего развития. Только благодаря активному инновационному процессу и межрегиональному взаимодействию создается межрегиональный инновационный кластер. В результате эффективного стратегического управления социально-экономическим развитием регионов и межрегионального взаимодействия получаем зоны локализации по видам сотрудничества. На основе совместной инновационной деятельности и стратегического управления социально-экономическим развитием образуются зоны стратегического инновационного развития, в которых возможно провести оценку эффективности реализации стратегии. Стратегии управления регионами должны учитывать инновационное развитие и взаимодействие между регионами [51, 52].

Раскрытие потенциала развития регионов Приволжского федерального округа (ПФО), повышение уровня их социально-экономического развития возможно на основе межрегионального взаимодействия, так как рассматриваемое взаимодействие актуально именно для периферийных территорий.

На первом этапе определяем уровень географической связанности: количество внешних и внутренних границ. Представим по группам географической связанности регионы ПФО. В первую группу с высоким уровнем географической связанности (регионы,

имеющие более четырех соседей) входят: республики Татарстан и Башкортостан, Кировская и Ульяновская области, Чувашская Республика. В группу со средним уровнем географической связанности (регионы имеющие трех-четырёх соседей) входят: республики Марий Эл, Мордовия, Удмуртская, Пермский край и области Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская. Низкий уровень географической связанности (регионы, имеющие менее 3 соседей) не имеет ни один регион ПФО. Также регионы ПФО не имеют внешних границ.

На следующем этапе определяем экономическую связанность. Для этого можно воспользоваться экономико-математическими и эвристическими методами [53]. К экономико-математическим методам относятся стохастический факторный анализ, оптимизационные и имитационные методы, корреляционно-регрессионный анализ. Стохастический факторный анализ учитывает степень влияния интересующего показателя на результат с помощью вероятностных оценок, при этом необходимо первоначально отобрать переменные, оказывающие влияние системного и комплексного характера на межрегиональные взаимодействия и социально-экономическое развитие регионов. С помощью моделирования возможно изучить внутреннюю структуру объекта исследования и внешние связи. При изучении экономической связанности регионов ПФО, на основе подходов, предложенных М.А. Николаевым и М.Ю. Махотаевой, проанализируем корреляционную зависимость за 2010–2019 гг. по ВРП и ВРП на душу населения регионов ПФО [54, 55]. Для этого построим корреляционную матрицу.

Для множественного уравнения регрессии для p факторов

$$y = b_0 + b_1x_1 + \dots + b_ix_i + \dots + b_px_p \quad (3)$$

определяем частный коэффициент корреляции:

$$r_{x_i} = \sqrt{1 - \frac{1 - R_{yx_1x_2\dots x_{i-1}x_{i+1}\dots x_p}^2}{1 - R_{yx_1\dots x_{i-1}x_{i+1}\dots x_p}^2}}, \quad (4)$$

где $R_{yx_1x_2\dots x_{i-1}x_{i+1}\dots x_p}^2$ – коэффициент множественной детерминации с полным набором факторов; $R_{yx_1\dots x_{i-1}x_{i+1}\dots x_p}^2$ – коэффициент без фактора x_i .

Так, между регионами ПФО, а также между итоговым показателем по Российской Федерации и регионами округа, по основному показателю, характеризующему экономику регионов, ВРП и ВРП на душу населения за 2010–2019 гг. прослеживается высокая зависимость.

Далее возможно рассчитать индекс Морана, с помощью которого определяют связанность в пространственной экономике. Глобальный индекс демонстрирует силу экономической связанности региона, локальный индекс – силу связанности МО с учетом взаимного расположения:

$$I = \frac{\sum \sum w_{ij} z_i z_j}{\sum z_i^2} * \frac{n}{S_0}, \quad (5)$$
$$z_i = x_i - x_{cp}$$

где S_0 – сумма пространственных весов;
 w_{ij} – пространственный вес между i и j объектами;
 n – число объектов.

На следующем этапе необходимо исследовать нормативно-правовое обеспечение межрегионального взаимодействия [25]. Так, было принято межрегиональное соглашение о взаимодействии в ПФО на 2021–2024 гг., которое предполагает сотрудничество в разных областях: науке, экономике, социальной сфере (социальной защите, летнем отдыхе, культуре, здравоохранении и т.п.), экономической сфере, работе общественных палат регионов и т.д. В сфере социально-экономического развития задачами соглашения являются: совместная поддержка отечественных производителей; сохранение и увеличение темпов роста на основе создания межрегиональных связей; повышение инновационной привлекательности; обеспечение единства многонационального народа.

Было отмечено то, что при разработке проектов межрегионального взаимодействия необходимо учитывать работу средних, малых и индивидуальных предпринимателей, а также заключать соглашения и договора для развития социального партнерства. Каждый регион заключает торгово-экономические соглашения с другими регионами. Например, Республика Башкортостан заключила к 2019 г. не менее 80 соглашений с регионами Российской Федерации.

Межрегиональное взаимодействие необходимо для сохранения и повышения роста социально-экономического уровня развития в современных условиях, а также для повышения эффективности использования ресурсов [56, 57]. Для дальнейшего интенсивного и эффективного повышения социально-экономического уровня жизни населения необходимо разрабатывать рекомендации по межрегиональным взаимодействиям на основе географической, экономической связанности регионов с использованием экономико-математических методов, организационного и методического обеспечения законодательства.

1.7. Типология экономического пространства Республики Башкортостан по степени реализации потенциала межтерриториального и межмуниципального взаимодействия

Текущая социально-экономическая ситуация в России подталкивает регионы искать и формировать новые направления межтерриториального и межмуниципального взаимодействия, ориентируя свои производства на потребности внутренних рынков соседних территорий. Для определения территорий, на которые необходимо переориентировать рынок сбыта, нужно определить типы пространств по степени реализации его потенциала. Для типологизации экономического пространства по степени реализации потенциала межтерриториального и межмуниципального взаимодействия выбраны следующие критерии:

- ранг соседства;
- демографический потенциал;
- общеэкономический промышленный потенциал;
- аграрный потенциал.

Данная совокупность потенциалов территорий позволяет определить интегральный потенциал территорий по реализации для дальнейшего межтерриториального и межмуниципального взаимодействия.

Определение потенциала МО по степени реализации межтерриториального и межмуниципального взаимодействия проведено на трех уровнях: федеральном, межрегиональном и внутрирегиональном.

К крупнейшим региональным системам на федеральном уровне отнесены, исходя из объемов производства ВРП, более 1,0 трлн руб. следующие регионы (табл. 10).

Таблица 10

Крупнейшие и крупные региональные системы России по объемам ВРП в 2018 г.

Регионы	ВРП, трлн руб.	Численность населения, млн чел.	Площадь территории, км ²	Специализация
1	2	3	4	5
ХМАО	4,5	1,65	534 801	Нефтегазодобывающая отрасль
ЯНАО	3,1	0,5	769 250	Нефтегазодобывающая отрасль
Сахалинская область	1,2	0,5	87 101	Нефтегазодобывающая отрасль
Оренбургская область	1,0	1,9	123 702	Нефтегазодобывающая отрасль
Республика Саха (Якутия)	1,1	0,96	3 083 523	Нефтегазодобывающая отрасль
Красноярский край	2,3	2,9	2 366 797	Промышленная специализация
Кемеровская область	1,2	2,7	95 725	Угольная промышленность
Иркутская область	1,4	2,4	774 846	Лесная, целлюлозно-бумажная промышленность
Республика Татарстан	2,5	3,9	67 847	Добыча полезных ископаемых
Пермский край	1,3	2,6	160 236	Нефтегазодобывающая отрасль
Ленинградская область	1,1	1,8	83 908	Обрабатывающие производства
Самарская область	1,5	3,2	53 565	Обрабатывающие производства
Тюменская область (без АО)	1,3	3,7	1 464 173	Нефтегазодобывающая отрасль
Челябинская область	1,5	3,5	88 529	Черная металлургия
Республика Башкортостан	1,7	4,06	142 947	Обрабатывающие производства

1	2	3	4	5
Свердловская область	2,3	4,3	194 226	Черная и цветная металлургия
Ростовская область	1,5	4,2	100 967	Пищевая и перерабатывающая промышленность
Краснодарский край	2,4	5,6	75 485	Перерабатывающие производства
Нижегородская область	1,4	3,2	76 624	Машиностроение, химия, черная металлургия
Московская область	4,2	7,5	44 329	Промышленное производство
Новосибирская область	1,3	2,8	177 756	Промышленное производство
г. Москва	17,9	12,5	2 561,5	Машиностроение
г. Санкт-Петербург	4,1	5,3	1 439	Оптовая и розничная торговля

Источник: составлено авторами на основе статистических данных.

Реализация потенциала межтерриториального и межмуниципального взаимодействия региональных систем и МО главным образом зависит от степени влияния внутреннего потребительского фактора на их развитие. Нами выделены типы региональных систем России по степени зависимости их трансформации от внутреннего потребительского фактора:

1) региональные системы динамического процветания, характеризующиеся очень большими объемами общего оборота организаций по ВЭД (от 4,8 до 55 трлн руб.) и высокой степенью зависимости их трансформации от внутреннего потребительского фактора: г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург;

2) крупнейшие монорегиональные и диверсифицированные региональные системы с низкой степенью зависимости их трансформации от внутреннего потребительского фактора, характеризующиеся международной и внутрироссийской функциональной специализацией, большими объемами общего оборота организаций по ВЭД (от 3,04 до 4,4 трлн руб.), неустойчивой демографической ситуацией и т.д.: ХМАО и ЯНАО;

3) крупные экспортно-ориентированные региональные системы с международной специализацией, характеризующиеся низкой степенью зависимости их трансформации от внутреннего потребительского фактора, средними объемами оборота организаций по ВЭД (от 1,5 до 3,0 трлн руб.), нестабильной динамикой реальных доходов населения, сокращающейся численностью населения в условиях глобальной декарбонизации и экономических санкций: Красноярский край; Республика Татарстан, Свердловская область, Краснодарский край, Республика Башкортостан;

4) стагнирующие региональные системы, характеризующиеся очень низкой степенью зависимости их трансформации от внутреннего потребительского фактора, очень высокой дифференциацией доли розничного, оптового товарооборота, очень малыми объемами общего оборота организаций по ВЭД (до 100 млрд руб.), стабильным трендом падения реальных доходов населения и т.д. (республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Чечня и др.).

В качестве рекомендаций для межтерриториального взаимодействия Республики Башкортостан можно предложить ориентацию сбыта продукции на региональные системы динамического процветания (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург) и крупные экспортно-ориентированные региональные системы с международной специализацией (Красноярский край, Республика Татарстан, Свердловская область, Краснодарский край).

Ориентация на крупнейшие монорегиональные и диверсифицированные региональные системы страны с позиции реализации потенциала межтерриториального взаимодействия не будет иметь высокого социально-экономического эффекта ввиду того, что на данных территориях очень низкая роль внутреннего потребительского фактора в трансформации региональных систем, низкая доля объемов розничного и оптового товарооборота, соответственно, это будет определять низкий потребительский спрос на товары и услуги из Республики Башкортостан.

Межрегиональный уровень оценки степени реализации потенциала межмуниципального взаимодействия муниципальных образований Республики Башкортостан по показателю ранга-соседства с соответствующими образованиями сопредельных территорий (Пермский край, Свердловская, Челябинская,

Оренбургская области, Республика Татарстан и Удмуртская Республика) показаны в таблице 11.

Таблица 11

Группировка приграничных МО Республики Башкортостан по степени реализации потенциала межрегионального и межмуниципального взаимодействия с субъектами сопредельных территорий по показателю ранга-соседства

Группы МО со степенью реализации потенциала межрегионального и межмуниципального взаимодействия	Значение ранга-соседства с сопредельным и территориями	МО Республики Башкортостан с потенциалом межрегионального и межмуниципального взаимодействия
С высокой	Более 5	Белорецкий, Дуванский, Иглинский, Кугарчинский, Нуримановский
Со средней	От 3 до 4	Абзелиловский, Архангельский, Аскинский, Баймакский, Бакалинский, Бижбулякский, Еремеевский, Зианчуринский, Илишевский, Кигинский, Кумертауский, Мечетлинский, Миякинский, Нефтекамский, Салаватский, Стерлибашевский, Тактышлинский, Туймазинский, Федоровский, Хайбулинский, Шаранский, Янаульский
С низкой степенью	Менее 3	Белокатайский, Учалинский

Источник: составлено авторами на основе статистических данных.

Эволюция системы расселения Республики Башкортостан происходит по отдельным точкам роста региона, которые притягивают человеческие ресурсы из периферийных территорий (малые и средние города, сельские МО). Для социо-экономического пространства Республики Башкортостан характерна территориальная концентрация производств, населения, инвестиций в четырех городских агломерациях республики при высочайшей роли Уфимской агломерации [58].

Для городских агломераций республики характерен стабильный рост численности населения. Уфимская агломерация и близлежащие к ней муниципальные районы являются центром притяжения. Практически не меняется численность населения районов, имеющих на своей территории городские округа или городские поселения, что является сдерживающим фактором миграционного оттока населения [59].

Эти тенденции подтверждают и показатели миграционных потоков. За период 2010–2020 гг. в Уфимскую агломерацию приехали 83,3 тыс. чел., что суммарно равно численности Зилаирского, Ермакеевского, Федоровского, Бурзянского и Кигинского районов Республики Башкортостан, вместе взятых. В том числе в близлежащие к столице районы приехали 43,7 тыс. чел., что составило 13,0% от общей численности населения этих районов за 2019 г.

В то же время из семи муниципальных районов Северо-Востока Республики Башкортостан за 2010–2020 гг. выехали 18,3 тыс. чел., что составляет почти 10,5% от численности населения территории (табл. 12). Аналогичная ситуация в районах Зауралья и других приграничных территориях республики.

Таблица 12

Территориальные различия в динамике миграционного движения населения по разным видам региональных систем Республики Башкортостан за 2010–2020 гг., чел. [60]

Районы	2010 г.	2012 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	Суммарный МП* (+), МУ (-) за 2010–2020 гг.	Доля МП (+), МУ (-) от численности населения в 2020 г., %
1	2	3	4	5	6	7	8
Городские агломерации							
Уфимская	6 140	5 565	4 073	5 650	8 036	83 263	5,65
Нефтекамская	91	-567	-570	-293	773	-3 586	-1,59

Окончание таблицы 12

1	2	3	4	5	6	7	8
Октябрьский-Туймазинская	427	394	-102	177	-1 082	1 820	0,74
Депрессивные территории							
Зауралье (восемь МО)	-532	-3 321	-2 092	-1 969	-3 403	-25 947	-8,09
Северо-Восток (семь МО)	-1 494	-2 211	-1 180	-1 802	-1 475	-18 251	-10,46
Периферийные территории	-3 038	-5 672	-3 731	-5 370	-4 405	-48 169	-8,79
Урбанизированность территорий							
Сельские районы	-5 514	-9 371	-2 815	-8 236	-86 07	-72 849	-7,24
Не сельские районы	-339	-782	-1 359	-1 775	-72	-5 784	-0,54
Городские округа	6 703	1 274	-3 050	1 193	3 284	31 453	1,60
Столица г. Уфа	5 077	1 607	-811	2524	4 574	39 530	3,48

* МП – миграционный прирост; МУ – миграционная убыль.

Источник: составлено авторами на основе статистических данных.

По степени реализации производственного потенциала межтерриториального межмуниципального взаимодействия по суммарному общеэкономическому показателю (объемы отгруженных товаров собственного производства и производство сельскохозяйственной продукции), и функциональной структурной специализации нами предложена типология МО Республики Башкортостан на региональном уровне (табл. 13).

**Типология МО Республики Башкортостан
объема производства за 2018 г., млрд руб.**

Типы МО по специализации	Объем производства, млрд руб.	Перечень МО
С высоким суммарным общеэкономическим потенциалом внутрирегионального межмуниципального взаимодействия (от 7,9 до 45,4)		
Несельскохозяйственные	От 7,9 до 45,4	Белебеевский, Белорецкий, Благовещенский, Давлекановский, Дюртюлинский, Ишимбайский, Мелеузовский, Татышлинский, Туймазинский, Уфимский, Учалинский, Хайбуллинский, Чишминский
Сельскохозяйственные	От 7,9 до 13,7	Благоварский, Стерлитамакский, Чекмагушевский
Со средним суммарным общеэкономическим потенциалом внутрирегионального межмуниципального взаимодействия (от 3,3 до 6,9)		
Несельскохозяйственные	От 5,1 до 6,9	Бирский, Дуванский, Краснокамский, Янаульский
Сельскохозяйственные	От 3,3 до 6,7	Абзелиловский, Альшеевский, Аургазинский, Баймакский, Буздякский, Бураевский, Гафурийский, Зианчуринский, Иглинский, Илишевский, Кармаскалинский, Кугарчинский, Кушнаренковский, Куюргазинский, Миякинский
С низким суммарным общеэкономическим потенциалом внутрирегионального межмуниципального взаимодействия (менее 3,0)		
Несельскохозяйственные	Менее 3,0	Нуримановский, Салаватский
Сельскохозяйственные	Менее 4,7	Архангельский, Аскинский, Бакалинский, Балтачевский, Белокатайский, Бижбулякский, Бурзянский, Ермекеевский, Зилаирский, Калтасинский, Караидельский, Кигинский, Мечетлинский, Мишкинский, Стерлибашевский, Федоровский, Шаранский

Источник: составлено авторами на основе статистических данных.

Глава 2. ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

2.1. Межрегиональная кооперация по развитию промышленности региона в условиях экономических санкций

В ходе экономических реформ существующие экономические связи между регионами России практически полностью разрушились. В 1990–1994 гг. доля межрегионального оборота в валовом внутреннем продукте сократилась с 25 до 16% [29]. Экономические санкции со стороны ряда развитых стран могут обернуться еще большим разрушением связей по кооперации, и как следствие, – сокращением объемов производства, снижением занятости и уровня оплаты труда. В большей степени это касается промышленности.

Республика Башкортостан является одним из наиболее промышленно развитых регионов России (доля 2,4%). Она занимает первое место в стране по выпуску кальцинированной соды (58%), изобутиловых и бутиловых спиртов (53%), каустической соды (19%), а также является единственным в России производителем белой и пищевой соды.

Кроме того, Башкирия занимает в стране видное место по производству листового стекла, проволоки холоднотянутой, электрических светильников, автомобильного бензина, древесностружечных плит, каучуков, автобетоновозов, автобусов, пластмасс, геофизических и навигационных приборов, химических катализаторов.

Согласно действующему распоряжению Правительства Республики Башкортостан от 14 июля 2021 г. №627 в региональный перечень системообразующих предприятий входят 444 организации [61].

В федеральный список системообразующих предприятий в республике вошли 19 предприятий, в числе которых АО «Башнефтегеофизика», ПАО «НК Роснефть» (материнская компания «Башнефти»), ПАО «Мечел» (владелец АО «Белорецкий металлургический комбинат»), ООО «ЭкоНиваАгро», ПАО «ОДК-УМПО», ООО «Башкирские распределительные энергетические сети», ОАО «УГМК» (Учалинский и Бурибаевский ГОК, «Башкирская медь»), ПАО «Нефаз», ПАО «Сибур Холдинг»

(Благовещенский «Полиэф», ФГУП «НПО Микроген «Имунопрепарат»), АО «Салаватстекло», АО «Башкирская содовая компания» [62].

Больше вопросов возникает по республиканскому списку. В его составе предприятия всех видов деятельности, включая промышленность, сельское хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство, торговлю, транспорт, строительство, цифровые технологии, туризм, телевидение, издательство, экологию, образование и науку.

В качестве критериев выделения системообразующих предприятий указаны наличие уникальных технологий, влияние на социальную стабильность, значимость для сохранения производственных издержек, участие в реализации перспективных инвестиционных проектов, выполнение международных обязательств и размеры предприятий.

В этом случае не ясно как в список системообразующих предприятий Республики Башкортостан вошли предприятия по производству изделий народных художественных промыслов (ГУП БХП «Агидель» РБ, ООО УПП НХП «Артель»), по обработке леса (ООО Лесопромышленная компания «Селена», ООО «Белпромресурс», ООО «Уфамебель»), по производству продуктов питания (ООО «Башкирское мороженное») и даже предприятия иностранной формы собственности (ООО «Ласселсбергер», ООО «Метро Кэш энд Керри», ОБП ООО «О'кей») и т.д. [62].

Как видно, данный перечень никак не подходит для использования в качестве инструмента обеспечения целостности критически важных технологических цепочек в регионе. Это распространяется и на федеральный список, так как он явно не обеспечивает целостность существующих технологических цепочек, включая необходимость восстановления выпадающих звеньев в условиях экономических санкций.

Зависимость от экономических санкций также различается по видам производства и технологий. В Республике Башкортостан в промышленности преобладают производство нефтепродуктов, добыча нефти и газа и других полезных ископаемых (рис. 4). Эти виды деятельности больше зависят от внешних рынков сбыта. В технологическом отношении самодостаточность страны в них очень высокая. На внешние рынки в значительной степени работает

химическое производство, которое в экономике республики и занимает важное место.

Рис. 4. Структура промышленного производства в Республике Башкортостан в 2021 г. [63]

Электроэнергетика, производство стройматериалов, металлургия, производство пищевых продуктов в основном работают на внутренний рынок. Их технологическая зависимость от внешних рынков незначительна.

Особое место в промышленности занимает машиностроение, которое в технологическом отношении достаточно сильно зависит от внешних рынков.

За 2021 г. внешнеторговый оборот Республики Башкортостан составил 4617,3 млрд долл. и по сравнению с 2020 г. увеличился на 537,8 млн долл. (+13,2%). При этом экспорт вырос на 17,9% или до 3716 млрд долл., а импорт уменьшился на 2,8% и был равен 901,5 млн долл. [64]. Доля внешнеторгового оборота Республики Башкортостан во внешней торговле ПФО составила 7,51%. Сальдо торгового баланса Республики Башкортостан сложилось как положительное в объеме 2,8 млрд долл.

Это означает, что сокращение внешней торговли в экономическом положении республики в обозримом будущем не может вызвать

технологического шока, но отдельные производственные цепочки при этом могут быть нарушены.

Положительное сальдо в обмене со странами СНГ может служить важным фактором обеспечения устойчивости экономики республики от влияния санкций, так как эти страны в большинстве своем не присоединились к ним. Импорт из стран дальнего зарубежья в значительной степени может компенсироваться за счет импорта из стран СНГ (табл. 14).

Таблица 14

**Внешняя торговля Республики Башкортостан в 2021 г.,
в млрд долл.**

Показатели	Страны дальнего зарубежья	Страны СНГ
Товарооборот, в т.ч.:	3,6	1,0
Экспорт	2,9	0,8
Импорт	0,7	0,2
Сальдо торгового баланса	2,2	0,6

Источник: составлено авторами на основе [64].

В экспорте Республики Башкортостан в страны дальнего зарубежья преобладали следующие товары: нефть и продукты ее переработки, битум – 36,5%; оборудование, механические устройства и их части – 27,2; органические химические соединения – 10,3; жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты – 6,7; каучук, резина и изделия из них – 3,5; удобрения – 3% [64].

Импорт составляют: оборудование и механические устройства – 31,9%; алкогольные и безалкогольные напитки, уксус – 7,9; пластмассы и изделия из них – 6,2; прочие химические продукты – 5,2; электрические машины и оборудование, их части и звукозаписывающая аппаратура – 5,0; фармацевтическая продукция – 4,7% и др. [64].

Структура экспорта в страны СНГ в целом соответствует показателям по группе стран дальнего зарубежья. В данном случае к экспорту нефти и нефтепродуктов (16,2%) добавляется вывоз древесины (15,5%), сахара и кондитерских изделий (1,8%).

Среди крупнейших торговых партнеров в экспорте: Китай (22,0%), Казахстан (9,7%), Турция (5,1%), Нидерланды (4,8%), Беларусь (4,7%), Финляндия (4,6%), Корейская Республика (4,5%),

США (3,3%). На страны, которые участвуют в санкциях против России приходится около 24,0% всего экспорта [64].

Их доля в импорте увеличилась до 42,6%. Среди стран экспортеров в Башкирию преобладают Китай (18,7%), Германия (14,7%), Беларусь (13,2%), Казахстан (6,8), Италия (5,8%), Канада (3,4%) [64].

В ближайшее время необходимо переориентировать импорт на дружественные страны. Многие предприятия могут начать осваивать выпуск продукции, которую ранее закупалась из-за рубежа. Например, уже сегодня АО «Башкирская содовая компания» начинает восстанавливать производство моющих средств.

В дореформенный период в республике было достаточно развито производство тканей, одежды, обуви и других товаров легкой промышленности. Анализ причин развала этих производств в начале 90-х гг. прошлого века может выявить целенаправленный характер действий их тогдашних руководителей: они действовали, исходя из интересов приватизации.

Воссоздание целостных производственных цепочек в кратчайшие сроки может быть осуществлено на следующих принципах:

1) по инициативе предприятий. При этом руководители и собственники предприятий должны нести ответственность за свое бездействие вплоть до национализации предприятий;

2) в соответствии с программами стабилизации социально-экономической сферы регионов, в которых должны быть отражены условия помощи предприятиям в части воссоздания производственных цепочек;

3) при координации и управлении реализацией соответствующих программ по системообразующим предприятиям Российской Федерации.

Эта работа должна включать в себя как создание реестра технологических цепочек по предприятиям, которым угрожают разрывы, так и разработку новых технологий, привлечение отечественной науки (рис. 5).

Рис. 5. Преодоление последствий экономических санкций

Поиск новых рынков сбыта также является условием достижения целостности существующих производственных цепочек, так как в каждом звене важно обеспечение безубыточности, что связано с сохранением соответствующих объемов продукции.

Угрозой для сохранения целостности производственных цепочек являются сокращение рынков сбыта и рост конкуренции внутри страны по отдельным группам товаров, таким как черные металлы, строительные материалы, нефть и продукты ее переработки.

Республика Башкортостан в силу специализации экономики находится в зоне удара экономических санкций. В то же время диверсификация ее экономических связей, достигнутый уровень развития позволяют ожидать, что хозяйство республики шока не испытает. Это касается и промышленности.

Выход из ситуации требует принятия системы мер по реструктуризации производственных цепочек, используя потенциал сотрудничества с другими регионами страны и государств СНГ.

2.2. Перспективы и проблемы в расширении межмуниципального и межрегионального сотрудничества в пищевой и перерабатывающей промышленности

Кооперация и интеграция как факторы инновационного и устойчивого развития села должны быть залогом успешной работы всего агропромышленного комплекса, обеспечения полноценного рациона питания населения регионов России и гарантией продовольственной безопасности государства [65].

Объектом кооперации (объединения) являются ресурсы: земли, материально-технические средства, капитал и труд. При этом каждый из субъектов кооперативных отношений может быть представлен самыми различными ресурсами [24].

Суть кооперации заключается в следующем: в качестве интегратора в данном случае выступают сами сельские товаропроизводители и переработчики сельскохозяйственного сырья. Они создают и развивают эти связи в собственных интересах, которые отвечают одновременно и потребностям общества в развитии аграрного сектора [66].

Межмуниципальная и межрегиональная кооперация – основной путь для выживания аграрных производителей и предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности регионов России в современных условиях усиления западных санкций.

Важно активизировать взаимодействие республиканских переработчиков с торговыми сетями, расширить присутствие производителей на рыночных площадках не только внутри региона, но и на рынках других субъектов Российской Федерации [67]. Перспективным направлением расширения рынка сбыта продукции пищевой промышленности, в том числе полуфабрикатов, являются северные регионы России.

Для реализации программы расширения рынков сбыта с учетом внешних потребителей потребуются также содействие региональных и муниципальных властей в вопросах кооперационных связей с соседними регионами на основе долгосрочных договоров.

При этом особую роль для развития аграрного сектора Республики Башкортостан приобретает межмуниципальное и межрегиональное сотрудничество в пищевой и перерабатывающей промышленности. Это, прежде всего, расширение взаимосвязей сельскохозяйственных товаропроизводителей республики с близлежащими регионами –

Оренбургской, Челябинской и Свердловской областями, республиками Татарстан и Удмуртия, Пермским краем.

В более выгодном положении находятся сельскохозяйственные товаропроизводители, входящие в состав крупных агропромышленных формирований, осуществляющих замкнутый цикл по схеме: производство сельскохозяйственной продукции – ее переработка – реализация готовой продукции. Для них более доступен приток финансовых средств в целях обеспечения производителей сельскохозяйственной продукции качественным семенным и генетическим материалом, минеральными удобрениями, техникой, способствующих внедрению передовых технологий возделывания и росту урожайности и продуктивности скота и птицы.

Предусматривается возмещение части затрат на приобретение сырья, техники и оборудования для пищевой промышленности, а также гранты до 14 млн руб. на создание перерабатывающих кооперативов. Также дополнительными мерами господдержки со стороны региона могут быть содействие в продвижении продукции, в том числе в средствах массовой информации, компенсация части затрат на оплату энергоресурсов и приобретение программных продуктов.

Для оценки факторов и перспектив развития межмуниципального и межрегионального сотрудничества в пищевой и перерабатывающей промышленности необходимо проанализировать фактические объемы производства сельскохозяйственной продукции в сравнении с их потенциальными возможностями на примере данных аграрных предприятий и других форм хозяйствования Республики Башкортостан. Далее приведены расчеты фактического и прогнозируемого производства продукции растениеводства в Республике Башкортостан в хозяйствах всех категорий на перспективу до 2030 г. (табл. 15) [68].

Развитие свеклосахарного производства потребует увеличения площади возделывания этой культуры в 2030 г. почти до 50 тыс. га. В 2030 г. при урожайности 330 ц/га валовой сбор ее составит 1,6 млн т, который можно эффективно переработать при условии технического перевооружения действующих сахарных заводов (Мелеузовский и частично – Чишминский и Раевский). Экспортный потенциал Республики Башкортостан по сахару составляет 50 тыс. т.

**Фактическое и прогнозируемое производство продукции
растениеводства в Республике Башкортостан
(в хозяйствах всех категорий, тыс. т)**

Сельско- хозяйственные культуры	1990 г.	В среднем за 2016– 2020 гг.	2030 г.	2030 г. в % к 1990 г.	2030 г. в % к 2016– 2020 гг.
Зерно	4 728	3 283,5	4 432,7	93,8	135,0
Рожь озимая	1 843	360,5	519,1	28,2	144,0
Пшеница	1 152	1 521,8	2 194,4	190,5	144,2
Ячмень	780,1	811,1	980,0	125,6	120,8
Тритикале	...	29,9	32,9	...	110,0
Овес	493,8	294,0	332,0	67,2	113,0
Кукуруза на зерно	–	47,1	118,0	–	250,0
Просо	28,9	4,0	8,8	30,4	220,0
Гречиха	74,0	89,4	98,3	132,8	110,0
Зернобобовые	355,6	125,5	221,0	62,1	176,0
из них: горох	322,8	68,8	110,1	34,1	160,0
Сахарная свекла	1576	1 493,2	1 568,0	99,5	105,0
Подсолнечник	73,4	284,1	383,5	5 раз	135,0

Источник: составлено авторами на основе [69].

Достижение прогнозных значений развития производства семян масличных культур возможно через наращивание валового сбора семян к 2030 г. в объеме 420 тыс. т или на 35% по сравнению с 2016–2020 гг.

В более выгодном положении находятся сельскохозяйственные товаропроизводители, входящие в состав крупных агропромышленных формирований, осуществляющих замкнутый цикл по схеме: производство сельскохозяйственной продукции – ее переработка – реализация готовой продукции. Для них более доступен приток финансовых средств для обеспечения производителей маслосемян качественным семенным материалом, минеральными удобрениями, техникой, способствующих к внедрению передовых технологий возделывания и росту урожайности.

Предполагается, что в расчете на 1 тыс. т выращенных в 2030 г. в регионе маслосемян будет вырабатываться около 350 т растительного масла, что соответствует производству около

150 тыс. т масла в год. Экспортный потенциал растительного масла для республики, по расчетам Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан, составляет около 100 тыс. т.

При указанных условиях к концу прогнозируемого периода в регионе будет вырабатываться 37,5 кг растительного масла в расчете на душу населения при рекомендуемом содержании его в рационе питания 12–13 кг в год.

При принятии решения об увеличении производства животноводческой продукции следует иметь в виду следующие факторы: эффективное развитие молочного скотоводства может осуществляться на основе увеличения поголовья высокопродуктивных пород и проведения комплекса мер по повышению продуктивности коров, что потребует значительных инвестиций в отрасль.

В Республике Башкортостан многие районы специализируются в разведении крупного рогатого скота мясо-молочного направления и свиней, в растениеводстве – на выращивании зерна, картофеля, овощей.

По прогнозам, до 2030 г. коневодство как отрасль будет иметь дальнейшее развитие преимущественно в Зауралье республики – Абзелиловском, Баймакском, Учалинском, Зианчуринском, Зилаирском и Хайбуллинском районах.

Предполагается, что в период до 2030 г. основным фактором наращивания производства молока и мяса до уровня, обеспечивающего продовольственную безопасность, явится рост продуктивности скота и птицы за счет породного обновления стада, создания сбалансированной кормовой базы и перехода к новым технологиям их содержания и кормления.

Уровень самообеспеченности продукцией животноводства, по прогнозу, составит более 100%, кроме продукции свиноводства и птицеводства (табл. 16).

Сегодня в основном финансируются крупные приоритетные проекты и агрохолдинги, а малым формам хозяйствования – крестьянским и фермерским хозяйствам – по-прежнему сложно добиться государственной поддержки в необходимом объеме. В этой связи, представляется возможным уменьшить количество грантов для крестьянских и фермерских хозяйств при существенном увеличении их объемов.

**Фактическое и прогнозируемое производство продукции
животноводства в Республике Башкортостан
(в хозяйствах всех категорий)**

Виды продукции	1990 г.	В среднем за 2016–2020 гг.	2030 г.	2030 г. в % к 1990 г.	2030 г. в % к 2016–2020 гг.
Скот и птица на убой (в живом весе), тыс. т	532,7	400,0	472,0	88,6	118,0
Молоко, тыс. т	1 930,0	1 640,0	1 804,0	93,5	110,0
Яйца, млн шт.	1 147,7	1 022,1	1 063,0	92,6	104,0
Шерсть, т	6 668,0	2 032,8	2 085,6	31,3	102,6
Мед, т	2 645,0	4 460,0	6 021,0	227,6	135,0

Источник: составлено авторами на основе [69].

Согласно Концепции развития переработки сельхозпродукции в регионе на 2021–2026 гг., представленной Министерством сельского хозяйства Республики Башкортостан, объем переработки сельскохозяйственной продукции в Республике Башкортостан в ближайшие четыре года должен вырасти в два раза и достигнуть 200 млрд руб.

В представленной концепции господдержку смогут получать любые предприятия, занимающиеся переработкой сельхозпродукции и производством продуктов питания, независимо от формы собственности. Это могут быть сельхозпредприятия, индивидуальные предприниматели, кооперативы или общества с ограниченной ответственностью.

В условиях пандемии, а также в связи с усилением западных санкций особую значимость приобретает насыщение внутреннего и внешнего рынка относительно доступными по цене и качеству продуктами питания, в том числе полуфабрикатами из картофеля и овощей [70].

Ближайшее будущее агропромышленного комплекса – в интеграции общественного сектора, крестьянских (фермерских) хозяйств, личных подсобных хозяйств населения и перерабатывающих предприятий в агрокластерах.

Основной миссией агрокластеров сегодня является постепенное формирование в регионе научно-технического потенциала и реальное

превращение его в основной фактор, обеспечивающий переход агропромышленного комплекса на инновационный путь развития.

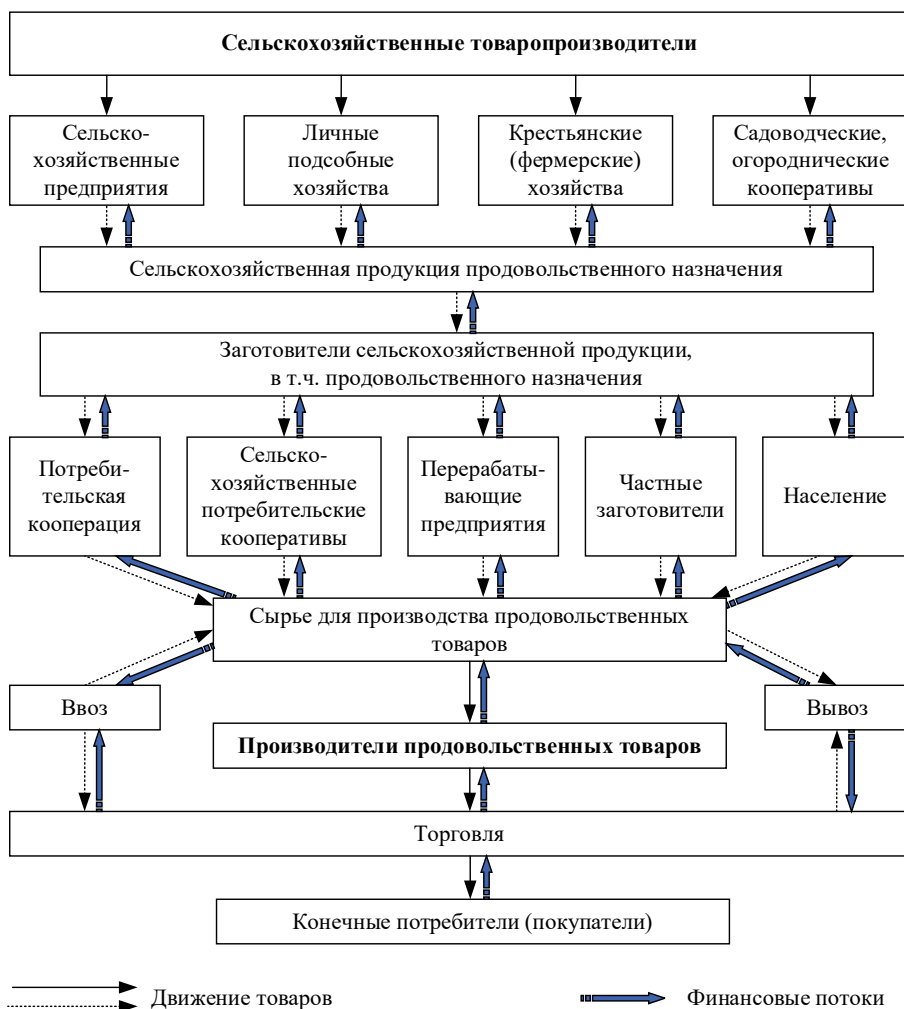
Деятельность агрокластеров будет направлена на создание условий для активного использования инноваций в технологиях, менеджменте, маркетинге, а также для повышения конкурентоспособности агропромышленных предприятий и организаций, сельских территорий Башкортостана, расширения их возможностей для развития.

При формировании агрокластеров рекомендована ориентация на создание многоотраслевых кооперативов и кластеров через объединение организаций различных форм собственности, в том числе крестьянских (фермерских) хозяйств и личных подсобных хозяйств населения как эффективной формы реализации аграрного потенциала региона, что предполагает широкое использование института кооперации, а также рациональное размещение и углубление специализации сельскохозяйственного производства.

При этом основными задачами перспективных агрокластеров являются:

- стабилизация развития АПК региона;
- увеличение доли продукции и услуг АПК в общей структуре валовой продукции и экспорта региона;
- повышение инвестиционной привлекательности АПК региона за счет внедрения агроинноваций;
- создание благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности в сельской местности;
- развитие инновационной инфраструктуры АПК Республики Башкортостан;
- рост налоговых поступлений в бюджеты всех уровней;
- повышение конкурентоспособности экономики региона;
- достижение положительного мультипликативного эффекта в смежных отраслях и подотраслях АПК (производство кормов, переработка зерна, обслуживание и ремонт сельскохозяйственной техники);
- получение социального эффекта в виде повышения занятости, доходов и качества жизни сельского населения.

Схема регионального агропродовольственного кластера, объединяющего товаропроизводителей, переработчиков сельскохозяйственного сырья и торговый сектор, представлена на рисунке 6.

Рис. 6. Схема функционального взаимодействия между субъектами агропродовольственного кластера

В качестве примера рассмотрим создание картофелеовощного агрокластера на базе перерабатывающих предприятий с инвестированием из федерального и регионального бюджетов на принципах софинансирования, а также с использованием государственно-частного партнерства.

В условиях пандемии и в связи с угрозой распространения новой волны коронавирусной инфекции (COVID-19), а также с усилением санкций стран Запада особую значимость приобретают производство

и самообеспечение фруктами и овощами, в том числе картофелеовощной продукцией. И для насыщения внутреннего и внешнего рынков относительно доступными по цене и качеству продуктами питания, в том числе полуфабрикатами из картофеля и овощей, есть определенные возможности и потенциал у сельских товаропроизводителей регионов России, в том числе и в Республике Башкортостан [24, 71].

Создание благоприятных социально-экономических условий для функционирования сельскохозяйственных товаропроизводителей и развития рынка продовольствия, в том числе картофелеовощной продукции, является приоритетной задачей для региональных государственных институтов [72]. При этом было бы целесообразно осуществлять ведение постоянного мониторинга и координирование деятельности субъектов в аграрном секторе экономики.

Базой для формирования кластеров могут стать интегрированные структуры с полным циклом производства – от выращивания сельскохозяйственной продукции до выпуска конечного продукта переработки.

Одним из вариантов интегрирования всей технологической цепи, начиная от организации финансирования выращивания картофеля и овощей, их переработки до сбыта в торговой сети или реализации за пределами республики, является создание специализированных аграрных фирм по производству картофелеовощной продукции, а также формирование на их основе картофелеовощного кластера с широким использованием принципов кооперации [68].

Одной из причин возросшего потребления картофеля и овощей является развитие перерабатывающей промышленности в ряде стран: картофель предоставляется потребителю в более привлекательных формах – в виде различных продуктов или полуфабрикатов, которые требуют меньшего времени на приготовление, чем блюда из свежего картофеля. Структура потребления изменяется в сторону возрастания доли картофеля, переработанного в полуфабрикаты и готовые пищевые продукты.

Рост потребления в последние годы осуществляется за счет продуктов переработки, в первую очередь чипсов и френч-фрайз. При этом на свежий картофель приходится лишь около 30–35% всего потребляемого картофеля. Основными причинами низкого потребления свежего картофеля являются: все большее предпочтение к питанию вне дома, стремление к экономии времени при домашнем

приготовлении пищи. Все это повышает значение полуфабрикатов и продуктов, готовых к употреблению.

Целевой рынок картофеля и овощей состоит из множества сегментов, которые можно объединить в четыре основные группы потребителей продукции, – продовольственного, семенного картофеля и овощей, идущих на производственное потребление и на промышленную переработку.

Рынок картофеля в Республике Башкортостан в последние годы характеризуется стабильной насыщенностью. Увеличение выделяемых под картофель и овощи площадей – практически полностью «заслуга» личных подсобных хозяйств населения [73]. Тем самым в целом по республике наблюдается небольшой прирост площадей под данными культурами, несмотря на то что сельскохозяйственные организации уменьшили их возделывание в 10–12 раз по сравнению с уровнем 1990 г. [68].

При этом потребление продуктов из переработанного сырья в Республике Башкортостан составляет не более 0,2% потребляемой в пищу части урожая в год. Если в странах Европейского Союза (ЕС) и США на переработку идет до 55 и 65% валовых сборов картофеля и овощей, то в нашей республике этот показатель не превышает 1%. Так, переработка картофеля позволяет сократить потребность в дополнительных фондах и инфраструктуре для хранения. При этом также существенно сокращаются транспортные издержки и расходы на логистику.

Преимущества промышленной переработки картофеля и овощей заключаются не только в сохранении и стабильном доведении его до потребителей в течение года, но и в значительном сокращении затрат времени на приготовление блюд из картофеля и овощепродуктов. Отходы переработанного картофеля могут быть использованы, как корм скоту и для производства пищевого спирта.

Рост объема переработки картофеля и овощей позволит разместить его производство в наиболее благоприятных природно-климатических сельскохозяйственных зонах Республики Башкортостан. Однако использование картофеля на переработку сокращается и в 2020 г. составило лишь 47% от уровня 2012 г. [69].

Большое количество картофеля (до 170 тыс. т, или до 20% всего валового сбора) в Республике Башкортостан остается невостребованным. При этом большинство регионов Российской Федерации нуждаются в завозе значительных объемов свежего

картофеля и продуктов его переработки [74]. Это, прежде всего, Приволжский, Северо-Кавказский и Дальневосточный ФО и крупные промышленные города – Москва и Санкт-Петербург. В 2020 г. лишь 1 тыс. т (0,4% от всего невостребованного картофеля) была вывезена за пределы республики.

Основные причины небольшого объема вывоза – неразвитость пищевой перерабатывающей промышленности, полное отсутствие переработки картофеля на спирт, неосвоенность прогрессивной техники и технологии перевозок картофеля и овощей на дальние расстояния.

В межрегиональных перевозках картофеля и овощей большое значение отводится транспорту. Цены реализации картофеля и овощей в г. Москве выше в 1,8–2,2 раза, чем в Республике Башкортостан, а расстояние до нее составляет менее 1500 км. Следовательно, дальнейший поиск рынков сбыта за пределами республики является перспективным направлением в повышении эффективности функционирования всего картофелеовощного комплекса Республики Башкортостан.

Так, если в 2020 г. кооперативными организациями Башпотребсоюза в регионе было заготовлено лишь 10 тыс. т свежего картофеля, то в 1990 гг. объемы заготовок превышали 120–160 тыс. т, что указывает на достаточный потенциал для развития рынка картофелеовощной продукции [69].

Слабость регионального АПК заключается в недостаточной интеграции фирм в глобальные цепочки поставок, малом использовании современных производственных технологий, низкой конкурентоспособности поставщиков, неэффективной антимонопольной политике, административных барьерах, неразвитости финансового сектора. Развитие затрудняют большие размеры территории, запасы сельскохозяйственных земель, не развитая инфраструктура, неравномерность распределения промышленных центров и слабые межотраслевые связи. В то же время к преимуществам регионального АПК можно отнести достаточно высокое качество человеческих ресурсов и образовательной инфраструктуры, наличие возможностей для НИОКР, а также внутренних поставщиков.

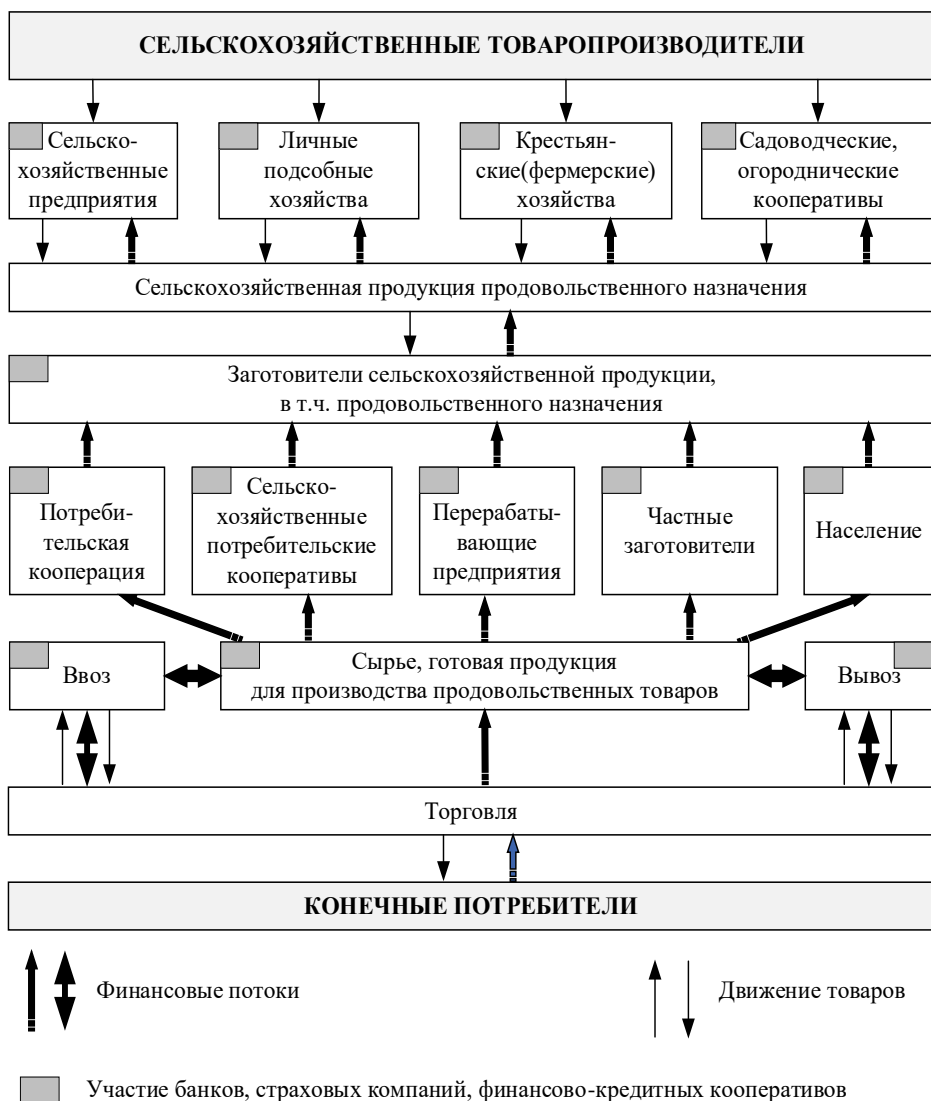
К числу основных эффектов, которые могут быть достигнуты от реализации кластерной политики в регионе, относятся: увеличение объемов картофелеовощной продукции за счет повышения

конкурентоспособности и производительности труда, за счет увеличения продукции с добавленной стоимостью, вовлечения в кооперационные связи местных предприятий; стимулирование инновационной активности и научной деятельности на территории; дополнительный импульс для развития малого и среднего бизнеса, повышающего устойчивость экономики, и т.д. [68]. Схема *регионального картофелеовощного кластера*, объединяющего товаропроизводителей, переработчиков сельскохозяйственного сырья и торговый сектор, представлена на рисунке 7.

Координацию производственно-сбытовой деятельности агрофирм и картофелеовощного кластера может осуществлять специальный отдел Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан. На него могут быть возложены функции определения сегментов и емкости рынка картофелеовощной продукции, регулирования цен и установления минимальной гарантированной цены на картофель и овощепродукты; регулирования производства и реализации, организации рекламы; осуществления научных исследований, в частности, решения вопросов тестирования новых устойчивых сортов, особенно пригодных для переработки, и представления интересов производителей овощной продукции перед Правительством Республики Башкортостан.

При Министерстве сельского хозяйства и продовольствия Республики Башкортостан в конце 90-х и начале 2000-х гг. существовало Управление по вопросам перерабатывающих предприятий пищевой промышленности. Однако впоследствии оно было реорганизовано.

За счет реализации кластерной политики расширится взаимосвязь республики, прежде всего, с близлежащими регионами – Оренбургской, Челябинской и Свердловской областями, республиками Татарстан и Удмуртия, Пермским краем [75]. В регионах возможен прирост объемов картофелеовощной продукции через увеличение продукции с добавленной стоимостью; вовлечение в кооперационные связи местных организаций и развитие межрегионального сотрудничества; стимулирование инновационной активности и научной деятельности на территориях, что также дает дополнительный импульс для реализации различных инвестиционных проектов.

Рис. 7. Схема функционального взаимодействия между субъектами картофелеовощного кластера

Одними из перспективных в направлении развития рынка сбыта продукции пищевой перерабатывающей промышленности являются северные регионы Российской Федерации [76].

Создание специализированных аграрных фирм и формирование картофелеовощного кластера на основе кооперации позволят использовать имеющиеся резервы увеличения объемов

и ассортимента продукции, сочетать и согласовывать интересы всех участников продуктового комплекса, полнее удовлетворять потребности населения республики в свежих овощах и картофеле и продуктах их переработки, а также вывозить продукцию за пределы Республики Башкортостан.

Развитие межмуниципального и межрегионального сотрудничества в формировании высокотоварных и конкурентоспособных аграрных кластеров, в свою очередь, приведет к повышению эффективности функционирования картофелеовощной отрасли республики и соседних регионов в условиях пандемии и в связи с угрозой распространения новой волны коронавирусной инфекции, а также усилением санкций стран Запада, что будет способствовать обеспечению более полной занятости населения, достижению достойного уровня качества жизни жителей села и развитию кооперативных отношений как экономического института развития сельских территорий.

2.3. Повышение вклада личного садоводства в обеспечении продовольственной безопасности

Несмотря на то, что по большей части сельхозпродукции наша страна в последнее десятилетие добилась самообеспечения, наблюдается дефицит производства фруктов, ягод и овощей. Обеспеченность Российской Федерации овощами достигла 86,3%, фруктами и ягодами – 42,4% [77]. Основная часть производства фруктов, ягод и овощей в стране приходится на личные подсобные хозяйства граждан и сады.

Проблемы развития личного садоводства раскрыты нами путем теоретического обобщения существующих тенденций в этой области, что включает систематизацию экономических функций данной формы хозяйствования, целей производства, характера труда и анализа критериев эффективности.

Был проведен социологический опрос 112 собственников садов в трех товариществах г. Уфы, который позволил выявить существующие различия в целях хозяйствования.

Мы считаем, что по общественной форме осуществления садоводство может быть товарным и личным. Товарное садоводство все более широкое распространение получает в южных областях России. В средней полосе страны в настоящее время большинство

садов бывших колхозов и совхозов находятся в заброшенном состоянии. Сады у сельского населения сохранились как часть их личного подсобного хозяйства, в городских поселениях – в качестве участков в садовых товариществах. Последние представляют собой форму кооперации, а отдельные участки – личные сады.

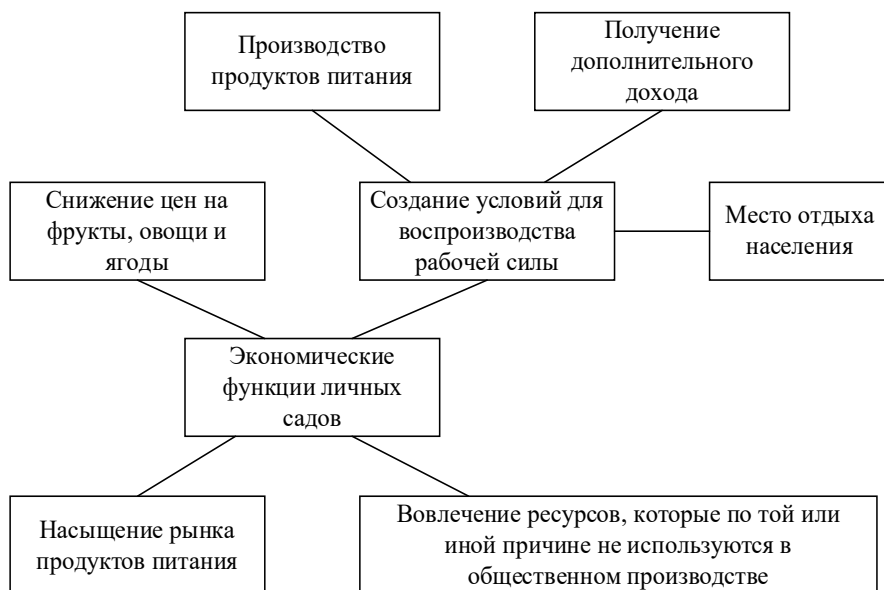
После революции (в период коллективизации) на базе частных хозяйств населения в сельской местности были созданы колхозы, совхозы и личные подсобные хозяйства. Особенностью российских малых городов было также совмещение несельскохозяйственных видов деятельности с производством продуктов питания. Такая ситуация во многих городах сохраняется и сегодня. Сады и огороды горожан несколько отличались от личных подсобных хозяйств, которые действительно имели подсобный характер, были связаны с колхозами и совхозами множеством связей по кооперации: обеспечению кормами, предоставлению транспортных услуг и т.д.

Сегодня сельское хозяйство и в сельской местности перестало быть основной сферой приложения труда [78], а приусадебные хозяйства сохранились, и они мало чем отличаются от садов и огородов горожан. Поэтому мы предлагаем признать данную форму хозяйствования личным садоводством, так как именно садоводство и огородничество стали основными видами хозяйствования на этих участках. Это характерно и для хозяйств горожан.

Рассмотрим экономические особенности личных садов, в первую очередь их функции (рис. 8).

Наряду с экономическими функциями, личные сады выполняют также важные социальные функции по трудовому воспитанию и профессиональной ориентации молодежи за счет формирования хозяйского отношения к земле и любви к сельскохозяйственному труду. Личные сады для значительной части населения остаются средством самовыражения, сферой проявления творческих способностей, деловой и хозяйственной энергии, способом приобретения навыков эффективного ведения хозяйства.

В то же время для большинства селян и части горожан главной целью ведения личных садов и сегодня является удовлетворение собственных потребностей в продуктах питания.

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Рис. 8. Экономические функции личных садов

В общественном производстве и личном садоводстве имеются различия в способе соединения рабочей силы со средствами производства. Рассмотрим основные экономические характеристики хозяйств по способам ведения (табл. 17).

Таблица 17

Основные экономические характеристики хозяйств по способам ведения

Признаки хозяйствования	Личное садоводство	Крестьянские хозяйства	Крупные и средние хозяйства
1	2	3	4
Собственность на землю	Частная	Частная	Частная
Характер труда	Личный труд членов семьи	Сочетание наемного труда с личным трудом членов семьи	Наемный труд
Технический уровень производства	Преобладание ручного труда	Преобладание машинного производства	Преобладание машинного производства

1	2	3	4
Цель производства	Обеспечение членов семьи продуктами питания и получение дополнительных личных доходов	Получение прибыли	Получение прибыли
Критерии эффективности	Экономия в расходах	Рентабельность производства	Рентабельность производства

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Современный этап развития экономики России определяется ее переходным характером, при котором рыночные отношения еще не смогли охватить полностью все отрасли и виды деятельности. К таковым, на наш взгляд, прежде всего, относится сельское хозяйство.

В настоящее время все хозяйства делятся на государственные, муниципальные и частные предприятия и личные хозяйства населения. К частной собственности относятся крестьянские (фермерские) хозяйства, крупные и средние сельскохозяйственные организации, которые были созданы путем реорганизации бывших колхозов и совхозов. На базе последних были созданы также малые сельскохозяйственные предприятия, хозяйства индивидуальных предпринимателей, сохранились некоторые подсобные хозяйства несельскохозяйственных предприятий. Особняком стоит группа личных хозяйств и других индивидуальных хозяйств граждан. В число последних входят хозяйства граждан, имеющих земельные участки (садовые, огородные и др.), не входящие в объединения, а также граждан, имеющих участки для индивидуального жилищного строительства.

Достижение полного обеспечения населения фруктами, овощами и ягодами требует решения ряда проблем, которые рассмотрим на примере Республики Башкортостан, занимающей среди регионов седьмое место по развитию садоводства. Дачными и садовыми участками владеют более 0,5 млн чел.; столько же семей в сельской местности обладают приусадебными участками. В личном пользовании граждан имеется более 0,3 млн га земли, из них половина – в сельской местности, 14% – в садовых участках.

Актуальной в этой области является упорядочение землепользования занятых коллективными садами, личным подсобным хозяйством и индивидуальными домами.

В проекте «Комплексной программы развития инфраструктуры и территорий садоводческих и дачных некоммерческих объединений Республики Башкортостан на 2022–2025 годы» в качестве основных направлений работы выделены:

- землеустройство и кадастровый учет земель, выявление неиспользованных земель и картографическое их отражение, определение их правового статуса и возможностей эффективного использования;
- водоснабжение и водоотведение;
- электроснабжение и освещение;
- газоснабжение;
- ремонт и строительство дорог;
- вывоз мусора;
- обеспечение пожарной и экологической безопасности, охрана территорий;
- развитие бизнеса на территории садов;
- обучение и консультирование руководителей коллективных садов [79].

Кроме этого, важную роль может сыграть создание сервисных центров по обработке почв, пунктов аренды малой техники, кооперативов по реализации излишков продукции.

В настоящее время половина садовых участков не поставлена на кадастровый учет, 80% садовых электросетей изношены, 55% участков не имеют централизованного водоснабжения, 67% – газоснабжения [80]. Общая протяженность дорог до садовых товариществ по всей Республике Башкортостан составляет 1600 км, из них только у 30 км дорог определены владельцы. На их ремонт 77 садовым товариществам будет выделено 50 млн руб.

Непростой проблемой является согласование интересов членов садовых товариществ. Большая часть садов сформировалась 45–50 лет назад. Земельные участки выделялись трудовым коллективам. Они объединяли людей на базе общих интересов и равных возможностей.

Сегодня чуть более половины садоводов в Республике Башкортостан уже пенсионеры, многие из числа первых владельцев

умерли. Часть обследованных садоводов (28%) приобрели участки путем их покупки; 83% из них занимаются садоводством в целях выращивания фруктов и овощей для личного потребления, а также для загородного отдыха. Некоторые садоводы (6%) приоритетным считают получение дополнительных доходов или создание на основе сада собственного бизнеса (5%).

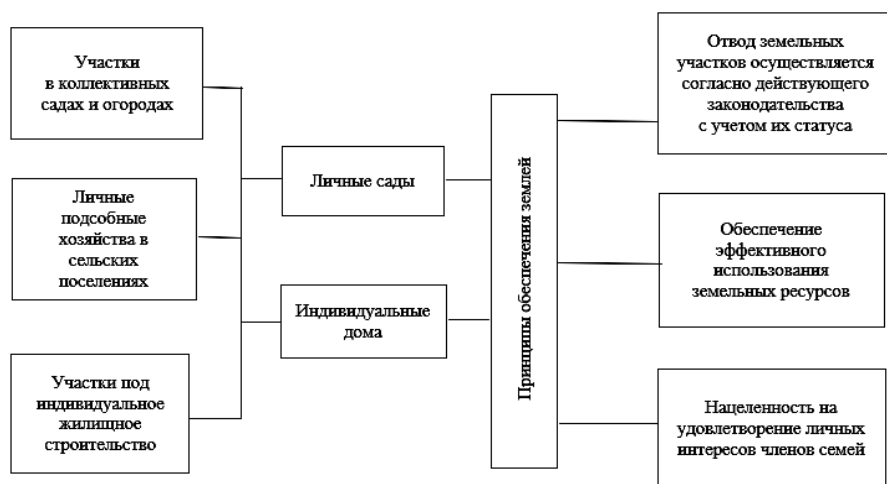
Разнонаправленность целевых настроений у садоводов создает конфликты в товариществах, поэтому необходимо усилить контроль за деятельностью садоводческих обществ.

Каждый садовод должен иметь возможность вступать в кооперативы по содержанию электрических сетей, строительству и ремонту дорог, реализации произведенной продукции. В связи с этим хочется отметить положительный опыт создания в Республике Башкортостан Фонда развития инфраструктуры садоводческих товариществ. Кооперация в этом направлении позволит решить многие вопросы без крупных затрат. Например, строительство 1 км дороги с песчано-гравийным покрытием за счет привлечения специализированных организаций будет дешевле в 1,8 раза. Это касается и ремонта энергетических сетей.

Следует отметить, что расширение садоводства, всемерная его поддержка в условиях России должны стать действующим фактором.

В России с богатством ее земельных ресурсов представление земли на льготных условиях должно стать одной из составляющих национальной идеи. Малообеспеченные и многодетные семьи должны получить возможность приобрести земельный участок в собственность бесплатно.

В 2021 г. в Госдуму Российской Федерации был внесен законопроект «О семейных поместьях и семейных поселениях в Российской Федерации», который предусматривал бесплатное предоставление семьям до 1 га для садоводства, огородничества и производства др. продуктов питания [81]. В нем, к сожалению, отсутствует механизм обеспечения равного доступа для граждан к созданию так называемых семейных поместий. Не учитываются также особенности предоставления земельных участков в пригородных и санаторных зонах, что создает возможность для распространения коррупции (рис. 9).

Рис. 9. Реструктуризация личного землепользования

Мы считаем, что предоставление земельных участков для удовлетворения личных потребностей в жилье и садоводстве должно иметь единую правовую базу. Их отсутствие и противоречия между разными нормативными актами создают условия для распространения коррупции. В зависимости от статуса предоставления земельных участков (в поселениях или вне них) все участки в коллективных садах и огородах, в сельских поселениях и под индивидуальное жилищное строительство должны быть включены в единый реестр. При этом необходимо разработать единый порядок отвода земельных участков, которые предоставляются в соответствии с их статусом.

Земли в границах поселений должны быть предоставлены на платной основе. Такой подход нужно распространить и на пригороды в пределах 20–25 км удаленности от городских поселений. Требуется упростить также и порядок предоставления земельных участков, отменить запретные меры для создания микроферм по выращиванию птиц, кроликов и скотоводства при наличии не более 2–3 голов.

Стирание различий между личными подсобными хозяйствами в сельской местности и коллективным садоводством в городах требует создания единой правовой базы их функционирования и признания их единого статуса. Существующие различия между ними сегодня состоят в землеобеспеченности, уровне благоустройства.

Эти различия со временем будут стираться. Но реконструкция садовых товариществ в плане концентрации земельных участков, их благоустройства требует значительных инвестиций, в том числе за счет государственного бюджета.

С учетом существующих в стране традиций ведения личного хозяйства и землепользования необходима реконструкция существующих личных садов, превращение их в благоустроенные места круглогодичного проживания граждан. Сады должны сыграть важную роль в обеспечении населения страны фруктами, ягодами и овощами.

2.4. Межрегиональное сотрудничество как фактор обеспечения продовольственной безопасности

Международное противостояние государств приводит к изменению подходов достижения продовольственной безопасности разноуровневых территорий. Происходит активное импортозамещение производства в сельскохозяйственной отрасли, поиск новых решений достижения продовольственной безопасности. Именно обеспечение продовольственной безопасности является одной из основ жизнедеятельности территорий [82].

Важным источником решения вопросов продовольственной безопасности должно являться межрегиональное взаимодействие, благодаря которому должно также происходить и перераспределение производимой продукции, что способствует развитию внутреннего рынка и его диверсификации, специализации экономики, нивелированию территориальных барьеров.

При этом товарообмен должен соответствовать социально-экономическому развитию без нанесения ущерба собственному потреблению. Поэтому целесообразно рассмотреть удовлетворенность потребности в продукции внутреннего производства с помощью основного критерия продовольственной безопасности – коэффициента самообеспеченности [82]:

$$K_{с/о} = \frac{\Pi_i \text{ произв}}{\Pi_i \text{ потр}}, \quad (6)$$

где $\Pi_i \text{ произв}$ – производство продукции в i -м регионе,
 $\Pi_i \text{ потр}$ – фактическое потребление в i -м регионе.

При выполнении неравенства $K_{с/о} > 1$ в рассматриваемом регионе производство превышает потребление, обеспечиваются потребности населения в продукции и есть возможность поставлять данную продукцию на внешний рынок [82].

Нами исследована природная самообеспеченность отдельных регионов страны.

1. На основе коэффициентов локализации и интенсивности локализации производства определим регионы, в которых сельское и лесное хозяйство, рыболовство являются ведущими ВЭД (табл. 18).

Таблица 18

Регионы Российской Федерации, в которых ведущими ВЭД является сельское и лесное хозяйства, рыболовство

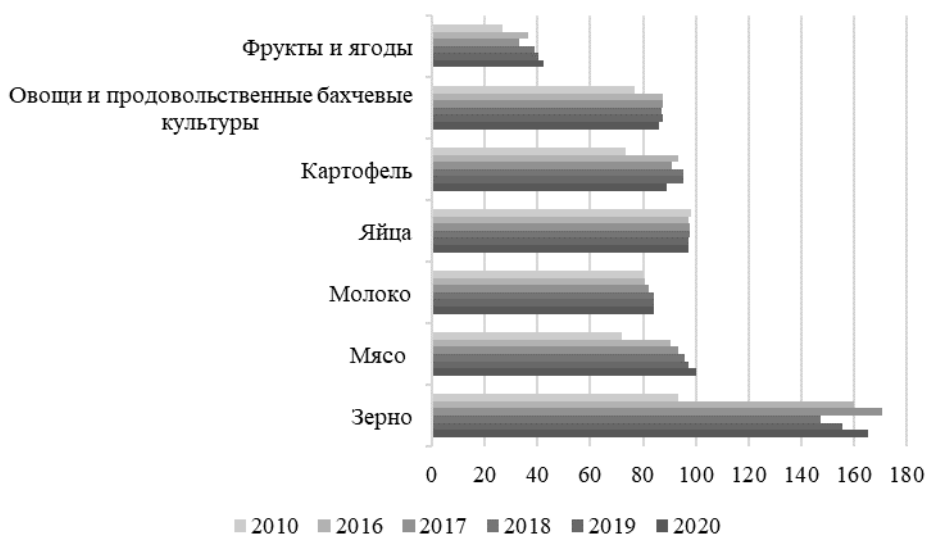
Федеральные округа	Регионы
Центральный	Белгородская область, Брянская область, Воронежская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Тамбовская область, Тверская область
Северо-Западный	Новгородская область, Псковская область
Южный	Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Волгоградская область, Ростовская область
Северо-Кавказский	Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Ставропольский край
Приволжский	Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Чувашская Республика, Кировская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область
Сибирский	Республика Тыва, Алтайский край, Омская область
Дальневосточный	Камчатский край, Приморский край
Уральский	Курганская область

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Расчет выполнен по данным 2019 г., в связи с особенностями расчета ВРП в открытом доступе отсутствуют, с учетом того, что

структура экономики инерционна [83]. Поэтому по показателям 2019 г. можно сделать вывод о субъектах Российской Федерации, специализирующихся в сельском хозяйстве. За счет географического расположения и природно-климатических условий специализация по федеральным округам различается. Так, наибольшее количество регионов, специализирующихся в производстве продукции сельского хозяйства, находятся в Приволжском, Центральном и Северо-Кавказском федеральных округах, наименьшее – в Дальневосточном, Сибирском и Уральском федеральных округах.

Рассмотрим уровень самообеспеченности основными видами производимой сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации в динамике за 2010-2020 гг. (рис. 10).

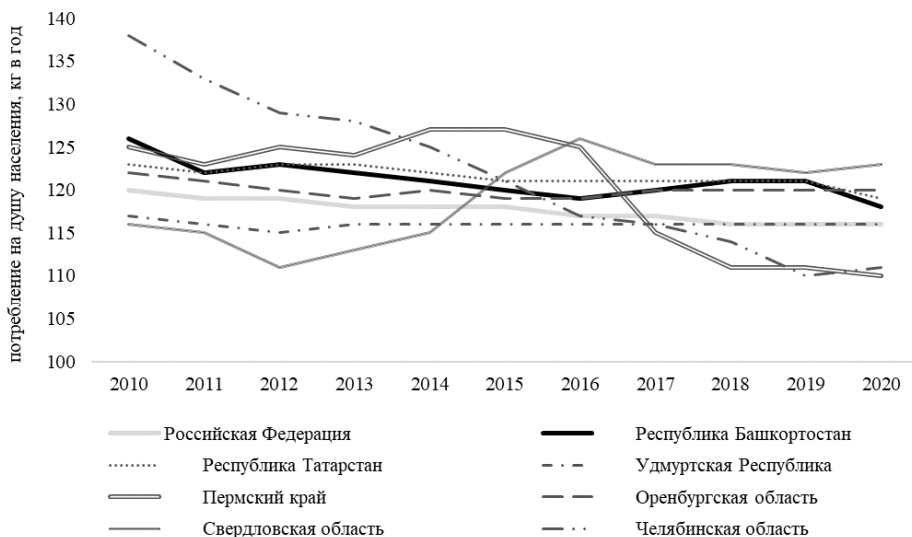

Рис. 10. Уровень самообеспеченности основными видами продукции в Российской Федерации, %

Уровень самообеспеченности сельскохозяйственной продукцией в Российской Федерации высок. Наиболее низкий уровень самообеспеченности фруктами и ягодами, наиболее высокий – зерном, уровень самообеспеченности мясом из года в год растет и к 2020 г. достиг 100,1%.

Для определения возможного регионального сотрудничества по перераспределению продукции сельского хозяйства рассмотрим уровень самообеспеченности по регионам в динамике. Несмотря на

то, что в открытом доступе потребление зерна представлено только за 2021 г., по другим годам указано потребление хлебных продуктов, но с учетом неизменного соотношения личного (рис. 11) и производственного потребления возможно сделать вывод о самообеспеченности зерном (табл. 19).

Рис. 11. Потребление хлебных продуктов в расчете на душу населения, кг в год

Потребление хлебных продуктов по регионам практически остается неизменным, незначительное сокращение произошло лишь в Челябинской области.

Объемы производимой сельскохозяйственной продукции по видам сельскохозяйственной продукции обусловлены географическими и климатическими условиями, что объясняет существующие диспропорции.

Именно межрегиональное сотрудничество может привести к достижению продовольственной безопасности, особенно актуально сотрудничество соседних регионов. Рассмотрим соседние с Республикой Башкортостан регионы для определения межграницного сотрудничества. Такая экономическая деятельность, как рыбоводство и рыболовство, в них не развита. После нахождения коэффициентов локализации по обороту производства и по интенсивности локализации была проведена классификация соседних с Республикой Башкортостан регионов по уровню развития ВЭД

«Сельское и лесное хозяйство». Этот ВЭД является ведущим и находится в зоне повышенной локализации в республиках Башкортостан и Татарстан; неэффективно производство в Оренбургской области; недостаточен уровень локализации трудовых ресурсов (за счет его увеличения произойдет увеличение объема производства) в Челябинской области и Удмуртской Республике; не развита и находится в зоне недостаточной локализации в Свердловской области и Пермском крае (зона низкой локализации).

Таблица 19

Количество регионов в федеральных округах, самообеспеченных основной сельскохозяйственной продукцией

Федеральные округа	Картофель		Яйца и яйцепродукты		Мясо и мясопродукты		Овощи и бахчевые культуры		Молоко и молокопродукты		Зерно
	2017 г.	2019 г.	2017 г.	2019 г.	2017 г.	2019 г.	2017 г.	2019 г.	2017 г.	2019 г.	
Центральный	9	13	8	7	9	11	3	2	10	11	7
Северо-Западный	2	4	2	2	3	3	1	1	3	3	1
Южный	1	1	2	2	1	2	4	3	1	3	7
Северо-Кавказский	1	1	0	0	3	3	3	3	4	4	7
Приволжский	4	10	8	8	7	6	5	5	10	7	5
Уральский	3	4	3	3	1	1	0	0	0	0	2
Сибирский	3	3	6	6	4	4	0	0	3	3	6
Дальневосточный	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	4

Источник: составлено авторами по материалам исследования

Представим самообеспеченность основными производимыми сельскохозяйственными продуктами по сгруппированных по уровню развития сельского и лесного хозяйства соседних регионах Республики Башкортостан (табл. 20).

Наиболее зависимо от природно-климатических условий производство зерновых. Например, в аномально засушливый 2021 г. для Республики Башкортостан и соседних регионов, соответственно, был и низкий сбор урожая зерна, поэтому в регионах, которые

традиционно являются лидерами по производству зерновых, в тот год было произведено меньше зерна. Практически во всех регионах наблюдается самообеспеченность яйцом.

Таблица 20

**Самообеспеченность основной производимой
сельскохозяйственной продукцией соседних регионов
Республики Башкортостан**

Регионы	Картофель	Яйца	Молоко	Мясо	Овощи	Зерно
<i>Ведущий ВЭД, находящийся в зоне повышенной локализации и опережающего развития</i>						
Республика Башкортостан	СН	С*	С	Н**	СН***	СН
Республика Татарстан	С	СН	С	С	СН	СН
<i>Ведущий ВЭД, находящийся в зоне повышенной локализации</i>						
Оренбургская область	Н	С	Н	СН	С	СН
<i>ВЭД, находящийся в зоне недостаточной локализации трудовых ресурсов и опережающего развития</i>						
Челябинская область	С	С	Н	С	Н	Н
Удмуртская Республика	СН	С	С	С	Н	Н
<i>ВЭД, находящийся в зоне низкой локализации</i>						
Свердловская область	СН	С	Н	Н	Н	Н
Пермский край	Н	С	С	Н	Н	Н

*самообеспечен **не самообеспечен ***самообеспечен нерегулярно.

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Самообеспеченность основными сельскохозяйственными продуктами варьируется по регионам. Поэтому есть возможность и потенциал проведения взаимобмена сельскохозяйственной продукцией между соседними регионами. Но при этом для производства фруктов, ягод и овощей природно-климатические условия Башкортостана и соседних регионов не совсем подходят, а производственных мощностей недостаточно, поэтому производство и экспорт данной продукции не соответствует нормам потребления.

Так, по нормам потребления, рекомендованным Минздравом Российской Федерации от 19.08.2016 г. № 614 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового

питания», самый высокий уровень потребления овощей и бахчевых культур на душу населения в Оренбургской области – 157%, в Свердловской области – 98%, от нормы потребления, в остальных регионах ниже. По потреблению фруктов и ягод самый высокий показатель в Татарстане – 79%, в Удмуртии – 57% от нормы потребления, в остальных регионах ниже [84]. Поэтому такие категории товаров необходимо привозить из регионов, расположенных на территориях с благоприятными природно-климатическими условиями и специализирующихся на их производстве. Для этого необходимы мощности для хранения, перевозки и отлаженная логистика.

Дефрагментированность производства товаров по регионам является ресурсом развития. Межрегиональное сотрудничество, по мнению Н. Борщик, является актуальным и важным направлением развития государственной политики, стимулом развития специализации по ВЭД регионов [85]. Так же неоднородное развитие экономического пространства ведет к дифференциации различных экономических региональных систем [86]. И именно межрегиональная интеграция является механизмом сокращения неоднородности между регионами [87].

В разрезе регионов самообеспеченность сильно различается, и это связано не только с имеющимися материальными ресурсами, но и с такими естественными условиями, как география и климат. Продовольственная безопасность в этом случае может быть достигнута за счет межрегионального сотрудничества, соответственно, необходима развитая логистическая сеть. По мнению В.В. Акбердиной «миссия» региона состоит как раз в инициировании межрегионального взаимодействия [88]. При этом необходимо обратить внимание не только на самообеспеченность регионов производимой продукцией, а также при проведении политики импортозамещения нужно разнообразить ассортимент производимых продуктов, так как, по мнению И.Н. Меренковой и В.Н. Перцева, из-за ухудшения структуры рациона населения произошло увеличение заболеваний, а скудное несбалансированное питание привело к тенденции сокращения продолжительности жизни [89].

Развитие межрегионального сотрудничества не только обеспечит местное население продукцией, не выпускаемой на рассматриваемых территориях, но и будет содействовать созданию рабочих мест, поставками сырья и комплектующих. Все это способствует развитию

рынка, привлечению инвестиций, социально-экономическому развитию территориальных образований. При этом необходимо сокращать транзакционные издержки, что возможно за счет сокращения транспортных издержек, развития логистики. Использование одних и тех же производственных мощностей для хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, совместные инфраструктурные проекты, взаимные поставки сырья и комплектующих может обеспечить межрегиональное сотрудничество соседних территорий. Согласованное взаимодействие федеральных и региональных органов власти, скоординированные стратегии развития субъектов Российской Федерации позволят выработать концепцию механизма госрегулирования межрегионального сотрудничества. Ее реализация укрепит межрегиональные связи регионов и будет способствовать преодолению негативных тенденций в их развитии. Межрегиональное взаимодействие должно осуществляться на основе рыночного, институционального подходов и сотрудничества на уровне не только регионов, но и муниципальных районов.

2.5. Территориально-структурные особенности трансформации системы здравоохранения в новых условиях

Реформы в области финансирования здравоохранения по странам мира носят дифференцированный характер в зависимости от особенностей институциональных механизмов, культурных, экономических, социальных и политических условий. Различия в затратах на здравоохранение по странам мира существенные – от 2,8–2,9% (Ангола, Пакистан) до 17,1% (США) от объема ВВП, что составляет 3,6 трлн долл. В 2020 г. ВВП Российской Федерации составлял 1,48 трлн долл. В развитых странах ЕС доля затрат на здравоохранение от объема ВВП достигает 8,0–12,0%. Россия относится к группе стран со средними расходами на здравоохранение – 5,3% (табл. 21).

В абсолютных цифрах расходы здравоохранения на душу населения в Российской Федерации в 25–26 раз меньше, чем в США, в 14–15 раз – чем в ЕС.

Затраты стран мира на здравоохранение (в % от ВВП)

Страна	Годы							
	2000	2005	2007	2009	2010	2015	2019	2020
Страны с высокими расходами								
США	13,4	15,2	15,7	17,6	17,9	16,8	17,1	17,1
Франция	10,1	11,2	11,0	11,9	11,9	11,1	11,5	11,3
Швейцария	10,2	11,4	10,8	11,4	10,5	12,1	12,2	12,3
Германия	10,3	10,7	10,4	11,7	10,6	11,2	11,1	11,2
Куба	6,7	7,6	10,4	12,1	10,5	**	12,2	11,7
Австрия	9,9	10,2	10,1	11,0	11,0	10,3	10,4	10,4
Канада	8,8	9,6	10,1	11,4	11,3	10,4	10,3	10,6
Аргентина	9,0	10,2	10,0	9,5	8,1	6,8	7,5	9,1
Португалия	8,8	10,2	10,0	10,7	11,0	9,0	9,1	9,0
Дания	8,3	9,1	9,8	11,5	11,4	10,3	10,3	10,1
Босния и Герцеговина	6,9	8,8	9,8	10,9	11,1	9,4	9,2	8,9
Греция	7,9	7,1	9,6	10,6	11,3	8,4	8,5	8,0
Бельгия	9,1	9,6	9,4	10,8	10,7	10,5	10,0	10,3
Страны со средними расходами								
Беларусь	6,4	6,6	6,5	6,1	5,6	6,1	6,3	5,9
Иран	5,9	7,8	6,4	5,7	5,6	7,6	8,1	**
Латвия	6,0	6,4	6,2	6,6	6,7	5,8	6,2	5,9
Египет	5,5	6,1	6,3	4,8	4,7	5,3	4,6	5,3
Российская Федерация	5,4	5,2	5,4	5,4	5,1	5,3	5,3	5,3
Китай	4,6	4,7	4,3	5,1	5,1	5,2	5,0	5,2
Индия	4,4	5,0	4,1	4,2	4,1	3,9	3,7	3,5
Страны с низкими расходами								
Бангладеш	2,7	2,8	3,4	3,4	3,5	2,6	2,4	2,3
Пакистан	3,0	2,1	2,7	2,2	2,2	2,7	2,8	2,9
Ангола	2,4	3,5	2,5	4,9	2,9	2,9	2,9	2,8
Конго	2,1	1,9	2,4	2,8	2,5	3,4	2,9	2,9
Индонезия	2,0	2,1	2,2	2,5	2,6	3,3	3,1	3,0

** нет данных.

Источник: составлены авторами по: [90, с. 126–127; 91, с.129–130].

За 1990–2020 гг. в Российской Федерации количество больничных учреждений сократилось с 12,8 до 5,1 тыс., то есть почти на 60%. Ресурсы российской системы здравоохранения используются с низкой эффективностью. В нашей стране самое большое число врачей на 10 тыс. чел. населения по сравнению со странами Центральной и Восточной

Европы, ЕС; самое большое количество больничных коек на 1000 чел. населения; самая большая длительность пребывания в стационарах (табл. 22).

Таблица 22

Показатели системы здравоохранения России

Показатели	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2020 г.
Число больничных учреждений, тыс.	12,8	10,7	9,5	6,3	5,4	5,3	5,1
Число коек в больничных учреждениях на 1000 чел. населения, ед.	13,8	11,6	11,1	9,4	8,3	8,1	8,3
Число амбулаторно-поликлинических учреждений, тыс. чел.	21,5	21,3	21,8	15,7	19,1	20,2	22,9
Число врачей всех специальностей, всего, тыс. чел.	667,3	680,2	690,3	715,8	673,0	697,1	737,4
Число врачей всех специальностей на 10 тыс. чел. населения	45,0	47,2	48,8	50,1	45,9	47,5	50,4
Численность среднего медицинского персонала, всего, тыс. чел.	1 844,0	1 563,6	1 529,8	1 508,7	1 549,7	1 525,2	1 490,5
Численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. чел. населения	124,5	107,6	108,0	105,6	105,8	103,8	102,0

Источник: составлено авторами по: [92, с. 216–217].

Расходы населения на лекарственные средства и медицинские услуги устойчиво растут. С 2000 г. государственное финансирование здравоохранения увеличивается, но расходы населения растут еще быстрее. Доля средств населения в финансировании здравоохранения выросла с 1994 по 2020 гг. более чем в три раза – с 11 до 36%.

В системе здравоохранения Республики Башкортостан численность врачей всех специальностей увеличилась за 1995–2020 гг. с 14,5 до 18,0 тыс. чел. на 24% (табл. 23). Соответственно, количество врачей всех специальностей, приходящихся на 10 тыс. чел. населения, в Республике Башкортостан возросло с 36,7 до 44,8, в то время как в Российской Федерации этот показатель существенно

выше и составляет 50,4, что свидетельствует о более низком уровне обеспеченности врачами в Республике Башкортостан.

Таблица 23

Динамика численности врачей и среднего медицинского персонала Республики Башкортостан

Показатель	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2019 г.	2020 г.
Численность врачей всех специальностей, чел., всего	14 465	16 859	16 961	16 899	17 198	16 382	17 098	17 531	17 985
на 10 тыс. чел. населения	36,7	41,0	41,7	41,7	42,2	41,0	42,1	43,4	44,8
Численность среднего медицинского персонала, чел., всего	43 145	45 617	45 473	45 320	45 141	45 692	44 089	42 142	41 680
на 10 тыс. человек населения	106,2	110,9	111,9	111,7	110,9	112,2	108,5	104,4	103,8
Число фельдшерско-акушерских пунктов, ед.	2 219	2 251	2 256	2 214	2 160	2 080	2 072	2 115	2 122

Источник: составлено авторами по: [93, с. 123–124; 94, с. 88; 95, с. 102].

Среди субъектов ПФО по обеспеченности врачами всех специальностей Башкортостан уступает Удмуртской Республике (51,2), Пермскому краю (50,4), Республике Мордовия (54,6), Кировской (49,7), Самарской (49,4), Саратовской (51,4), Оренбургской (46,5) областям, Чувашской Республике (50,6), Нижегородской области (48,4), то есть среди 14 субъектов ПФО Республика Башкортостан занимает 10-ое место. Среди субъектов Российской Федерации по этому показателю Башкортостан на 56-м месте.

Часть МО, имеющих низкие показатели обеспеченности врачами на 10 тыс. чел. населения, расположены рядом со столицей (Иглинский, Кушнаренковский, Уфимский муниципальные районы) или городами (Баймакский, Стерлитамакский). Однако остальные районы отличаются значительной транспортной удаленностью от городов, не говоря уже о проблеме муниципальной транспортной доступности медицинских учреждений внутри районов.

Численность среднего медицинского персонала в лечебно-профилактических учреждениях Башкортостана увеличилась с 43,7 в

1990 г. до 45,5 тыс. чел. в 2005 г. и с началом реализации национального проекта «Здоровье» уменьшилась до 41,4 тыс. чел. к 2011 г. или на 9,7%. В результате этого обеспеченность средним медицинским персоналом в Республике Башкортостан на 10 тыс. чел. населения за 1990–2020 гг. уменьшилась с 110,3 до 103,8 (на 5,9%). В Российской Федерации этот показатель в 2020 г. составил 102,0.

Это свидетельствует о снижении уровня обеспеченности населения Башкортостана средним медицинским персоналом и особенно за годы реализации национального проекта «Здоровье». В ПФО по обеспеченности средним медицинским персоналом Башкортостан опережает Республику Марий Эл, Удмуртскую Республику, Пермский край и Самарскую область. Среди субъектов Российской Федерации по этому показателю Башкортостан занимает 52-е место.

Процесс территориальной концентрации больничных учреждений в Башкортостане за период с 1990 по 2020 гг. привел к сокращению их количества на 62,3%. В результате этого обостряется проблема транспортной доступности населения до больничных учреждений республики (табл. 24).

Таблица 24

**Динамика основных показателей здравоохранения
Республики Башкортостан в 1990–2020 гг.**

Годы	Количество больничных учреждений, ед.	Количество больничных коек, ед.		Количество врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, ед.	Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену	
		Всего, тыс.	на 10 тыс. чел.		Всего, тыс.	на 10 тыс. чел.
1990	361	54,0	136,4	537	85,2	214,9
1995	367	59,0	132,1	557	91,8	224,8
2000	329	49,6	120,5	505	93,1	226,3
2005	261	39,2	96,4	502	95,6	235,2
2010	194	35,1	86,2	424	97,7	239,9
2015	165	32,6	80,1	411	104,4	256,5
2019	149	31,3	77,6	400	106,9	264,9
2020	136	32,0	79,7	435	110,8	276,0

Источник: составлено авторами по: [94, с. 88, 95, с. 102].

Количество врачебно-амбулаторных учреждений за период 1990–2020 гг. также уменьшилось с 537 до 435 единиц, то есть на 19,0%. Следует отметить, что именно на годы реализации национального проекта «Здоровье» в Республике Башкортостан приходится основное сокращение больничных и врачебно-амбулаторных учреждений, что свидетельствует о росте территориальной локализации врачебной помощи в республике.

Длительный кризисный период 1990–2000 гг. негативно сказался на системе здравоохранения Республики Башкортостан. Значительно устарела, износилась и требует ремонта материально-техническая база, которая характеризуется высокой степенью не только физического, но и морального износа и требует значительного финансирования и внедрения инноваций. Значительное число зданий больниц и поликлиник, особенно в сельской местности, имеют недостаточную мощность.

Для Республики Башкортостан характерна значительная региональная дифференциация оказания медицинской помощи – выполнение сложнейших операций и осуществление дорогостоящего лечения осуществляется только в столице г. Уфе и крупных городах (Стерлитамак, Салават). В республике сложились существенные территориальные различия в доступности и качестве медицинской помощи, предоставляемой городскому и сельскому населению (подушевые расходы на финансирование здравоохранения по отдельным муниципальным образованиям разнятся в 12–15 раз). Центральной проблемой в сельских районах является уровень развития и доступность медицинского обслуживания. Центральные районные больницы находятся в центрах административных районов и легкодоступны только населению близлежащих сел. Размещение сети учреждений здравоохранения не обеспечивает относительно равноценный уровень медицинского обслуживания населения независимо от места проживания, и эта ситуация за 2000–2020 гг. только ухудшилась.

При происходящем увеличении финансирования здравоохранения Республики Башкортостан наблюдается обратная тенденция, связанная с ухудшением состояния здоровья населения. Общая заболеваемость населения в Республике Башкортостан по основным классам болезней за период 1990–2020 гг. как в целом, так и в расчете на 1000 чел. населения растет, что связано с увеличением

численности лиц пожилого возраста (старше 60 лет), последствиями социально-экономических стрессов в 1990 г., эпидемией COVID–19.

Общая заболеваемость населения Башкирии в 2002–2010 гг. выросла на 18%. Это свидетельствует о том, что недостаточное внимание в 1991–2005 гг. (до начала реализации национального проекта «Здоровье») к состоянию здоровья населения в стране, выразившееся в недофинансировании здравоохранения в регионах, привело к ухудшению состояния здоровья населения и в Республике Башкортостан.

В структуре заболеваемости наибольшие показатели как в целом, так и в расчете на 1000 чел. населения распределяются по группам болезней следующим образом: на первом месте – болезни органов дыхания, на втором – системы кровообращения, на третьем – органов пищеварения. Наблюдаемая структурная трансформация численности населения республики под влиянием процессов его старения обуславливает увеличение распространенности возрастнo-зависимой патологии (болезни системы кровообращения; новообразования; урологические заболевания; старческие переломы и другая костно-мышечная патология; психические нарушения). В связи с этим можно прогнозировать увеличение риска смерти от названных причин.

Таким образом, система здравоохранения Республики Башкортостан, как и российская, до 1991 г. была ориентирована на предоставление бесплатной стационарной медицинской помощи, результатом чего явились слабая оснащённость поликлиник диагностическим оборудованием, нехватка участковых терапевтов, что привело в свою очередь к росту числа хронических заболеваний, высокой госпитализации, частому вызову скорой помощи. Наблюдается парадоксальная ситуация: число больничных коек в Республике Башкортостан сокращается, а заболеваемость населения увеличивается.

Анализ объема предоставляемых платных услуг на душу населения в сфере здравоохранения и отдыха по Республике Башкортостан в сравнении с российскими показателями позволяет сформулировать следующий вывод: в республике очень высокие показатели предоставляемых платных медицинских и платных санаторно-оздоровительных, при низком уровне предоставления платных услуг по физической культуре и спорту. Это свидетельствует о недостаточном развитии профилактики здоровья населения в Республике Башкортостан за счет увеличения оказываемых платных

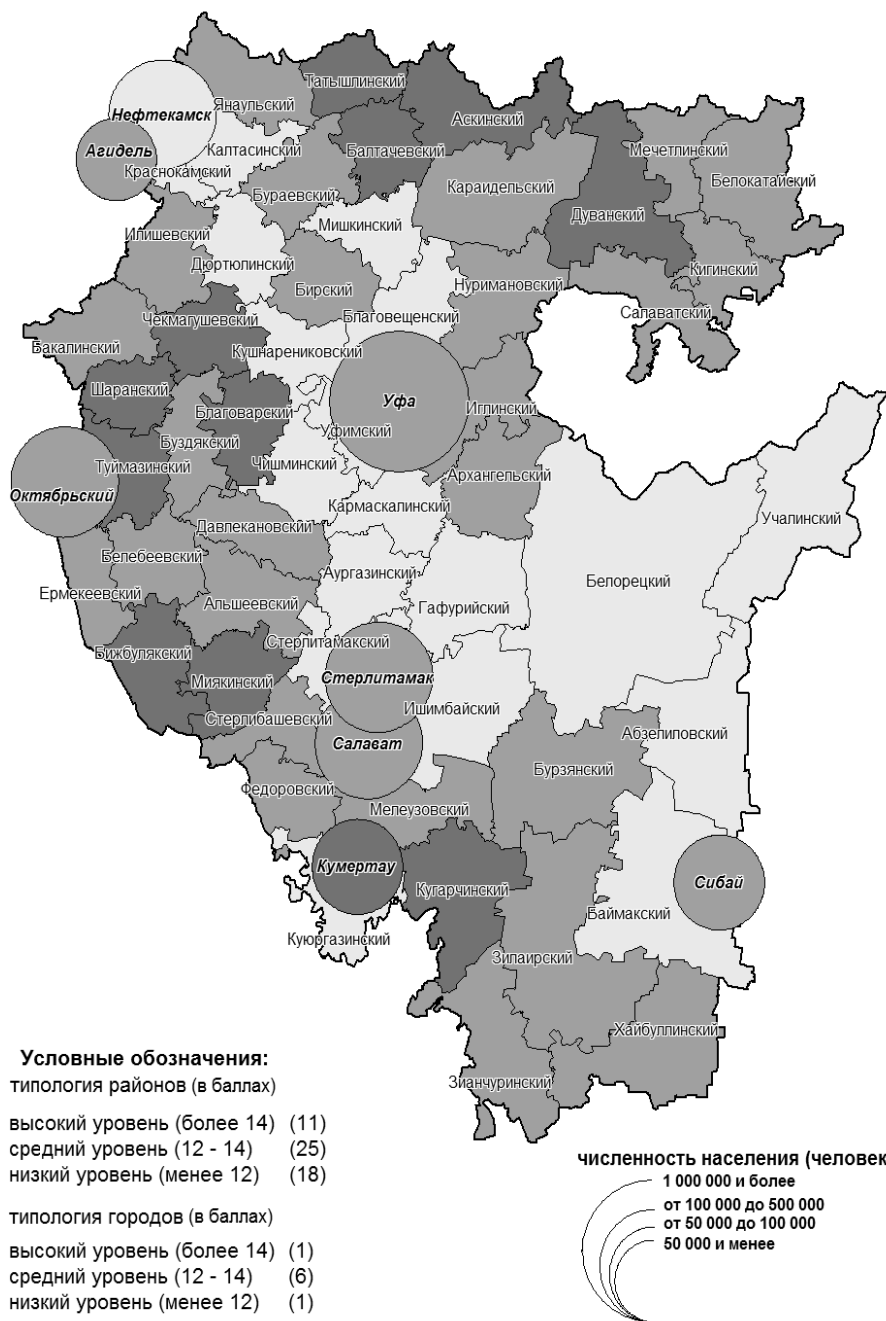
услуг по физической культуре и спорту. Акцент в предоставлении платных услуг в сфере здравоохранения Республики Башкортостан делается не на профилактике болезней, а на медицинском лечении последствий болезней и на после лечебном дорогостоящем обслуживании – платные санаторно-оздоровительные услуги.

Из положительных тенденций в системе здравоохранения Республики Башкортостан следует отметить то, что с началом реализации национального проекта «Здоровье» с 2007 г. наметились попытки реформирования: увеличение финансирования, улучшение материальной базы.

Типология МО и принципы эффективного развития здравоохранения Республики Башкортостан. На основе комплексной территориальной оценки развития здравоохранения Башкортостана нами с использованием балльного метода выделены три типа МО (городов и районов): с высоким, средним и низким уровнем эффективности развития здравоохранения (рис. 12).

При проведении типологии МО по уровню эффективности развития здравоохранения использованы следующие показатели:

- 1) уровень обеспеченности врачами в расчете на 10 тыс. чел.;
- 2) уровень обеспеченности средним медицинским персоналом в расчете на 10 тыс. чел.;
- 3) уровень младенческой смертности в промиллях;
- 4) уровень первичной заболеваемости населения в расчете на 1000 чел.;
- 5) состояние материально-технической базы здравоохранения (износ и аварийность зданий и сооружений в процентах);
- 6) уровень развития рынка фармацевтических услуг по степени диверсифицированности.

Рис. 12. Типология районов и городов Республики Башкортостан по уровню эффективности развития здравоохранения, 2020 г.

Первый, второй и шестой показатели характеризуются тем, что их балльная шкала меняется в прямой зависимости, а у третьего, четвертого и пятого в обратной. На основе кривых распределения значений МО Республики Башкортостан по этим шести параметрам была определена шкала значений в баллах для высокого, среднего и низкого уровня (по трехбалльной системе).

В качестве базового среднего значения показателей были взяты среднереспубликанские значения по МО (табл. 25).

Таблица 25

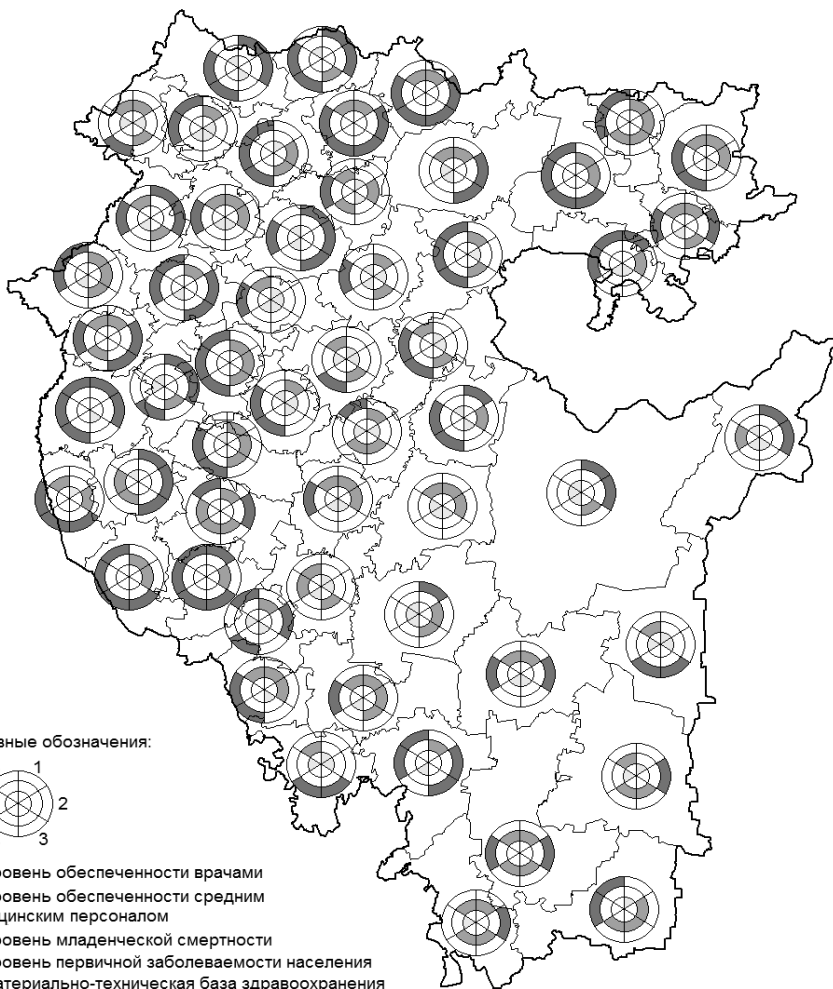
Эффективность развития здравоохранения, баллы

Показатели	Уровни эффективности		
	Высокий – 3	Средний – 2	Низкий – 1
Обеспеченность врачами	Более 20	От 16 до 20	Менее 16
Обеспеченность средним медицинским персоналом	Более 90	От 80 до 90	Менее 80
Младенческая смертность	Менее 5,0	От 5 до 10	Более 10
Первичная заболеваемость населения	Менее 790	От 800 до 900	Более 900
Состояние материально-технической базы	Менее 12	От 12 до 25	Более 25
Развитость фармацевтического рынка	Диверсифицированный	Слабодиверсифицированный	Монопольный

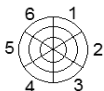
Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Для городов республики характерен средний уровень эффективности развития здравоохранения, для районов центральной и зауральской части Башкортостана – низкий. Реализация национального проекта «Здоровье» способствовала повышению уровня эффективности развития здравоохранения Аскинского, Балтачевского, Бижбулякского. Благоварского, Дуванского, Кугарчинского, Миякинского, Татышлинского, Шаранского районов, которые территориально удалены от городов республики.

Структурное рассмотрение составляющих уровня территориальной эффективности развития здравоохранения позволяет определить приоритеты развития здравоохранения МО (рис. 13).

Условные обозначения:

- 1 - Уровень обеспеченности врачами
- 2 - Уровень обеспеченности средним медицинским персоналом
- 3 - Уровень младенческой смертности
- 4 - Уровень первичной заболеваемости населения
- 5 - Материально-техническая база здравоохранения (износ и аварийность зданий и сооружений)
- 6 - Уровень развития рынка фармацевтических услуг

цвет	1	2	3	4	5	6	цвет
	высокий	высокий	низкий	низкий	низкий	высокодиверсифицированный	
	средний	средний	средний	средний	средний	слабодиверсифицированный	
	низкий	низкий	высокий	высокий	высокий	монополизованный	

Рис. 13. Приоритеты развития здравоохранения МО Республики Башкортостан

Например, в Белебеевском, Белорецком, Бирском, Благовещенском, Буздякском, Давлекановском, Ишимбайском, Татышлинском, Учалинском, Чишминском, Янаульском районах рынок фармацевтических услуг не развит и характеризуется монопольным типом функционирования. Такие районы, как Аургазинский, Баймакский, Буздякский, Гафурийский, Зианчуринский, Ишимбайский, Караидельский, Кармаскалинский, Куюргазинский, Стерлибашевский, Уфимский, города Уфа, Стерлитамак, Октябрьский, Нефтекамск, Сибай отличаются высоким уровнем износа зданий и сооружений здравоохранения. Обобщение отечественных и зарубежных исследований по проблемам развития здравоохранения позволяет сформулировать следующие принципы, направленные на повышение уровня территориальной эффективности развития здравоохранения Республики Башкортостан [96, 97, 98, 99, 100].

Принцип ресурсного обеспечения здравоохранения.

Необходимость решения стоящих перед здравоохранением сложных задач: по улучшению здоровья населения, снижению уровня инвалидизации и смертности, увеличению объемов медицинской помощи в ответ на повышение доли лиц пожилого возраста, дальнейшему развитию высокотехнологичных видов медицинской помощи – требует соответствующего ресурсного обеспечения отрасли.

Решать эти задачи следует прежде всего в рамках государственной системы здравоохранения, которая должна сохранить ведущую роль, несмотря на ожидаемое повышение участия частного сектора в оказании медицинской помощи и ее финансировании.

В соответствии с этим необходимо законодательное закрепление Программы государственных гарантий оказания населению бесплатной медицинской помощи с четким определением видов, объемов, порядка и условий ее предоставления, обеспеченных финансово. Кроме того, следует предусмотреть механизмы для обеспечения реализации гражданами своих прав в случае невыполнения обязательств, установленных Программой государственных гарантий.

Основой же системы финансирования здравоохранения должен оставаться принцип общественной солидарности (богатый за бедного, здоровый – за больного), в рамках которого на государство

возлагаются задачи по первоочередному обеспечению гарантий медицинской помощи гражданам с наиболее сложными заболеваниями и наименьшими возможностями нести расходы на лечение.

Приоритетными на данном этапе становятся задачи упрощения механизмов финансирования с сокращением количества финансовых потоков в отрасли и максимального использования экономических методов управления, направленных на мотивацию повышения территориальной эффективности деятельности всех субъектов системы [100].

Принцип совершенствования территориального управления здравоохранением. Развитие здравоохранения требует значительных управленческих ресурсов на всех территориальных уровнях: макро- (государственный), мезо- (субъектный), микро- (в разрезе городских и сельских муниципальных образований), обеспечивающих общее управление ресурсами и принятие решений, направленных на повышение эффективности деятельности здравоохранения и улучшение территориальной медико-демографической ситуации.

Принцип определения территориальных приоритетов развития здравоохранения. Осуществление указанных преобразований должно строиться на основе стратегического планирования с учетом региональных различий медико-демографических показателей, которые в России и Республике Башкортостан значительно варьируют в зависимости от уровня социально-экономического развития и состояния здоровья населения отдельных регионов и муниципальных образований. Поскольку цель системы здравоохранения любого уровня – улучшение состояния здоровья общества в целом и каждого гражданина в отдельности, на уровне каждого региона, муниципального образования, медицинского учреждения необходимо владеть достоверной информацией по данным показателям, чтобы на основе их анализа принимать адекватные управленческие решения.

Крайне важно, чтобы реформы в системе здравоохранения в Российской Федерации и Республике Башкортостан сочетались с проведением соответствующей межсекторальной политики, поскольку высокие показатели заболеваемости и смертности населения во многом связаны с действием целого ряда факторов, которые выходят за рамки компетенции здравоохранения в узком понимании [101, 102].

Принцип территориальной социальной справедливости.

Существуют территориально-структурные различия в распространенности заболеваний в разных группах населения в зависимости от характера их занятости, места проживания (городская или сельская местность), удаленности от социально-экономических центров. Экономическому территориальному неравенству людей, обуславливающему их неравенство в возможности поддержания своего здоровья, следует противопоставить принцип территориальной социальной справедливости, устраняющий или, по крайней мере, сокращающий это неравенство.

Принцип участия населения. Мировой опыт убедительно свидетельствует о значимости при реализации программ здравоохранения привлечения пациентов, населения в качестве активных партнеров, заинтересованных в собственном здоровье [98].

Решение задач по укреплению здоровья населения, существенному снижению уровня социально значимых заболеваний, созданию условий и формированию мотивации для ведения здорового образа жизни включает в себя: формирование у различных групп населения, особенно у подрастающего поколения, мотивации для ведения здорового образа жизни путем повышения информированности граждан о влиянии на здоровье негативных факторов и возможностях их предупреждения, привлечения к занятиям физической культурой, туризмом и спортом, организации отдыха и досуга независимо от места жительства, а также разработку механизмов поддержки общественных инициатив, направленных на укрепление здоровья населения.

В этом плане важно развертывание широкой общественной кампании по пропаганде здорового образа жизни, обучение навыкам самоконтроля и самолечения пациентов, страдающих распространенными хроническими заболеваниями. Необходимо разрабатывать и внедрять механизмы экономической мотивации здорового образа жизни населения и профилактики заболеваний. Низкий уровень благосостояния, общая санитарная культура и целый ряд других социально-экономических факторов приводят к тому, что население не только не заботится о сохранении и укреплении своего здоровья, но часто и не обращается за медицинской помощью даже в случае заболевания.

Проблемы здравоохранения Республики Башкортостан в связи с экономическими санкциями западных стран и возможности их преодоления. Необходимо разработать альтернативные варианты функционирования системы здравоохранения Республики Башкортостан в условиях жестких экономических санкций в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Например, введенные экономические санкции со стороны западных стран в отношении Ирана делятся уже 43-й год.

Есть «старые» проблемы в системе здравоохранения республики, а в связи с санкциями начинают формироваться «новые». Совокупность этих проблем в системе здравоохранения республики будет приобретать кумулятивный характер. Можно перечислить довольно острые проблемы, формирующиеся в системе здравоохранения республики в результате введенных экономических санкций.

1. Для эксплуатируемого иностранного медицинского оборудования в больницах и поликлиниках республики необходимы импортные комплектующие. Прекращение их поставок в связи с экономическими санкциями приведет к простоям медицинского оборудования. Это скажется на падении качества диагностики заболеваемости населения республики на начальных стадиях болезни, что повлияет на увеличение смертности населения.

2. Импортные дорогостоящие фармацевтические препараты начнут исчезать с внутреннего потребительского рынка республики в связи с санкциями. Даже если удастся сохранить какую-то часть объема прежних поставок оригинальных фармацевтических препаратов из развитых стран, то они резко подорожают в цене и доступность их упадет. Замена их на дженерики более низкого качества из Индии, Китая из-за формирования новых логистических схем поставок и роста инфляции в глобальном масштабе приведет к росту их цены в России.

3. При продолжении территориальной оптимизации объектов системы здравоохранения в республике может обостриться проблема сохранения численности занятых в сфере здравоохранения, что в свою очередь повлияет на рост (увеличение) детской смертности при закрытии родильных отделений, фельдшерско-акушерских пунктов и смертности населения в сельской местности из-за снижения территориальной доступности предоставляемых медицинских услуг.

4. Проблема финансирования содержания и эксплуатации автотранспортного парка медицинских центров здравоохранения в связи с подорожанием в 2–3 раза стоимости комплектующих автодеталей и изделий из-за экономических санкций.

Безусловно, следует готовиться к существенному падению реальных доходов работников как бюджетной, так и частной системы здравоохранения из-за высокой инфляции, обусловленной экономическими санкциями. Так, за январь-октябрь 2022 г. инфляция составила уже более 12%. Реальные доходы работников здравоохранения снижаются. По итогам 2022 г. экспертами прогнозируется падение реальных доходов населения от 20 до 30%. В связи с этим следует ожидать сокращения числа пациентов, лечащихся в частных клиниках здравоохранения.

Какие меры и действия следует предпринимать сегодня, чтобы не допустить обострения проблем в системе здравоохранения республики?

Необходимо определиться с приоритетами в трансформации системы здравоохранения Республики Башкортостан в условиях экономических санкций. Предлагаемая для обсуждения «дорожная карта» для системы здравоохранения республики:

1. Расширение списка необходимых лекарственных средств, обеспечиваемых населению за счет средств бюджета (федеральных дополнительных трансфертов, республиканских).

2. Поиск вариантов импортозамещения фармацевтических препаратов и медицинского оборудования российскими и республиканскими производителями.

3. Прекращение в условиях экономических санкций закрытия в республике медицинских учреждений и особенно в сельской местности.

4. Отмена в условиях экономических санкций реформаторской практики укрупнения в республике медицинских учреждений и сокращения штатов поликлинического звена в городах и сельских поликлинических отделениях.

2.6. Перспективы межрегионального и межмуниципального сотрудничества как фактора развития этнического предпринимательства

Одним из многообещающих секторов экономики для межмуниципального и межрегионального сотрудничества, партнерства и кооперации, беря во внимание кризисное состояние многих сельских территорий в нашей стране, в том числе в Башкортостане, является этническое предпринимательство.

Развитие различных направлений этнобизнеса будет способствовать комплексному социально-экономическому развитию проблемных сельских районов за счет диверсификации их экономики и открытия новых предприятий, рабочих мест, расширения направлений малого, среднего и крупного предпринимательства, активизации процессов кооперации, совершенствования инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности, туризма, формирования агро- и этнокластеров, продвижения местных этнических брендов на региональный, национальный и международный рынки через использование инструментария интернет-маркетинга и интернет-продаж, агро- и этномаркетинга, этнобрендинга, широкой ярмарочно-выставочной деятельности.

Учитывая то обстоятельство, что исторически село выполняло такие важные народнохозяйственные функции, как поставщик продовольствия, сырья и трудовых ресурсов, и что в сельской местности России проживает около 1/3 общей численности населения, устойчивое социально-экономическое развитие современного села остается одним из приоритетных направлений в работе как федеральных, так и региональных и местных органов власти.

Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий на 2020–2025 годы» [103], утвержденная 4 июня 2019 г. и пришедшая на смену предыдущим программам: «Социальное развитие села» [104], «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» [105], ставит главной целью повышение качества жизни селян, в частности, за счет роста доходов, активизации малого и среднего бизнеса, сельскохозяйственной кооперации, снижения безработицы, улучшения благоустройства сел и решения демографических проблем (роста рождаемости, снижения смертности, сдерживания оттока

населения и привлечения молодежи в сельскую местность). Как нам представляется, данный проект госпрограммы для более эффективного достижения поставленных задач нуждается в некоторой корректировке за счет более четкого обозначения «точек роста», конкретных механизмов и направлений по выводу села из кризиса на путь устойчивого социально-экономического развития. В частности, на наш взгляд, нуждается в детализации и перечень дополнительных мероприятий по диверсификации экономики села и поддержке широкого спектра несельскохозяйственных видов предпринимательской деятельности в сельской местности, прежде всего набирающего популярность этнического предпринимательства, этно- и агротуризма. Кроме того, следует более пристальное внимание уделить вопросам комплексного социально-экономического развития сельских территорий России на основе развития межмуниципального сотрудничества и межмуниципальной кооперации, так как ограниченными ресурсами одного района многие проблемы на селе решить невозможно.

При разработке и реализации межмуниципальных и межрегиональных проектов, организации совместных предприятий необходимо предварительно изучить зарубежный и отечественный опыт, так называемые лучшие региональные и муниципальные практики, в том числе и уже существующий опыт Республики Башкортостан.

Определенные инициативы в области межмуниципальной и межрегиональной кооперации в республике были заявлены еще в 2010–2020 гг., но многие заключенные договора по взаимовыгодному сотрудничеству по решению вопросов местного значения, обмену производственным практическим опытом (между Бакалинским и Абзелиловским, Бурзянским и Ермекеевским, Зианчуринским и Давлекановским, Зилаирским и Благоварским муниципальными районами), совместному развитию индустрии туризма на сопредельных территориях (между Бурзянским и Абзелиловским муниципальными районами, между Республикой Башкортостан и Челябинской областью) [106] и другие в области торгово-экономических связей, культуры и спорта, молодежной политики, образования, экономики, защиты окружающей среды и экологической безопасности, туризма и социальных вопросов или не были реализованы, или, если даже реализованы, то не в полной степени, как планировалось изначально. Надо отметить, что ряд

проектов по созданию межмуниципальных агро- и туристско-рекреационных кластеров (иногда несколько в видоизмененной форме) на данный момент все же частично реализованы. К таким проектам можно отнести следующие:

1. Сублимационная сушка кобыльего молока и мясопродуктов в Зауралье Республики Башкортостан, производство спортивного питания (г. Баймак).

2. Обеспечение жителей республики местной рыбной продукцией, в том числе на основе сотрудничества рыбоводческих хозяйств с розничными и оптовыми сетями. Формирование рыбоводного кластера в Нуримановском районе Республики Башкортостан на базе рыбоперерабатывающего завода ООО «Тихий берег» с организацией производства, переработки и реализации 1 тыс. т рыбы.

3. Организация овце- и козоводческого кластера в Зианчуринском районе Республики Башкортостан на базе МУСХП «Маяк», предусматривающего кооперацию личных подсобных и фермерских хозяйств Зианчуринского и Зилаирского районов, в том числе с использованием механизмов агрофранчайзинга [107].

4. Формирование туристско-рекреационных кластеров («Бурзянский» на территории Бурзянского, Кугарчинского и Кюургазинского районов; «Горные курорты Башкирии “Легенда Урала”» в Белорецком и Абзелиловском районах в соответствии с соглашениями о сотрудничестве между Правительством Республики Башкортостан, ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», администрациями районов) [108].

В рамках межмуниципального взаимодействия Учалинским районом республики заключены соглашения о сотрудничестве с Туймазинским районом Республики Башкортостан, Верхнеуральским районом Челябинской области, Баймакским районом Республики Башкортостан, г. Миассом Челябинской области и г. Шадринском Курганской области.

Абзелиловский район Республики Башкортостан заключил соглашения о сотрудничестве с двумя муниципальными образованиями Республики Башкортостан: Бакалинским районом (соглашение от 29 ноября 2009 г.) и Бурзянским районом (от 27 июня 2009 г.), а также г. Магнитогорском Челябинской области (от 28 февраля 2014 г.). В рамках заключенных договоров ряд крупных сельхозпредприятий района поставляют цельное молоко в ОАО «Магнитогорский молочный комбинат» в объеме около

3 тыс. т в год, практически все сельхозпредприятия района и крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ) осуществляют продажу зерна в г. Магнитогорск ООО «Ситно», примерный объем продаж – 15 тыс. т в год.

На территории курортной зоны Абзелиловского района Республики Башкортостан расположены более 50 баз отдыха; культурно-оздоровительных учреждений г. Магнитогорска: самые крупные ООО «Санаторий “Юбилейный”», ГЛЦ «Металлург-Магнитогорск». Личные подсобные хозяйства Абзелиловского района реализуют излишки продукции животноводства, картофель, овощи на рынках г. Магнитогорска. В сфере образования, культуры, молодежной политики, спорта проводятся совместные мероприятия, соревнования, выставки, организуются туристические походы по достопримечательностям, историческим местам Республики Башкортостан. На территории района реализуется ряд инвестиционных проектов, инвесторами которых являются предприниматели из г. Магнитогорска. В сфере туризма действует соглашение от 11 июня 2016 г. о создании туристско-рекреационного кластера «Горные курорты Башкирии» “Легенда Урала”». Целью развития кластера является рост эффективности и объемов производства продукции, услуг в туристической сфере и смежных отраслях, активизация привлечения прямых инвестиций, обеспечение социальной стабильности экономического развития Абзелиловского и Белорецкого районов Республики Башкортостан.

Зилаирским районом Республики Башкортостан заключены соглашения о взаимодействии и сотрудничестве с г. Магнитогорском Челябинской области, Хайбуллинским и Кармаскалинским районами Республики Башкортостан, Саракташским районом Оренбургской области, Целинным районом Курганской области. На территории района проводятся праздничные сельскохозяйственные ярмарки, где активное участие принимают предприниматели и фермеры из Саракташского района Оренбургской области.

Указанные соглашения о сотрудничестве направлены на развитие в области торгово-экономических связей, культуры и спорта, молодежной политики, образования, экономики, экологии, туризма и социальных вопросов. Основными приоритетами развития межмуниципального сотрудничества являются: продвижение на внешние рынки продукции товаропроизводителей районов, создание условий для представления качественной продукции внешних

товаропроизводителей на потребительских рынках районов; привлечение внешних инвестиций в экономику районов для эффективного использования их ресурсного потенциала; межмуниципальное взаимодействие в решении вопросов пространственного развития; активизация создания совместных предприятий для увеличения уровня занятости населения, создания дополнительных источников пополнения местных бюджетов.

В настоящее время необходимо актуализировать как вышеуказанные соглашения о межмуниципальном сотрудничестве и кооперации в различных сферах на основании разработанных «Стратегии социально-экономического развития Зауралья Республики Башкортостан до 2030 года и плана мероприятий по ее реализации» [109] и «Среднесрочной программы социально-экономического развития северо-восточных районов Республики Башкортостан на 2022–2024 годы» [110], так и заключить новые, с учетом современных реалий и изменений социально-экономической ситуации в мире, стране, регионе и конкретных муниципалитетах. Для депрессивных и дотационных сельских районов Зауралья и Северо-Востока Республики Башкортостан межмуниципальное сотрудничество должно основываться, прежде всего, на диверсификации и развитии экономики села. Необходимо обратить более пристальное внимание, наряду с традиционными отраслями растениеводства, животноводства, лесоводства, перерабатывающей промышленности и несельскохозяйственным видам деятельности, в том числе в области этнического предпринимательства (народные промыслы и ремесла, рекреация, этно- и гастротуризм), малому и среднему бизнесу, производственной и потребительской кооперации в сельской местности для решения в первую очередь проблем высокой безработицы и массового оттока трудоспособного населения в города и другие регионы.

На юго-востоке (Абзелиловский, Баймакский, Хайбуллинский, Бурзянский, Зилаирский, Зианчуринский, Учалинский, Белорецкий районы), северо-востоке Республики Башкортостан (Белокатайский, Дуванский, Караидельский, Кигинский, Мечетлинский, Нуримановский, Салаватский районы) и соседних районах Челябинской и Оренбургской областей (бывшая территория Башкортостана до 1917–1930-х гг.) – в местах компактного проживания коренного башкирского населения – сохраняются традиции и обычаи башкир, в том числе в сфере производства

этнической продукции и услуг. Поэтому наиболее перспективными здесь являются разработка и реализация межмуниципальных и межрегиональных этноэкономических проектов, основанных на принципах кооперации и взаимовыгодного сотрудничества в следующих областях:

1) этнокультурный (этнографический, этнический), агро (сельский), событийный и другие виды туризма с национальным колоритом;

2) производство экологически чистой (эко-, органической) сертифицированной продукции, в том числе башкирских национальных продуктов (корот, эремсек, казылык, билдэме, ширлан и др.) по традиционным национальным технологиям и по стандартам «Халяль»;

3) молочное и мясное скотоводство, переработка мяса и молока;

4) коневодство и кумысоделие (бренды «Башкирская лошадь», «Учалинский тип башкирской породы лошадей», «Учалинский кумыс», «Абзелиловский кумыс», «Баймакский кумыс»);

5) разведение рыбы и рыболовство;

6) разведение домашней птицы, гусей, овец и коз;

7) лесозаготовка и лесопереработка, производство угля, дегтярный промысел;

8) народные промыслы и ремесла (войлоковаляние, пуховязание (бренд «Зианчуринские шали»), лозоплетение, изготовление изделий из дерева и бересты, кожи, камнерезный промысел, художественная обработка камня, ювелирное производство (бренды «Сибайская яшма», «Учалинская яшма»), традиционные подарочные швейные изделия, валенки, вязание и пуховязание, ткачество, обработка мрамора, лоскутное творчество, пошив национальной одежды, одежды в стиле «Этно», производство этносувениров (Центр народных промыслов «Баймак» и др.);

9) сбор, заготовка и переработка даров природы (грибов, ягод, лекарственных растений и др.);

10) бортевое, колодное и пасечное пчеловодство (бренды «Бурзянский мед», «Бурзяночка», «Бурзянская пчела»).

Личные подсобные, крестьянские (фермерские) хозяйства и другие производители данных видов продукции и услуг с ярко выраженной этнической составляющей могут объединяться в муниципальные, межмуниципальные и межрегиональные кооперативы первого, второго и третьего уровней, образуя

этнокластеры производителей этнопродукции и этноуслуг, многоотраслевую и многоуровневую этнокооперативную систему Республики Башкортостан (рис. 14).

Рис. 14. Схема формирования и развития этнокооперативной системы Республики Башкортостан

В Республике Башкортостан уже сложились достаточно неплохие условия, в том числе благодаря проводимой эффективной аграрной политике, для развития агрокластеров по производству и переработке мясной, молочной продукции, зерна, кумыса, меда (рис. 15).

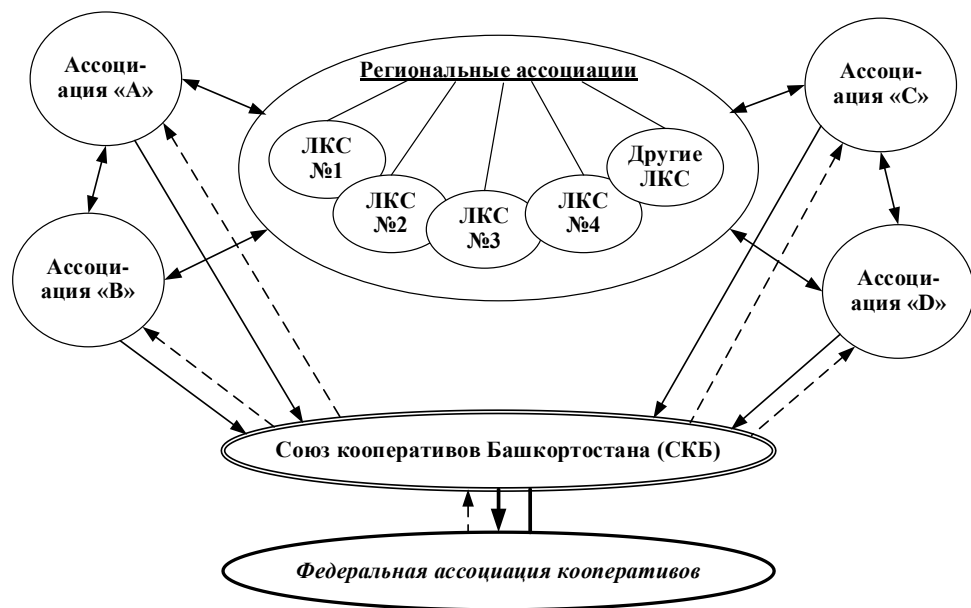
Основными приоритетами развития межмуниципального и межрегионального сотрудничества и кооперации в Республике Башкортостан должны стать:

- продвижение на внешние рынки продукции и услуг товаропроизводителей сельских районов, в том числе, занимающихся специфическим этническим бизнесом;

- привлечение, кроме федерального и регионального финансирования, внешних инвестиций, в том числе зарубежных, в экономику сельских районов Республики Башкортостан для комплексного и эффективного использования их ресурсного потенциала, диверсификации их экономики;

– актуализация ранее подписанных и заключение новых соглашений, договоров о сотрудничестве между администрациями муниципальных районов Республики Башкортостан и соседних регионов;

– активизация создания совместных предприятий, производственных и потребительских кооперативов для увеличения уровня занятости населения, создания дополнительных источников пополнения местных бюджетов.

Рис. 15. Концептуальная схема кооперативной системы Республики Башкортостан [111]

Эффективная межтерриториальная кооперация и интеграция сопряженных производств и видов деятельности, взаимное проникновение экономик, укрепление экономического потенциала предприятий и территорий, в том числе за счет организации совместных производственных и потребительских кооперативов не только первого, но и второго и третьего уровней, разрешат проблему реализации и продвижения продукции как непосредственных сельхозтоваропроизводителей, так и перерабатывающих предприятий.

Использование инструментария этномаркетинга и этнобрендинга, патентование технологий производства уникальной национальной продукции, широкое ее рекламирование на разных интернет-площадках поможет в конкурентной борьбе с крупными зарубежными и отечественными компаниями и агрохолдингами.

В настоящее время в Республике Башкортостан уже делаются определенные шаги по кластеризации экономики села, развитию агропромышленной кооперации и интеграции, в том числе на межмуниципальном и межрегиональном уровнях. Существуют уже реальные примеры выделения значительных финансовых ресурсов на государственную поддержку развития кооперации в регионе.

Отдельное внимание должно быть уделено развитию отраслей этноэкономики и этнопредпринимательства. Этническое предпринимательство должно стать реальным и значимым элементом хозяйственной структуры экономики современного села, повышающим конкурентоспособность и инвестиционную, туристско-рекреационную привлекательность сельских территорий.

2.7. Этнотуризм как одно из перспективных направлений межмуниципального и межрегионального сотрудничества

В последние годы все большую популярность как в мире, так и в России набирает этнокультурный туризм. Он может стать одним из перспективных направлений этнического предпринимательства, межмуниципального и межрегионального сотрудничества, в том числе в Республике Башкортостан.

Одной из зарекомендовавших себя с лучшей стороны форм организации этнокультурного туризма в сельской местности, учитывая передовой зарубежный и отечественный опыт, может стать создание этнодеревень и этнопарков. Организация аутентичных этнодеревень, многонациональных этнопарков рассматривается как фактор сохранения историко-культурного материального и нематериального наследия, традиций и обычаев народов России, диверсификации экономики села, повышения занятости и доходов селян за счет развития этнокультурного туризма, активизации предпринимательской деятельности и открытия новых предприятий, повышения спроса на этнопродукцию, возрождения на рыночной основе исчезающих народных промыслов и ремесел.

В нашей стране в последние годы началась планомерная, систематизированная работа по развитию туризма. Так, в рамках Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [112] и других программ ежегодно проводятся различные туристские форумы, выставки, научно-практические конференции, обучающие семинары и другие мероприятия всероссийского и международного уровней (Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Белокураха, Вологда, Казань, Кострома, Сочи, Уфа, Якутск), где идет бурное обсуждение проблем в области развития туризма и готовятся резолюции для федеральных и региональных министерств и ведомств по совершенствованию институциональной, прежде всего, законодательной поддержки различных отраслей туристской индустрии. Агротуризм уже получает грантовую поддержку не только в рамках федеральных, но и региональных [113], муниципальных программ некоторых субъектов Российской Федерации, в том числе Республики Башкортостан. Однако, кроме агротуризма, с точки зрения специалистов-практиков и ученых [114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126] одним из перспективных направлений экономики села должен стать этнокультурный туризм, который тесно переплетается с другими видами туризма, но пока еще недостаточно оценен, слабо развит и поэтому остро нуждается в дополнительных мерах законодательной, грантовой и субсидиарной федеральной и региональной поддержки.

Согласно определению А.Г. Бутузова, «этнокультурный туризм (англ. *ethnocultural tourism*) – это одно из направлений современного туризма, включающее в себя этнический, этнографический, эколого-этнографический, антропологический (туризм образа жизни), этнопознавательный и ностальгический туризм» [116, с. 3]. Мы бы выделили в дополнение к вышеуказанным еще следующие перспективные для Республики Башкортостан виды этнокультурного туризма: индигенный (аборигенный), джайлоо-туризм, этнотехнологичный (знакомство с народными промыслами и ремеслами, производством домашней утвари и этносувениров-этнобрендов), этногастрономический (производство этнопродукции (кумыс, буза, курут, талкан, казылык и др.) по традиционным башкирским технологиям).

Проблематика развития этнокультурного туризма остается еще недостаточно разработанной как с научной, так и с организационно-

экономической точек зрения, в том числе применительно к условиям конкретных субъектов Российской Федерации, включая Республику Башкортостан [115].

Преподавателями и студентами Башкирского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации еще в 2019 г. при консультационной поддержке научных сотрудников Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН для международного конкурса бизнес- и социальных проектов «ENACTUS» был разработан с соответствующими финансово-экономическими расчетами достаточно перспективный с нашей точки зрения проект в области этно- и джайлоо-туризма «Зауралтур» применительно к юго-восточным районам Республики Башкортостан. Он сейчас может быть актуализирован и предложен в качестве перспективного инвестиционного проекта для практической реализации региональным, муниципальным органам власти и активным предпринимателям. Проект направлен на развитие этнического туризма в Башкирском Зауралье, повышение занятости и доходов сельского населения за счет мультипликативного эффекта этнотуризма, ознакомление молодежи с основами предоставления этнотуристских услуг, планомерное развитие этнотуризма во всех сельских районах Башкортостана на условиях франчайзинга для расширения сфер занятости сельского населения и устойчивого развития сельских территорий.

Задачи проекта: экономическое и экологическое просвещение сельских жителей в области предоставления этнотуристских услуг; сохранение и возрождение на новой рыночной основе народных промыслов и ремесел, технологий производства уникальной этнопродукции народов Башкортостана; знакомство населения с достопримечательностями и традициями народов Башкортостана; повышение инвестиционной привлекательности депрессивных сельских территорий; поднятие престижа сельской местности не только в плане развития туризма, но и как места для постоянного проживания; рост количества новых рабочих мест, доходов сельского населения и качества жизни на селе.

Нами был проанализирован зарубежный и отечественный опыт, рынок этнотуристических услуг Российской Федерации и Республики Башкортостан, разработаны типовой бизнес-план, логотип будущей этнотуристской фирмы в Баймакском районе Республики

Башкортостан; маршруты доставки этнотуристов до деревень и турбаз; пешие, конно-верховые, водные туристские маршруты; проведены предварительные договоренности с личными подсобными хозяйствами, желающими реализовывать натуральную, экологически чистую сельскохозяйственную продукцию туристам и предоставлять услуги в области агро (сельского), джайлоо, детского, промыслового, экскурсионного, этнографического и этнического туризма. В качестве ожидаемых результатов реализации проекта следует выделить:

- увеличение притока туристов и инвестиций в сельскую местность;
- сокращение миграции сельских жителей в города;
- создание малых предприятий, дополнительных рабочих мест на селе, снижение безработицы, рост доходов и повышение жизненного уровня сельских жителей;
- достижение финансово-бюджетной самодостаточности дотационных юго-восточных сельских районов Республики Башкортостан;
- улучшение благоустройства усадеб и сел, развитие инженерной и социальной инфраструктуры;
- увеличение реализации продукции личных подсобных и крестьянских фермерских хозяйств;
- сохранение и возрождение народных промыслов и ремесел, традиций и навыков производства уникальных этнопродуктов и развитие гастрономических туров в Башкирское Зауралье;
- строительство к 2025 г. этнодеревень и этнопарков в ряде муниципалитетов, в том числе этнопарка «Башкортостан» в пригороде Уфы, для знакомства туристов с историко-культурным наследием, фольклором, народными промыслами и ремеслами, традициями и обычаями народов, населяющих Башкортостан, в том числе коренного башкирского населения;
- рост деловой инициативы и предприимчивости сельского населения за счет использования собственных финансовых, имущественных, трудовых, интеллектуальных ресурсов.

Развитие сельского этнокультурного туризма хорошо вписывается в современную общемировую тенденцию популяризации и поддержки несельскохозяйственных видов деятельности в сельской местности, которые рассматриваются как новые «точки роста» экономики села. Кроме того, в условиях пандемии коронавируса и введения определенных ограничений на перемещения граждан

между некоторыми странами наблюдается значительное увеличение спроса на внутренний туризм в субъектах Российской Федерации.

Учитывая передовой зарубежный и отечественный опыт, одной из наиболее перспективных форм развития этнокультурного туризма в Республике Башкортостан может стать организация этнодеревень [127] и этнопарков [117], которые являются объектами этнокультурного, в частности этнографического, туризма и новых сегментов рынка туристской индустрии.

В настоящее время, по мнению экспертов, насчитываются более 90, а проектируются свыше 40 этнических деревень и этнопарков в различных российских регионах [121].

Причины их создания связаны не только с развитием туризма, так как они выполняют не только экономические и социальные функции. Среди них особо следует выделить функцию охраны объектов материального и нематериального этнографического наследия, исторической памяти, которая является основой широкомасштабной просветительской, воспитательной и образовательной деятельности в сельской местности.

Глава 3. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВЫХ СИСТЕМАХ

3.1. Трансграничное взаимодействие между регионами: факторы, типы и механизмы

Когда речь идет о приграничном сотрудничестве, чаще всего говорится о соответствующем взаимодействии регионов и их муниципальных образований с аналогичными субъектами иностранных государств, с которыми они имеют общую границу [128]. При этом в рамках своих полномочий регионы и МО осуществляют, исходя из своей заинтересованности, такие виды деятельности, как заключение и реализация договоров, а также проектов, которые попадают под определение международных отношений. Вопросы трансграничного сотрудничества как части соответствующих международных отношений представлены в работах П.Я. Бакланова [129], П.А. Минакира [130], В.Н. Лаженцева [131], Е.Г. Анимиды [132], И.И. Арсентьева [133], А.П. Кашировского [134].

Важнейшей особенностью этих исследований является рассмотрение наличия участка государственной границы как признака приграничного статуса регионов и муниципальных районов. В отличие от них нами в данной работе рассматриваются муниципальные районы, у которых административные границы совпадают с межрегиональными.

Особенностью социально-экономического развития Республики Башкортостан является ее территориальная гетерогенность. Даже при близком территориальном расположении городов и районов между ними могут существовать большие различия. Например, г. Уфа и Уфимский район по уровню социально-экономического развития находятся в первой пятерке муниципальных образований, а приграничный с ними Кушнаренковский район – в последней тройке [135]. Аналогично приграничное и удаленное расположение имеют экономически развитые города Нефтекамск, Октябрьский и Туймазинский район. Приграничное расположение имеют отсталые в своем развитии Кигинский, Белокатайский, Ермакеевский, Аскинский, Шаранский и некоторые другие районы. Все это означает,

что территориальное размещение муниципальных образований на экономическом развитии сказывается незначительно.

В то же время на развитие муниципальных образований влияет качество управления в регионах. Это заметно при анализе показателей социально-экономического развития городов и районов [36].

Следует отметить большой разброс в социально-экономических показателях развития в 31-ом приграничном муниципальном образовании Республики Башкортостан, в том числе в 2-х городских округах (города Октябрьский и Агидель). Меньший разброс наблюдается при анализе межрегиональных различий. Республика Башкортостан граничит с Татарстаном, Удмуртией, Свердловской, Челябинской и Оренбургской областями и Пермским краем. Среди них наиболее крупными по площади являются Свердловская область, Пермский край и Республика Башкортостан, по населению – Свердловская область и республики Башкортостан и Татарстан. По ВРП лидируют Республика Татарстан, Свердловская и Челябинская области. Это можно видеть по данным таблицы 26 [74].

Таблица 26

Уровень социально-экономического развития регионов-соседей Республики Башкортостан

Регионы	Площадь, тыс. м ²	Численность постоянного населения на 01.01.2021 г.	ВРП, млрд руб.	ВРП на душу населения, тыс с. руб.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, руб.	Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.
1	2	3	4	5	6	7
Республика Башкортостан	142,9	4 001,7	1 711,7	425,1	42 848	104,6
Республика Татарстан	67,8	3 886,4	2 633,9	675,6	45 800	175,6
Оренбургская область	123,7	1 924,6	1 050,9	539,0	38 357	102,4
Челябинская область	88,6	3 418,6	1 615,1	467,5	43 781	92,6

1	2	3	4	5	6	7
Свердловская область	194,3	4 264,3	2 529,8	588,3	48 590	95,6
Пермский край	160,2	2 556,9	1 403,2	541,9	46 267	119,9
Республика Удмуртия	42,1	1 484,5	675,0	451,5	39 791	78,7

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Территориальный переток ресурсов обычно осуществляется от более развитых регионов к менее развитым. Взаимодействие происходит аналогично эффекту отношений по нивелированию существующих различий. Такое возможно, если в регионах отсутствуют существенные различия по инновациям. Мы считаем, что различия между регионами страны по доступу к инновациям могут быть признаны несущественными, так как внутри страны отсутствуют межрегиональные барьеры в этом направлении. Конечно, регионы различаются между собой по степени обеспеченности квалифицированными кадрами, развитости инновационной инфраструктуры, что не может не отразиться на их конкурентоспособности в смысле привлечения инвестиций и высококвалифицированных кадров [136].

Регионы с более высоким уровнем среднемесячной заработной платы привлекают кадры, а с более низким уровнем – служат донорами.

Что касается инвестиций, то потенциально среди доноров преобладают регионы с более высоким уровнем ВРП на душу населения. На интенсивность инвестиций влияют также их оптимальные масштабы. Если для их обеспечения требуются большие суммы, а вводимые мощности нацелены на более масштабный рынок, то реализация соответствующих проектов обычно имеет определенные трудности.

Типы трансграничного взаимодействия определяются их функциями или их целью. При этом могут быть поставлены следующие цели:

- повышение темпов социально-экономического развития;
- развитие отраслей специализации;
- создание современной инфраструктуры;
- обеспечение экологических стандартов на территории.

На рисунке 16 показаны типы трансграничного взаимодействия.

Рис. 16. Выбор типов трансграничного взаимодействия между регионами

Перечисленное может быть достигнуто в рамках программ социально-экономического развития страны, видов деятельности регионов, субрегионов и МО. Соответственно, могут реализовываться и аналогичные проекты. На территории МО могут быть осуществлены проекты федерального, регионального, субрегионального и местного значения.

При этом, может быть, многообразное участие органов управления различных звеньев и с любыми функциями – от содействия до реализации проектов в целом.

Следует отметить, что сами приграничные МО достаточно сильно различаются по уровню развития по связям и интересам

к сотрудничеству с соседями. Например, с Башкортостаном со стороны Татарстана граничат пять муниципальных районов. Наряду с достаточно развитыми Бавлинским и Азнакаевским районами, соседями Башкортостана являются Ютазинский, Муслюмовский, Актанышский районы с их достаточно скромными показателями промышленного развития. Со стороны Башкортостана приграничными МО являются индустриально развитые МО: г. Октябрьский, Туймазинский район и аграрные: Бакалинский, Шаранский, Илишевский, Бижбулякский и Краснокамский районы. Рассмотрим различия между ними по показателям социально-экономического развития, представленным в таблице 27 по данным [137, 138] (в таблице объемы отгруженных товаров и услуг по всем видам деятельности приведены без субъектов малого предпринимательства).

Таблица 27

Показатели социально-экономического развития за 2021 г.

Районы	Площадь районов, км ²	Численность населения, чел.	Объем отгруженных товаров и услуг по всем видам деятельности, млн руб.	Объем инвестиций в основной капитал за счет средств муниципального бюджета, тыс. руб.	Площадь пашни, га	Объем сельскохозяйственного производства, млн руб.
Республика Башкортостан						
Бакалинский	1 951	25 726	544	11 571	70 152	2 385
Бижбулякский	2 134	21 458	602	19 838	70 624	2 425
Ермекеевский	1 438	15 695	1 233	9 050	55 121	1 984
Туймазинский	2 341	130 977	19 281	64 073	60 667	7 111
Шаранский	1 384	19 364	520	6 605	42 704	2 093
г. Октябрьский	99	114 100	32 604	63 293	460	365
Илишевский	1 973	30 555	1 147	355 837	34 197	5 315
Краснокамский	1 594	25 523	3 892	151 501	92 811	2 013
г. Агидель	53	13 935	1127	9 350	–	–
Республика Татарстан						
Азнакаевский	2 169	60 129	22 303	25 437	101 590	6 276
Актанышский	2 034	29 384	6 340	11 592	93 978	9 604
Бавлинский	1 223	34 479	12 942	9 175	50 842	3 331
Мензелинский	1 920	27 686	5 397	5 869	75 217	5 173
Муслюмовский	1 464	19 326	1 364	64 959	72 754	4 823
Ютазинский	761	20 248	3 990	2 935	36 888	2 424

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Экономическое развитие региона, начиная с военных лет, определяется добычей нефти. Разрабатываются Туймазинское, Бавлинское, Ромашкинское месторождения нефти. Начало добычи нефти обусловило возникновение городов, обслуживающих данное производство. Город Туймазы возник как железнодорожная станция, город Октябрьский строился для нефтяников по принципу соцгорода, так назывался первоначально и сам город [139].

Можно отметить, что башкирская часть региона в настоящее время является более индустриально развитой и более населенной, а часть Татарстана – более аграрная, но развивающаяся более динамично. Поэтому 7–8 тыс. чел. из числа жителей районов башкирского пограничья вахтовым методом работают в Татарстане. Что касается ежедневных поездок на работу (маятниковая миграция), то она также достигает значительных величин. Причем имеют место поездки в обе стороны от границы.

Экономический центр региона – г. Октябрьский – является одним из двух центров трансграничной Альметьевско-Октябрьской агломерации [140]. В этой агломерации близко расположены города Октябрьский и Туймазы, Бавлы, поселки городского типа Урусу, Ютазы, которые образуют экономическое сердце региона.

Значение решения проблем трансграничного сотрудничества связано с численностью населения, наличием площадей и других ресурсов соответствующих муниципальных образований. Такое сотрудничество, определяемое ожидаемой результативностью проектов, может быть успешным при поддержке властных структур.

При социализме экономическое взаимодействие в приграничных городах и сельских районах в основном регулировалось из союзного центра. В настоящее время определяющее значение в этом имеют горизонтальные договорные отношения, что основано на взаимной выгоде и требует активного участия органов власти регионов, муниципальных образований и бизнес-структур.

Решение проблем трансграничного сотрудничества имеет большое значение для муниципальных образований, что связано с численностью их населения, наличием площадей и других ресурсов. Такое сотрудничество может быть успешным при большей поддержке всех участников предлагаемых проектов и определяется ожидаемой их результативностью.

Если Башкортостан является донором для Татарстана в части обеспечения трудовыми ресурсами, то следует ожидать большего участия последнего в реализации социальных проектов на территории Башкортостана. Этим может быть обеспечен баланс интересов регионов.

Требуется участие башкирской стороны в реализации на территории соседней республики такого крупного инфраструктурного проекта, как создание международного аэропорта в г. Бугульме. Республика Татарстан могла бы участвовать в реализации и других социальных программ, в частности, программ развития туризма, что само по себе предполагает наличие развитого авиасообщения.

3.2. Обеспечение территориальной гомогенности в социально-экономическом развитии регионов

Нынешний этап развития большей части регионов характеризуется ростом внутренних социально-экономических различий. Определение существующих различий между муниципальными образованиями внутри региона может быть осуществлено в статике или в динамике. В статике – в виде абсолютных различий между ними в показателях социально-экономического развития, в динамике – в индексах поляризации и нивелирования этих показателей.

Можно определить их также в рамках пороговых значений. В случае, когда эти показатели оказываются за пределами пороговых значений, можно предполагать, что возникающая при этом деформация социально-экономического пространства означает потери в использовании существующего их потенциала, а также отсутствие должной эффективности функционирования действующего механизма управления. Отсюда и вытекает актуальность исследования проблемы обеспечения гомогенности в социально-экономическом развитии регионов на базе нивелирования соответствующих показателей.

Как известно, в Российской Федерации примерно 10% от общего числа регионов формируют более половины суммарного ВРП страны [141]. В этих условиях большинство регионов страны, в том числе и Республика Башкортостан, не имеют возможностей и собственных ресурсов для реализации в полной мере экономических и социальных

программ. Рассмотрим разрывы по МО Республики Башкортостан в разрезе городских округов и муниципальных районов (табл. 28).

Таблица 28

Разрыв по значениям отдельных показателей социально-экономического развития МО в Республике Башкортостан в расчете на душу населения, раз

Территориальные образования	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
1. Доходы населения				
Муниципальные районы	2,1	2,0	2,0	1,9
Городские округа	1,7	1,5	1,5	1,5
2. Инвестиции в основной капитал предприятий				
Муниципальные районы	64,5	164,7	44,5	29,8
Городские округа	32,8	32,9	12,1	7,6
3. Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами по ВЭД «Промышленное производство»				
Муниципальные районы	2 698,4	2 601,7	723,0	687,1
Городские округа	73,2	88,7	91,4	101,1
4. Количество хозяйствующих субъектов				
Муниципальные районы	2,6	2,9	3,1	3,2
Городские округа	3,5	3,9	3,8	3,5
5. Ввод в действие жилых домов				
Муниципальные районы	15,6	59,2	28,6	24,0
Городские округа	8,1	20,5	20,5	21,3

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Как видно из таблицы 28, разрыв в рассматриваемых показателях между 46 муниципальными районами Республики Башкортостан в целом больше, чем между 8 существующими городскими округами. Другая преобладающая тенденция – снижение диапазона существующих разрывов.

Следует также отметить, что существующие разрывы могут формироваться за счет показателей отдельных муниципальных образований, определяемых некими «аномальными» факторами, например, существованием моногородов, которые возникли в условиях социализма как поселения при предприятии, для которых характерны показатели, резко отличающиеся от обычных городов.

Для характеристики гетерогенности в социально-экономическом развитии муниципальных образований нами в свое время была предложена система показателей оценки поляризации и нивелирования в их развитии [36].

Таблица 29

Поляризация и нивелирование значений показателей социально-экономического развития МО в Республике Башкортостан за 2011–2020 гг.

Показатели	Коэффициент поляризации	Коэффициент нивелирования
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами на одного жителя	1,72	–
Среднемесячная заработная плата работников	0,98	1,02
Среднегодовая стоимость основных фондов на одного занятого	1,21	–
Инвестиции в основной капитал на душу населения	1,86	–
Доля инновационных товаров	0,23	4,18
Продукция промышленности в расчете на одного занятого в отрасли	0,64	1,49
Продукция сельского хозяйства	1,03	–
Оборот розничной торговли на душу населения	0,78	1,27
Доходы местных бюджетов на душу населения	0,98	1,02

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Как видно из таблицы 29, в последнее десятилетие различие между муниципальными образованиями с показателями выше и ниже среднего уровня роста по отгрузке товаров собственными силами увеличилось в 1,72 раза. Рост различий (поляризация) произошел по показателям инвестиций в основной капитал на душу населения (1,86), среднегодовой стоимости основных фондов на одного занятого (1,21) и продукции сельского хозяйства (1,03).

Снижение различий (нивелирование) наоборот, наблюдалось по показателям среднемесячной заработной платы работников (1,02), доле инновационных товаров и услуг (4,18), производства продукции в расчете на одного занятого в отрасли (1,49), оборота розничной торговли на душу населения (1,27), доходов местных бюджетов на душу населения (1,02).

Наши расчеты показывают, что нивелирование поляризации в настоящее время происходит за счет повышения доли

инновационных товаров и услуг в общем объеме производства и в меньшей мере – за счет процесса реиндустриализации. Интересно, что простое наращивание инвестиций в плане нивелирования поляризации социально-экономических параметров мало что дает. Только при переходе на интенсивный путь развития сокращаются удельные значения использования природных ресурсов, человеческого труда и происходит повышение экологичности производства, а также сокращение расходования всех затрат на единицу конечных результатов. При этом растет качество последних.

Можно поспорить, что является первичным – технологический прорыв или социально-экономическая модернизация [142]? Мы считаем, эти процессы должны идти синхронно, органически дополняя друг друга. Следовательно, все программы социально-экономического развития, направленные на нивелирование гетерогенности территорий, должны соответствовать требованиям перехода на инновационный путь развития. Для этого необходимо повысить компетентность кадров, и прежде всего управленцев, во всех звеньях. Необходима также инновационная инфраструктура – научные учреждения, финансовые и иные институты.

Отсутствие факторов обеспечения инновационности в лучшем случае приводит к эволюционному варианту технико-технологического развития, когда развитие в основном происходит за счет заимствования чужих результатов [143]. При этом сокращается численность научных работников, происходит снижение затрат на финансирование соответствующих структур, что и произошло в Республике Башкортостан в последние 20 лет. В настоящее время в республике отсутствуют федеральные университеты, не растет количество патентов, это касается и числа впервые внедренных технологий. Безусловно, все это не может не отразиться самым негативным образом на экономическом будущем республики, включая решение существующих территориальных проблем.

Что касается перераспределения финансовых ресурсов, оно связано не только с субсидиями из вышестоящих местных бюджетов, но и с выплатами пенсий и стипендий [144]. В муниципальных образованиях с большей долей лиц пенсионного возраста и детей происходит приток финансовых средств через соответствующие каналы. Это влияет на показатели оборота розничной торговли и на уровень оплаты труда в них. Так, в семьях со значительным объемом поступлений от пенсионной системы работоспособные их члены, как

правило, не заинтересованы трудиться на низкооплачиваемых работах. Это отражается и в динамике заработной платы в виде более высоких темпов ее роста, что требуется для привлечения квалифицированной рабочей силы.

На наш взгляд, в каждой территориальной системе необходим дифференцированный подход к управлению ее элементами. В тех ее элементах, например, в МО региона с более высокими темпами роста, является актуальным их сохранение и, более того, ускорение. На противоположном полюсе также решается задача по ускорению социально-экономического развития, но с темпами, превышающими среднесложившиеся показатели по регионам.

Преодоление отставания в развитии предполагает участие соответствующих МО в региональных проектах, которые должны дополнить существующие федеральные программы. Поскольку затраты на реализацию экономических проектов на разных территориях являются альтернативными, то финансирование региональных проектов не должно негативно отражаться в общих показателях развития территорий разного уровня.

Нивелирование уровня развития на отстающих территориях может быть осуществлено только на инновационной основе. Только в этом случае дополнительные инвестиции на их развитие могут улучшить общие показатели развития региона.

Эффективными программами и проектами, реализуемыми на территории региона, являются те из них, которые обеспечивают наибольшее приращение ВРП или бюджетных поступлений, или занятости, в зависимости от выбранных приоритетов.

3.3. Взаимодействие центра и периферийных территорий в регионе

Анализ отношений «центр – периферия» региона является актуальным. Исследование центральных и периферийных территорий в экономическом пространстве регионов ставит вопрос об уточнении их сущностно-специфической природы, что обусловливается, с одной стороны, необходимостью расширения и уточнения существующих взглядов, позиций и подходов к исследованию элементов экономического пространства, являющихся вторичными по отношению к центру, а, с другой, – внесения ясности в терминологический и понятийно-модельный аппарат исследования

экономического пространства, рассматриваемого ведущими научными коллективами как комбинации «территории как физического базиса для размещения производительных сил и созданной социально-экономической среды, в которой происходит общественно значимое взаимодействие хозяйствующих субъектов» [145]. Слово «периферия» произошло от греческого *peripheria*, что означает «окружность, окраина округлой плоскости» [146].

В различных течениях экономической мысли определение «периферийные территории» трактовалось по-разному (табл. 30).

Таблица 30

**Систематизация дефиниций категории
«периферийные территории» [141]**

Подходы	Авторы	Определение
Марксизм и неомарксизм	П. Баран, А.Г. Франк, С. Амин и др.	Характерно преобладание «аграрного и торгового капитализма в национальной экономике; создание местной буржуазии в результате доминирования иностранного капитала; тенденция к особой бюрократической форме развития», искаженная экономическая структура [141].
Модернизм	П. Розенштейн-Родан, Х. Лейбенштейн, Х. Зингер, Р. Нурк	Характеризуется как традиционная, экономически неразвитая, демократически неустойчивая, управляемая институтами, которые сопротивляются развитию, и т.д. Однако со временем может стать центром.
Структурализм	Г. Мюрдаль, С. Фуртадо, Р. Пребиш, А. Хиршман и др.	Является источником сырьевых ресурсов и основным потребителем продукции центра, также имеет свою специфику. Имеет признаки развивающихся стран [141].
Институционализм	Т. Веблен, Дж. Р. Коммонс, У. Митчелл	Акцент на институтах и их роли в процессе развития, так как «развитие институтов есть развитие общества» [141].

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Периферийные территории также рассматривались учеными и на региональном уровне в теориях регионального развития (табл. 31).

Систематизация дефиниций категории «периферийные территории» на региональном уровне [147]

Авторы	Определение
И.Г. фон Тюнен	«Изолированное государство с единственным центральным городом – потребителем сельскохозяйственной продукции. Его интересует, какие формы примет сельское хозяйство и как оно разместится относительно города-центра». Все, что находится за пределами центрального города, рассматривается как периферия.
В. Кристаллер	«Под центральным местом понимается крупный город, центр для всех других населенных пунктов данного района, обеспечивающих их главными товарами и услугами. У любого центра всегда находится зависимое от него одинаковое количество поселений, занимающих более низкую иерархическую ступень».
Д. Норт, Ч. Тайбут	Развитие осуществляется за счет устойчивого внешнего спроса на товары и услуги, произведенные на территории. Внешний спрос стимулирует развитие экономики региона, представленной сочетанием базового, или экспортного, и небазового, или неэкспортного, секторов экономики. «Главной характеристикой периферии является ее неуспешность в экспорте, что означает низкий внешний спрос на экспортируемые ею товары. Периферия имеет недостаточные инфраструктурные мощности, недостаточно развитую транспортную инфраструктуру» [147].
Ф. Перру	Те центры и ареалы экономического пространства, где размещаются предприятия лидирующих отраслей, становятся полюсами притяжения факторов производства, поскольку обеспечивают наиболее эффективное их использование» [147].
Дж. Фридман, Т. Хаггерстандт	Периферия представляет собой «совокупность отдаленных и слабо развитых территорий с замедленной модернизацией» [147].

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Как уже отмечалось, гетерогенность или неравномерность социально-экономического развития регионов – одно из доминирующих направлений в исследованиях региональной

политики. Наличие устойчивых контрастов между регионами как раз обуславливает возникновение системы «центр – периферия» [147].

Центры региональной системы характеризуются относительно высокими значениями показателей доходов, ВРП, различных видов инвестиций, уровней технологий производства товаров, разнообразия товаров и объема оказываемых услуг и других социально-экономических признаков [148]. Ядра являются точками роста для остальной территории региона.

Под понятием «центр (ядро)» понимается место, где генерируются основные движущие силы социального, экономического и политического развития [147]. Мы согласны с данным мнением.

Периферия отличается низкими значениями показателей, указанных выше, но более высокими показателями стагнации. Мы считаем, что периферийные территории – это территории, которые чаще всего удалены от центра на большом расстоянии и не имеют связи с внешним миром (федеральных, республиканских трасс, железнодорожных путей). Возникшие диспропорции являются результатом комплексного воздействия группы факторов внешнего и внутреннего порядка. Периферийные территории являются источником поставок ресурсов.

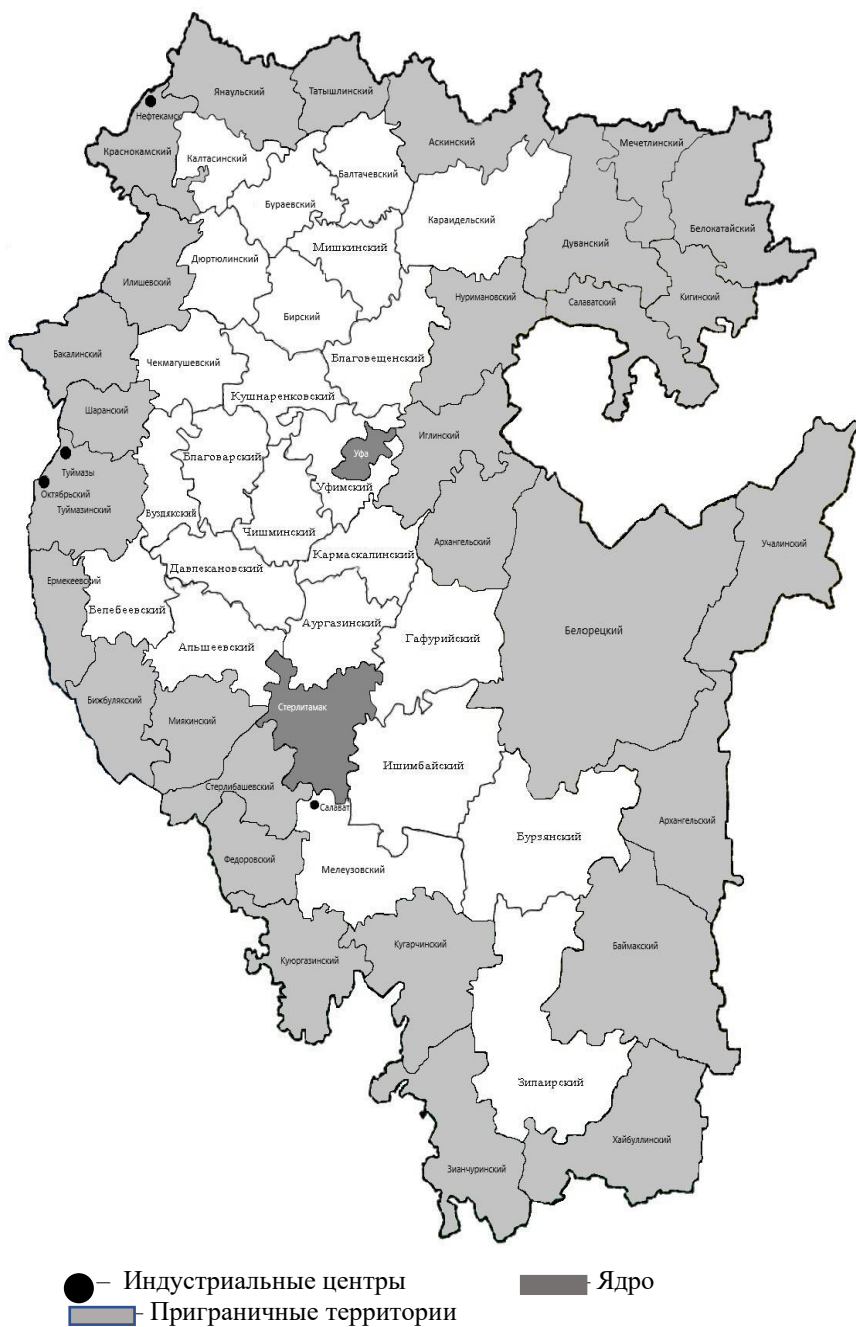
Мы выделили приграничные территории (большая часть из которых входит в периферию), индустриальные центры и «ядра» в Республике Башкортостан (рис. 17).

Главными элементами региональных систем и подсистем населенных пунктов выступают их центры (ядра), которые соподчинены между собой. В республике это – города Уфа, Стерлитамак и Салават. Они были выделены в наших предыдущих исследованиях [36]. Индустриальные центры республики – это города Туймазы, Октябрьский, Нефтекамск.

Проблемы, возникающие в периферийных районах:

- низкий уровень доходов населения;
- отток молодого, работоспособного населения;
- недостаточное развитие инфраструктуры;
- нехватка средств и инвестиций на развитие.

Для выведения данной территории из периферийной, необходимо улучшить конкурентную среду, а для этого нужно провести выравнивание темпов роста.

Рис. 17. Индустриальные центры, ядра и периферийные территории Республики Башкортостан

Мы считаем, что взаимосвязь структуры системы «центр – периферия» в управлении республикой позволит улучшить взаимодействие между центрами, спланировать развитие новых производств, направление инвестиций и оптимизировать программы развития городов и районов республики.

На наш взгляд, формирование комплексной инновационной политики в регионах и создание конкретных механизмов ее реализации позволит обеспечить условия не только для ускоренного развития, но и для сокращения разрыва между «центром» и «периферией».

3.4. Территориальные различия цен на вторичном рынке жилья в Республике Башкортостан как индикатор периферийности

Периферийное расположение выступает главным ценообразующим фактором объектов недвижимости. В крупных городах, как правило, рынок недвижимости развит, у потенциальных покупателей достаточно большое количество предложений на рынке, и они все больше выдвигают требований к объекту недвижимости, которые связаны с территорией его расположения. Так, все большую значимость имеют такие факторы, как наличие поблизости парков, скверов, водоемов, школ, садилов, фитнес-центров, крупных торговых центров и прочей инфраструктуры. Кроме того, покупатели все больше задумываются при покупке недвижимости о будущей стоимости ее продажи через несколько лет, насколько их вложения выгодны, подорожает ли она в будущем, легко ли будет ее продать. Разные районы города и региона развиваются с разной динамикой. Соответственно, рост цен на недвижимость также разный.

В настоящее время проведены исследования влияния территориальных факторов на цены недвижимости с разных сторон. На региональном уровне факторы, влияющие на рынок недвижимости, носят общий характер. Сюда относятся социальные, экономические, природно-экологические, политические факторы.

На сегодняшний день проведенные исследования влияния территориальных факторов на стоимость объектов недвижимости, такие как зависимость стоимости объектов недвижимости от статуса населенного пункта, удаленности от центра региона, от района расположения в пределах города, от численности населенных пунктов

и от средней заработной платы населения, носят субъективный характер.

Исследования зависимости стоимости объектов недвижимости от расположения в разных регионах, в малых, средних, крупных, крупнейших городах, поселках городского типа, сельских населенных пунктах и райцентрах не применимы с практической точки зрения для объектов, расположенных в разных городах, а также в населенных пунктах, относящихся к территориям, имеющим статус зоны опережающего социально-экономического развития региона. Цены на недвижимость в них все же не близки при прочих равных условиях.

Теоретические исследования в области влияния территориальных факторов на стоимость объекта недвижимости сильно отстают от реальности рынка недвижимости.

Тем временем правильная застройка территорий может привести к экономическому росту региона, решению многих социальных проблем, таких как сокращение безработицы, повышение благосостояния населения.

На современном этапе на первый план выходят проблемы формирования целостной системы управления недвижимым имуществом, что должно явиться одним из главных условий устойчивого экономического роста.

Для того чтобы понять, какие факторы пространственной среды региона влияют на стоимость жилья, вся территория Республики Башкортостан была поделена на ценовые зоны. В первую ценовую зону попали территории с самыми низкими ценами на жилье, во вторую – со средними, в третью – с самыми высокими (в разрезе рассматриваемого региона).

В Уфимском районе самая высокая стоимость одного квадратного метра жилья в регионе, что обусловлено близостью к столице. Уфа является самым крупным городом и столицей региона, вместе с тем, и центром притяжения всех ресурсов. Кроме г. Уфы, центром притяжения являются и другие города, входящие в агломерации Республики Башкортостан. Состав агломераций: Уфимская моноцентрическая агломерация (ядро – г. Уфа, Благовещенский, Иглинский, Кармаскалинский, Кушнаренковский, Уфимский, Чишминский муниципальные районы); Южно-Башкортостанская полицентрическая городская индустриальная агломерация (города Стерлитамак и Салават, Ишимбайский и Стерлитамакский муниципальные районы); Нефтекамская моноцентрическая малая

городская агломерация (города Нефтекамск и Агидель, Краснокамский и Янаульский муниципальные районы); Нефтесервисная полицентрическая малая городская агломерация Октябрьский – Туймазы (г. Октябрьский и Туймазинский муниципальный район) [149]. На территориях муниципальных районов, граничащих с Уфимским районом, стоимость жилья несколько ниже. В таблице 32 приведено полученное территориальное расположение указанных ценовых зон по Республике Башкортостан.

Таблица 32

Территориальное распределение ценовых зон жилья по Республике Башкортостан

Ценовая зона	Муниципальные районы
1 – низкая стоимость жилья	Бакалинский, Балтачевский, Белокатайский, Бижбулякский, Буздякский, Дюртюлинский, Зилаирский, Калтасинский, Кигинский, Куюргазинский, Мечетлинский, Татышлинский, Федоровский, Чекмагушевский
2 – средняя стоимость жилья	Альшеевский, Аскинский, Аургазинский, Белебеевский, Бирский, Благоварский, Бураевский, Бурзянский, Гафурийский, Давлекановский, Дуванский, Еремеевский, Зианчуринский, Илишевский, Кугарчинский, Кушнаренковский, Мишкинский, Миякинский, Салаватский, Стерлибашевский, Хайбуллинский, Шаранский
3 – высокая стоимость жилья	Абзелиловский, Архангельский, Баймакский, Белорецкий, Благовещенский, Иглинский, Ишимбайский, Караидельский, Кармаскалинский, Краснокамский, Мелеузовский, Нуримановский, Стерлитамакский, Туймазинский, Уфимский, Учалинский, Чишминский, Янаульский

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

В текущей ситуации на вторичном рынке жилья цены различаются более, чем в два раза, в зависимости от расположения муниципального района в регионе. Общепринятый постулат, что цена на недвижимость напрямую зависит от удаленности от областного центра, не нашел своего подтверждения в полной мере.

На территории Республики Башкортостан имеются несколько муниципальных районов с высокими ценами на жилье, которые расположены на значительном удалении от областного центра. Часть этих районов расположены вокруг промышленных центров региона (города Нефтекамск, Туймазы, Стерлитамак, Салават, Белорецк,

Учалы), которые создают импульсы развития территории. Кроме того, эти территории являются опорным экономическим каркасом региона, где сосредоточена основная часть промышленного производства, инвестиций, рабочих мест.

Стоит также отметить, что вокруг каждой точки роста в граничащих муниципальных районах стоимость жилья значительно разнится, присутствуют как районы со средней ценой жилья, так и с высокой и низкой. Это говорит о том, что каждый промышленный центр имеет свои факторы престижности.

Другой общепринятый постулат, что стоимость жилой недвижимости напрямую зависит от уровня социально-экономического развития территории, также не нашел своего подтверждения в полной мере.

Северо-Восток Республики Башкортостан (Аскинский, Белокатайский, Дуванский, Караидельский, Кигинский, Мечетлинский, Нуримановский, Салаватский районы) являются традиционно депрессивными, с более низкими показателями социально-экономического развития, чем в целом по стране. Однако стоимость одного квадратного метра жилья в Караидельском и Нуримановском районах высокая, что можно объяснить двумя факторами: во-первых, близостью к Уфимской агломерации, во-вторых, здесь сосредоточены базы отдыха на берегах реки Уфы, живописная природа и хорошая экология являются факторами, повышающими стоимость и тем самым создающими «престижность местоположения». Количество подобных территорий ограничено, ввиду небольшого предложения и высокого спроса стоимость жилья здесь значительно завышена. Такое территориальное расположение рассматривается как роскошь. Собственниками такой недвижимости являются люди с высоким уровнем дохода. Кроме того, жилая недвижимость зачастую выступает в качестве доходной и сдается посуточно. Подобную недвижимость предпочитают люди, которые хотят жить подальше от суеты, не привязаны территориально к работе.

Еще одной традиционно депрессивной территорией является Зауралье Республики Башкортостан (Абзелиловский, Баймакский, Бурзянский, Зианчуринский, Зилаирский, Учалинский, Хайбуллинский районы). Несмотря на это, стоимость одного квадратного метра жилья в Белорецком, Учалинском, Абзелиловском, Баймаком районах высокая, что также можно объяснить близостью

расположения промышленного г. Магнитогорска соседнего региона и тем, что эти территории образуют туристско-рекреационный каркас региона, где расположено большое количество турбаз, что также говорит о «престижности местоположения». Стоимость одного квадратного метра жилья здесь значительно завышена и рассматривается как роскошь.

Средние и низкие цены отмечены на вторичное жилье, расположенное в районах, образующих сельскохозяйственный каркас вдоль крупных агломераций, который обеспечивает их сельскохозяйственной продукцией.

В зонах, находящихся вокруг районов с высокой стоимостью жилья по той или иной причине, как правило, стоимость вторичного жилья средняя. Территории, размещенные вокруг районов с высокой стоимостью жилья, а также районы, образующие сельскохозяйственный каркас республики, являются зонами выравнивания.

Самое доступное жилье сосредоточено по периферии, как бы определяя границы этой зоны, и на удалении от промышленных и туристических точек роста. Стоимость жилой недвижимости в муниципальных районах, считающихся традиционно депрессивными, с более низкими показателями социально-экономического развития, чем по стране, не всегда низкая.

3.5. Обеспечение социально-экономической эффективности создания и развития особых экономических зон в связи с экономическими санкциями

Приоритетом трансформации региональных систем России до введения экономических санкций западными странами декларировалось обеспечение эффективности территориально-структурных, функциональных преобразований во взаимосвязях и взаимозависимостях между элементами территориальной организации хозяйства и населения. До наступления территориального системного кризиса в трансформации региональных систем страны с 2008–2009 гг. отечественными экономико-географами В.Л. Бабуриным и С.П. Земцовым [150, 151], Р.Г. Сафиуллиным, Р.М. Сафиуллиной [152, 153, 154, с. 261–269], экономистами С.Ю. Глазьевым [155], Е.А. Мазиловым, Ф. Шэн [156], Е.А. Мазиловым, А.А. Давыдовой [157], И.М. Голова, А.Ф. Суховой

[158] аргументировалась приоритетная роль инновационно-инвестиционного фактора трансформации региональных систем страны в соответствии с общемировыми трендами конкурентного устойчивого развития.

На современном этапе особую актуальность приобретают научно-прикладные разработки проблем трансформации региональных систем с функциональной международной экспортной и внутрироссийской специализацией на сырьевых топливно-энергетических, нефтеперерабатывающих, нефтехимических, химических, обрабатывающих машиностроительных секторах экономики, а также функционирование различных типов инновационно-инвестиционных особых экономических зон (ОЭЗ) России в условиях перехода развитых стран с 2022 г. к долгосрочной политике жестких экономических санкций. Имеющиеся немногочисленные научные публикации и проекты применительно к рассматриваемой теме по трансформации региональных систем России в условиях экономических санкций посвящены, в частности, рассмотрению сценарных вариантов развития нефтегазового и оборонно-промышленного комплексов России в целом без территориально-структурного анализа и оценки [159].

В научных публикациях В. Кузьминой [160], Р.Г. Сафиуллина [161], И.Н. Тимофеева [162] акцентируется внимание на необходимости полимасштабного подхода по территориально-структурному анализу, оценке трансформации секторов экономики, региональных и локальных производственных систем России, оказавшихся под воздействием долгосрочных экономических санкций на федеральном, региональном, локальном уровнях. В исследованиях Ш.У. Ниязбековой, О.В., Назаренко, К.Г. Буневича, О.С. Ивановой [163], В.Е. Брусянина, Я.И. Махмутова, Я.В. Сковронской, А.В. Цыбульского [164] анализируются современные актуальные проблемы ОЭЗ и пути их решения.

Согласно Федеральному закону от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», ОЭЗ представляет собой часть территории Российской Федерации, определяемую Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны [165].

Иными словами, ОЭЗ является ограниченной территорией (пределами субъекта, города, иными рамками), которая имеет особый юридический статус, зафиксированный на законодательном уровне. В рамках таких территорий созданы различные условия, которые облегчают ведение бизнеса с помощью функционирующих налоговых, административных, таможенных льгот, а также осуществляется финансовая поддержка.

Решение о создании ОЭЗ утверждается Правительством России, а критерии их создания закреплены в постановлении Правительства Российской Федерации от 26.04.2012 г. № 398 «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны».

При создании любой ОЭЗ всегда учитываются такие показатели, как: рентабельность, срок окупаемости, доходности, качество мониторинга территории и перспективного плана развития зоны, анализ экологических рисков проекта.

Основными целями создания ОЭЗ являются следующие процессы [166]:

- 1) развитие высокотехнологичных и обрабатывающих отраслей экономики;
- 2) развитие импортозамещающих производств, разработка и производство новых видов продукции;
- 3) разработка технологий и коммерциализация их результатов;
- 4) совершенствование и развитие транспортно-логистической системы;
- 5) развитие туризма и санаторно-курортной сферы.

К задачам создания ОЭЗ можно отнести:

- переход от экспортно-сырьевой экономики к инновационной за счет внедрения высокотехнологичного производства;
- создание максимально благоприятных условий для ведения бизнеса в сфере разработки и производства конкурентоспособной наукоемкой продукции и услуг;
- развитие отраслей с высокой степенью переработки;
- развитие туристической и санитарно-курортной деятельности;
- развитие портового хозяйства и оказание портовых услуг, которые будут конкурентоспособны с подобными зарубежными;
- улучшение инвестиционного климата;
- обеспечение конкурентоспособности Российской Федерации в мировом сообществе и ее интеграции в мировое экономическое пространство [167].

Согласно Федеральному закону от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», на территории Российской Федерации можно создавать следующие типы ОЭЗ [168]:

1. Промышленно-производственные (ППТ) – на отдельной территории (площадь которых составляет не более чем сорок квадратных километров) развиваются определенные виды производства, создаются для стимулирования роста промышленности в определенном регионе, при этом инвесторы, которые вкладывают средства в эти направления, получают преимущества и льготы.

2. Технично-внедренческие (ТВТ) – создаются на территории, площадь которой составляет не более чем четыре квадратных километра. Предназначены для размещения научно-исследовательских организаций, задачей которых является развитие инновационных проектов, разработка новых продуктов, технологий, а также для создания благоприятных условий для развития наукоемких производств.

3. Портовые (ПТ) – создаются на территории, которые прилегают к морским и речным портам, аэропортам, для развития в регионе портовой инфраструктуры, водных путей и сообщения, устанавливаются особые условия для развития предпринимательской деятельности, связанной с транспортировкой, упаковкой, хранением и сортировкой товаров.

4. Туристско-рекреационные (ТРТ) – части территории страны, в которых целесообразно развивать туризм (расположены культурно и исторически значимые места, зоны активного отдыха), цель – развитие туризма в регионе, создаются благоприятные условия для туристических организаций, а также предприятий, которые работают в сфере услуг.

Помимо вышеперечисленных, существуют зоны, которые действуют на основании иных федеральных законов – это ОЭЗ в Магаданской области (функционирующая до 31 декабря 2025 г.) и в Калининградской области (функционирующая до 31 декабря 2045 г.), где государственная поддержка организаций резидентов будет действовать до 1 января 2031 г.

Основные требования для резидентов ОЭЗ в зависимости от ее типа представлены в таблице 33.

Конкурентным преимуществом ОЭЗ для инвесторов является снижение их первоначальных издержек до 30% от сумм капитальных

вложений за счет того, что государство предоставляет налоговые, социальные и таможенные льготы, строительства объектов общей инженерной и транспортной инфраструктуры за счет средств федерального и регионального бюджетов.

Таблица 33

Основные требования для резидентов в зависимости от типа ОЭЗ

Тип ОЭЗ	Резидентом признается	Разрешенные виды деятельности	Минимальный объем вложений
Промышленно-производственный	Только коммерческая организация	Промышленно-производственная, технико-внедренческая, логистическая	120 млн руб., из которых не менее 40 млн руб. должны быть проинвестированы в течение 3 лет со дня заключения соглашения
Технико-внедренческий	Индивидуальный предприниматель или коммерческая организация	Промышленно-производственная, технико-внедренческая	Требования о минимальном объеме инвестиций отсутствуют
Туристско-рекреационный	Индивидуальный предприниматель или коммерческая организация	Туристско-рекреационная	Требования о минимальном объеме инвестиций отсутствуют
Портовый	Только коммерческая организация	Портовая и производственная	120–400 млн руб., из которых не менее 40 млн руб. должны быть проинвестированы в течение 3 лет со дня заключения соглашения

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

В зависимости от определенной зоны и установленных задач резидентам этой зоны предоставляется конкретный набор льгот и преференций (табл. 34) [169].

Виды льгот и преференций резидентам ОЭЗ

Вид льгот	Содержание
Налоговые кредиты	Суммы денежных средств, всех налогов и платежей в бюджет, собранных на территории ОЭЗ, которые остаются в течение конкретного срока в распоряжении органов управления данной зоной должны быть вложены в развитие производства, социальной и вспомогательной инфраструктуры ОЭЗ
Налоговые каникулы	Период, во время которого хозяйствующие субъекты освобождаются от уплаты налогов на фиксированный процент или в полном объеме
Налоговые преференции	Система налоговых льгот, которые определяют условия экономической деятельности хозяйствующих субъектов на территории ОЭЗ
Таможенные льготы и преференции	Минимальный таможенный контроль
	Возможность отмены лицензирования и квотирования экспорта и импорта
	Беспошлинный ввоз и вывоз товаров из ОЭЗ
	Упрощенный порядок въезда и выезда иностранных граждан
	Введение особого таможенно-тарифного регулирования
Административные льготы и преференции	Возможность упрощенного процесса регистрации организаций
	Обеспечение инвесторов средствами инфраструктуры
	Оказание различных сопутствующих бизнесу услуг
Финансовые льготы и преференции	Разнообразные формы субсидий, которые предоставляются через систему низких цен на коммунальные услуги, через понижение арендной платы за пользование производственными помещениями и земельными участками
	Льготные государственные кредиты

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Обеспечение экономической безопасности ОЭЗ заключено в осуществлении комплекса мер, которые направлены на постоянное и устойчивое развитие экономики региона, его совершенствование, с применением механизма противодействия внешним и внутренним угрозам и реализуются путем формирования следующих этапов:

1. Выявление угроз экономической безопасности и установление их направленности.

2. Ранжирование угроз по степени их важности, вероятности и времени наступления.

3. Оценка ущерба, который ожидается от выявленных выше угроз экономической безопасности (прогнозирование последствий осуществляется путем мониторинга отдельных ключевых показателей и экономической деятельности ОЭЗ).

4. Формирование прогнозов обеспечения экономической безопасности региона с ОЭЗ (как правило, оптимистический, пессимистический и смешанный прогнозы).

5. Реализация мер по обеспечению экономической безопасности региона и ОЭЗ.

В качестве ключевых показателей и критериев, участвующих в формировании системы обеспечения экономической безопасности, используют следующие:

- объем ВРП;
- степень износа основных производственных фондов;
- инвестиции в основной капитал;
- удельный вес прибыльных предприятий;
- уровень технологического отставания производства;
- степень конкурентоспособности;
- объем прямых иностранных инвестиций;
- уровень безработицы;
- величина прожиточного минимума;
- среднемесячная заработная плата, объем природных ресурсов;
- внешнеторговый оборот;
- экспорт и импорт региона;
- объем бюджетных доходов и др.

В рамках рассмотрения системы обеспечения экономической безопасности ОЭЗ важно отметить организационно-экономические инструменты, к которым относят:

1) мониторинг и анализ факторов, которые определяют внутренние и внешние угрозы;

2) прогнозирование социально-экономического развития региона, учитывая факторы и процессы, которые угрожают его экономической безопасности;

3) меры по предотвращению угроз по всем сферам и отраслям экономики;

4) экспертизу принимаемых решений по финансовым и хозяйственным вопросам;

5) контроль над реализацией решений.

Все это помогает гарантировать достойный уровень обеспечения экономической безопасности особых экономических зон, путем нейтрализации и минимизации воздействия внешней и внутренних угроз.

Как показано в таблице 35, общее количество резидентов ОЭЗ составляет 954, из них: промышленно-производственного типа (ППТ) – 317, технико-внедренческого (ТВТ) – 513, туристско-рекреационного (ТРТ) – 81, портового типа (ПТ) – 43.

Таблица 35

Оценка эффективности деятельности ОЭЗ России

Типы ОЭЗ	Количество резидентов ОЭЗ, ед.	Количество резидентов с участием иностранных инвесторов в составе акционеров, ед.	Количество рабочих мест, тыс. ед.	Объем инвестиций (в том числе капитальных вложений), осуществленных резидентами ОЭЗ на территории ОЭЗ, млрд руб.	Объем капитальных вложений, осуществленных резидентами ОЭЗ на территории ОЭЗ, млрд руб.	Объем выручки резидентов ОЭЗ от продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг, млрд руб.	Объем налогов, уплаченных резидентами ОЭЗ, млрд руб.	Количество построенных и введенных объектов инфраструктуры, ед.
ППТ	317	93	25,4	373	346	1 040	38	583
ТВТ	513	47	27,2	299	179	644	89	576
ТРТ	81	2	1,9	14	14	3	0,7	329
ПТ	43	7	1,0	10	4	10	0,3	34
Итого	954	149	55,5	696	543	1697	127	1522

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

По состоянию на 1 июля 2021 г. на территории Российской Федерации действовали 38 ОЭЗ четырех типов: 19 ОЭЗ промышленно-производственного типа в республиках Татарстан, Башкортостан и Чеченской, Липецкой, Самарской, Свердловской, Псковской, Астраханской, Калужской, Московской (3 ОЭЗ), Воронежской, Тульской, Орловской, Нижегородской, Владимирской и Омской областях, а также в Красноярском крае; 7 ОЭЗ технико-внедренческого типа в городах – Москва, Санкт-Петербург, Республике Татарстан, Московской (2 ОЭЗ), Саратовской и Томской областях; 10 ОЭЗ туристско-рекреационного типа в Республике Бурятия, Алтайском крае, Иркутской и Тверской областях, в том числе в туристическом кластере, состоящим из 6 ОЭЗ, в Карачаево-Черкесской, Чеченской и Кабардино-Балкарской республиках, а также в республиках Ингушетия, Дагестан и Северная Осетия-Алания; 2 портовые ОЭЗ в Ульяновской и Астраханской областях.

В соответствии с правилами оценка эффективности производится по сводному расчетному показателю $E_{оэз}$ [170].

На основании полученного значения показателя $E_{оэз}$ производится оценка эффективности за отчетный период и за период с начала функционирования ОЭЗ с применением следующих критериев: а) эффективное функционирование (при значении показателя $E_{оэз}$ более 80%); б) достаточно эффективное функционирование (при значении показателя $E_{оэз}$ от 40 до 80%); в) неэффективное функционирование (при значении показателя $E_{оэз}$ менее 40%). Так, динамика показателей за 2021 г. выше, чем за 2020 г., в том числе по показателям (индикаторам), имеющим вклад в достижение национальных целей Российской Федерации: объем выручки в результате экспорта несырьевых неэнергетических товаров и оказываемых услуг, количество созданных рабочих мест организациями, являющимися субъектами малого и среднего предпринимательства и (или) индивидуальными предпринимателями [170].

В целом, по результатам проведенной оценки, $E_{оэз}$ по всем ОЭЗ, без учета туристического кластера, соответствует эффективному функционированию ОЭЗ и составляет 96,5% за 2021 г. и 95,0% за период с начала функционирования ОЭЗ. При этом наибольшую эффективность по итогам 2021 г. демонстрируют ОЭЗ ППТ и ТВТ (100,0%, что соответствует эффективному функционированию ОЭЗ), портового типа (94,4%, что соответствует эффективному

функционированию ОЭЗ), ТРТ, без учета туристического кластера (91,6%, что соответствует эффективному функционированию ОЭЗ) [170].

Наиболее эффективными за период с начала функционирования ОЭЗ являются ТВТ (100,0%, эффективное функционирование), ТРТ, без учета туристического кластера, (96,7%, эффективное функционирование), ППТ (92,6%, эффективное функционирование), ПТ (90,9%, эффективное функционирование). Значение $E_{OЭЗ}$ за 2021 г. для ОЭЗ ТРТ в Северо-Кавказском ФО составляет 56,3% (достаточно эффективное функционирование), за период с начала функционирования ОЭЗ – 78,1% (достаточно эффективное функционирование) [171].

По состоянию на 31 декабря 2021 г., на территориях ОЭЗ, без учета туристических кластеров, зарегистрировано 914 резидентов (107% от плановых значений), из них в 2021 г. – 154 резидента (190% от плановых значений). В том числе, по состоянию на 31 декабря 2021 г., было зарегистрировано 148 резидентов с участием иностранных инвесторов в составе акционеров (участников) и резидентов, реализующих соглашения об осуществлении деятельности в ОЭЗ с привлечением 4 иностранных инвестиций за период с начала функционирования ОЭЗ, из них в 2021 г. – 12 резидентов [171].

С момента формирования в 2005 г. ОЭЗ, без учета туристических кластеров, резидентами создано 54 тыс. рабочих мест (121% от плановых значений), в том числе за 2021 г. – 9,7 тыс. рабочих мест (252% от плановых значений). По состоянию на 31 декабря 2021 г. резидентами на территориях ОЭЗ, без учета туристических кластеров, в соответствии с соглашениями об осуществлении деятельности в ОЭЗ привлечено инвестиций на общую сумму 692,4 млрд руб. (128 % от плановых значений), в том числе в 2021 г. 149,1 млрд руб. (260% от плановых значений) [171].

Количество рабочих мест, созданных на территории ОЭЗ резидентами ОЭЗ, являющимися субъектами малого и среднего предпринимательства и (или) индивидуальными предпринимателями, по итогам 2021 г. составило 16,1 тыс. Объем выручки от продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг за вычетом НДС, акцизов и сумма доходов за 2021 г. составили 438,1 млрд руб. (276% от плановых значений), за период с начала функционирования ОЭЗ – 1 694,8 млрд руб. (140% от плановых значений), в том числе ИТ-

выручка за 2021 г. – 29,1 млрд руб., за период с начала функционирования ОЭЗ – 93,4 млрд руб.

Следует отметить существенный рост объема выручки резидентов ОЭЗ, за исключением ОЭЗ туристических кластеров, полученных в результате экспорта несырьевых неэнергетических товаров и оказываемых услуг с 20,7 до 33,9 млрд руб., то есть на 63%.

В таблице 36 указаны примеры ОЭЗ с международным сотрудничеством.

Таблица 36

ОЭЗ с международным сотрудничеством

Название ОЭЗ	Специализация	Страна-партнер	Количество рабочих мест, тыс. шт.	Объем инвестиций, млрд руб.	Влияние санкций
1	2	3	4	5	6
ППТ «Липецк» (Липецкая область)	ППТ	Yokohama (Япония), Honeywell (США), АВВ (Швейцария), Schlumberger (Франция)	5	221	Снижение количества рабочих мест, падение объемов производства
«Титановая долина» (Екатеринбург)	ППТ	Ural Boeing Manufacturing-2	4	120	Уход резидентов, увольнение работников
ППТ «Лотос» (Астраханская область)	ППТ	ООО «Навал Дизайн Международный»	3	125	Уход инвесторов, падение выручки
ППТ «Моглино» (Псковская область)	ППТ	АО «ELME MESSER GAAS» и NOR-MAALI OY	4	201	Снижение количества рабочих мест, падение объемов производства

1	2	3	4	5	6
«Иннополис» (Республика Татарстан)	ТВТ	Schwarzthal Tech ООО «Шнейдер Электрик Центр Инноваций» FIXFIX NNG LLCNNG LLC ICL ТехноICL Техно	3	263	Уход резидентов, увольнение работников
Технополис «Москва» (г. Москва)	ТВТ	BIOCAD	11	569	Уход резидентов, увольнение работников

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Вводимые жесткие экономические санкции негативно скажутся на трансформации всей экономики страны на федеральном уровне (табл. 37) и функционировании ОЭЗ на региональном и локальном уровнях в связи с активным уходом резидентов из них с 2023 г. (табл. 38).

Таблица 37

Направления и последствия влияния экономических санкций на трансформацию региональных систем России на федеральном уровне

Направленность экономических санкций на системообразующие сферы экономики	Экспертные оценки последствий санкций
1	2
ВПК («Ростех» и др.).	Изоляция от мирового рынка военных инноваций, технологий и мирового рынка торговли вооружениями
Космическая промышленность («Роскосмос»)	Изоляция от мирового рынка космических инноваций, технологий, инвестиций и бизнеса
Авиационная промышленность	Изоляция от мирового рынка авиационных инноваций, технологий, инвестиций и бизнеса.
Автомобилестроение	Изоляция от мирового рынка автомобилестроения, инноваций, технологий, инвестиций и бизнеса

1	2
Судостроение	Изоляция от мирового рынка судостроения, инноваций, технологий, инвестиций и бизнеса
Направленность экономических санкций на системообразующие сферы экономики	Экспертные оценки последствий санкций
Сырьевые экспортно-ориентированные государственные, межрегиональные и региональные бизнес-структуры («Роснефть», «Газпром»)	Ограничения на экспорт сырьевых товаров на рынках развитых стран мира, эмбарго на инновации, передовые технологии, инвестиции
Золотовалютные резервы России	Заморозка до 350 млрд долл. золотовалютных резервов страны, находившихся в зарубежных банках развитых стран
Финансовые ресурсы госкорпораций и межрегиональных, региональных бизнес-структур России	Заморозка до 450 млрд долл. финансовых ресурсов госкорпораций и бизнес-структур, размещенных в зарубежных банках развитых стран
Личные финансовые счета российских олигархов	Суммарный арест финансовых средств и имущества на 30 млрд долл.
Внутренний потребительский рынок России	Падение реальных доходов населения, по экспертным оценкам МВФ, Центрального банка Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и экспертного сообщества, к декабрю 2022 г. от 17 до 100%

Источник: [172, с. 30].

Таблица 38

Направления и последствия влияния санкций на функционирование экономики России на региональном уровне

Направленность экономических санкций на региональные системы	Экспертные оценки последствий санкций
1	2
Падение объемов добычи и экспорта сырья в развитые страны	Сокращение добычи сырья к марту 2022 г. – на 10%

1	2
Сокращение объемов производства обрабатывающих видов деятельности	Сокращение к марту 2022 г. на 6%
Сокращение объемов розничного товарооборота региональных систем страны	Сокращение к апрелю 2022 г. на 10%
Сокращение объемов непродовольственной торговли региональных систем страны	Сокращение к апрелю 2022 г. на 17%
Направленность экономических санкций на региональные системы	Экспертные оценки последствий санкций
Сокращение импорта региональных систем страны	Сокращение по итогам 2022 г. в пределах 20–50%
Кризис в региональных системах страны машиностроительной специализации (автомобилестроение, станкостроение, приборостроение и др.) (гг. Москва, Набережные Челны, Тольятти, Калуга, Калининград и др.)	Сокращение производства автомобилей к маю 2022 г. на 85%
Кризис в региональных системах страны, экспортирующих нефть, нефтепродукты, мазут, уголь, добывающие и экспортирующие природный газ (ХМАО, ЯМАО, Ненецкий АО, Кемеровская, Сахалинская области)	Сокращение экспорта угля из Кемеровской области к концу 2022 г. на 100% (55 млн т.), производства мазута – на 70% (50 млн т), добычи нефти – на 11%, природного газа – на 10% в связи с экономическими санкциями
Падение реальных доходов населения региональных систем страны	Падение реальных доходов населения от 19 до 100% к концу 2022 г.
Изменение ситуации на внутреннем региональном рынке труда	Сокращение рабочих мест. Рост официальной безработицы к декабрю 2022 г. в сравнении с 2021 г. на 50%–100%

Источник: [160, с. 31-32].

В таблице 39 представлены относительные количественные показатели, отражающие влияние функционирования ОЭЗ на социально-экономическое развитие региона.

Относительные количественные показатели, отражающие влияние функционирования ОЭЗ на социально-экономическое развитие региона, на территории которого она создана

Регион создания ОЭЗ	Количество рабочих мест, созданных резидентами на территории ОЭЗ, ед.	Численность трудоспособного населения МО, на территории которого расположена ОЭЗ, тыс. чел.	Отношение показателя «В» к численности трудоспособного населения МО, на территории которых создана ОЭЗ, ед.	Объем выручки от продажи товаров, продукции, работ, услуг, млрд. руб.	Объем ВРП субъекта Российской Федерации, млрд. руб.
Республика Татарстан	2 527	53,3	4,74	20	1 415
Липецкая область	41,0	44,0	4,64	4	303
г. Москва	794	137,7	0,58	0,1	11 078
Московская область	1 036	368,0	0,28	0,3	2 439
Алтайский край	36	14,7	0,25	0,015	362
Республика Алтай	57	17,8	0,32	0	28
Всего	6491	635,5	11	24	15 625

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

С ростом инвестиций в ОЭЗ в основной капитал растет и ВРП. Негативное влияние экономических санкций на функционирование ОЭЗ регионов существенно там, где больше всего было сформировано крупных ОЭЗ. К числу таких относятся ОЭЗ Московской, Липецкой, Свердловской областей, Республики Татарстан и Хабаровского края (табл. 40).

Данные по влиянию санкций на деятельность регионов с несколькими ОЭЗ

Наименование ОЭЗ	Специализация	Объемы производства	Влияние санкций
1	2	3	4
«Дубна», «Ступино»	Технико-внедренческие	Создано более 6 тыс. рабочих	Уход иностранных инвесторов,

Продолжение таблицы 40

1	2	3	4
Квадрат», «Кашира», «Исток», «Максимиха» (Московская область)		мест; зарегистри- ровано 208 резидентов; более 95 млрд руб. заявленных инвестиций	снижение объема выручки, сокращение количества рабочих
«Липецк» (Липецкая обл.)	Промышленно- производствен- ные	Создано более 5 тыс. рабочих мест; заявлено инвестиций на сумму более 221 млрд руб.; более 89 млрд руб. освоенных инвестиций; зарегистри- ровано 59 резидентов	Уход иностранных инвесторов, снижение объема выручки, сокращение количества рабочих мест
Химический парк «Тагил» (г. Нижний Тагил); «ПРО-БИЗНЕС- ПАРК» (г. Екатеринбург); «Синарский» (г. Каменск- Уральский); «Березовский» (ГО г. Березов- ский)	Промышленно- производствен- ные	Создано более 4 тыс. рабочих мест, заявлено инвестиций на сумму 120 млрд руб.	Уход иностранных инвесторов, снижение объема выручки, сокращение количества рабочих мест
«Иннополис», «Алабуга» (Республика Татарстан)	Промышленно- производствен- ные	Создано свыше 7,6 тыс. рабочих мест; зарегис- трировано 33 р езидента; заявлено инвестиций на	Уход иностранных инвесторов, снижение объема выручки, сокращение количества рабочих мест

1	2	3	4
		сумму более 218 млрд руб.	
«Советская Гавань», «Остров Русский», «Владивосток» (Дальний Восток)	Промышленно- производствен- ные, технико- внедренческие, портовая, туристско- рекреационная	Создано около 4 тыс. рабочих мест, заявлено инвестиций на сумму 226 млрд руб.	Уход иностранных инвесторов, снижение объема выручки, сокращение количества рабочих мест

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Масштабы влияния экономических санкций на трансформацию ОЭЗ определяются международной функциональной специализацией. В первую очередь, под жесткие санкции попадают ОЭЗ России с международной функциональной специализации на черной, цветной металлургии, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, химической, обрабатывающей промышленности машиностроительных секторов экономики.

3.6. Межмуниципальное взаимодействие в решении социально-экономических проблем развития городских агломераций

Теоретико-прикладные проблемы межмуниципального взаимодействия в решении социо-эколого-экономических управленческих проблем развития городских агломераций возникли с самого начала их формирования и обострились в процессе функционирования по мере циклического перехода от императивов экономического развития к социальному императиву, далее к экологическому императиву.

На современном рыночном этапе трансформации глобальных, страновых, региональных и локальных городских агломераций различной функциональной специализации, масштабов экономики, демографического, социального и экологического потенциалов решение проблем городских агломераций опирается на целостную концепцию обеспечения их устойчивого развития.

В конечном итоге это привело к формированию в 1920 г. в США научно-прикладного направления исследований: а) в экономической географии – геурбанистика [169, 170]; б) в экономике – градоведение

[171]; в) в градостроительстве – районная планировка [172, 173]; г) в экологии – урбоэкология.

В своей монографии «Проблемы развития городских агломераций в СССР» Г.М. Лаппо [169] четко сформулировал наличие проблемы взаимодействия населенных пунктов (малых, средних городов, поселков городского типа), оказавшихся в зоне влияния центра городской агломерации с низким уровнем развитости и недостаточной территориальной насыщенностью городскими агломерациями такой огромной по площади страны, как СССР. Во многом именно это и определило нарастание остроты вопросов межмуниципального взаимодействия в обеспечении решения социо-эколого-экономических проблем трансформации городских агломераций России в рыночных условиях, связанных с:

- неопределенностью территориальных границ зон влияния;
- отсутствием правового статуса городских агломераций;
- инерционным превалированием экономического императива в развитии центров агломераций в 1960–1970 гг.;
- нарастанием социальных проблем агломераций в 1970–1980 гг.;
- необычайной остротой решения экологических проблем в городских агломерациях в 1980–1990 гг. с получившими широкий общественный резонанс экологическими событиями: авария на Чернобыльской АЭС, диоксиновое загрязнение в Уфимской агломерации, формирование зон экологического неблагополучия в Стерлитамак-Салаватской и Братской агломерациях, в агломерациях с центрами черной, цветной металлургии (города Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Новокузнецк, Череповец, Липецк, Свердловск и др.), в крупных и крупнейших городах и агломерациях с производственной функциональной специализацией на нефтеперерабатывающей, нефтехимической, химической промышленности, тепловой электроэнергетике (города Самара, Волгоград, Красноярск, Кемерово и др.).

Провал в решении проблем социо-эколого-экономического развития и трансформации городских агломераций России в 1991–2000 гг. был связан с социально-экономическим кризисом на переходном этапе, обусловленном ликвидацией плановой централизованной экономики.

В это время зарубежные страны переходили к формированию механизмов управления в сфере социо-эколого-экономической трансформации городских агломераций для постиндустриального

этапа. В передовых развитых странах (США, Франция, Великобритания, Швеция, Германия) были определены и установлены к этому времени:

- правовой статус агломераций;
- территориальные границы;
- субъектный состав;
- совокупность социо-эколого-экономических прав субъектов агломерации;
- совокупность управленческих методов и механизмов координации межмуниципального взаимодействия в решении социо-эколого-экономических проблем трансформации городских агломераций.

При этом каждая страна искала свои наиболее адекватные модели территориального регулирования и обеспечения управления в решении проблем социо-эколого-экономической трансформации городских агломераций на основе межмуниципального взаимодействия.

В «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» подчеркивается, что «...общемировыми тенденциями пространственного развития в начале XXI века являются концентрация населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации. В Российской Федерации сформировалось около 40 крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций, в большинстве из которых численность населения с начала 2000 г. устойчиво возрастает и в настоящее время превысила 73 млн чел. В Российской Федерации сформировалось несколько крупных центров экономического роста... В их состав входят 19 крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций...» [174, с. 3].

Развитию крупных и крупнейших городских агломераций России придается приоритетное значение в обеспечении решения накопившихся социо-эколого-экономических проблем пространственной трансформации России на основе обеспечения расширения географии и ускорения экономического роста, научно-технологического и инновационного развития за счет социально-экономического развития перспективных крупных центров экономического роста – крупных и крупнейших городских агломераций [174, с. 21].

Впервые в Российской Федерации на уровне Правительства определены направления и приоритеты в обеспечении решения социо-эколого-экономических проблем пространственной трансформации России путем развития эффективных и перспективных крупных и крупнейших городских агломераций. Целевыми ориентирами развития крупных и крупнейших городских агломераций до 2025 г. определены следующие [174, с. 21–23]:

1. Ускорение экономического, научно-технологического и инновационного развития за счет приоритетной поддержки высокотехнологических и наукоемких отраслей производства товаров, услуг, творческих (креативных) индустрий.

2. Развитие кооперации учреждений науки и образовательных организаций высшего образования с бизнесом, объединяющих ведущие в России образовательные организации высшего образования и учреждения науки, научные центры.

3. Формирование центров компетенций Национальной технологической инициативы, инновационных научно-технологических центров.

4. Создание и развитие при научно-образовательных центрах мирового уровня, инновационных научно-технологических центрах передовой исследовательской и инновационной инфраструктуры.

5. Развитие отраслей социальной сферы с учетом транспортной доступности услуг указанных отраслей, с разработкой территориально-структурных прогнозов численности населения и трудовых ресурсов населенных пунктов, входящих в состав крупных и крупнейших городских агломераций.

6. Формирование межрегиональных центров оказания услуг отраслей социальной сферы федерального значения (многопрофильные медицинские центры специализированной и высокотехнологической медицинской помощи, национальные медицинские исследовательские центры).

7. Повышение качества и комфортности городской среды за счет: инфраструктурной поддержки реализации проектов реновации существующих городских жилых районов; вывода крупных промышленных предприятий из центральных частей городов, являющихся крупными источниками загрязнения атмосферного воздуха; развития новых функций на указанных территориях; обеспечения снятия основных транспортных ограничений социально-экономического развития на основе межмуниципального

планирования развития транспортной инфраструктуры, дорожного движения и транспортного обслуживания населения муниципальными образованиями, входящими в крупные и крупнейшие городские агломерации; создания транспортно-пересадочных узлов; использования эффективных инструментов парковочной политики; строительства обходов городов для вывода транзитного транспорта; расширения радиусов в пределах двух часовой транспортной доступности до крупных городов, крупных и крупнейших городских агломераций путем строительства автомагистралей, линий скоростных внеуличных видов транспорта, скоростного пригородного транспорта, внедрения интеллектуальных транспортных систем, информационно-телекоммуникационных технологий, платформенных решений и интеллектуальных систем управления городской инфраструктурой («умный город»).

8. Обеспечение сбалансированного пространственного развития территорий и решение общих социо-эколого-экономических проблем на основе взаимодействия и координации деятельности муниципальных образований, содействие межмуниципальному взаимодействию в целях формирования документов стратегического планирования, формирование единой градостроительной политики.

Регулированием развития и трансформации городских агломераций в России, исходя из их высочайшей роли и значимости в решении социо-эколого-экономических проблем, максимально возможно обеспечить «эффект агломерации» на основе межмуниципального взаимодействия. К основным направлениям решения социо-эколого-экономических проблем развития и трансформации городских агломераций на основе межмуниципального взаимодействия относятся:

1) разработка альтернатив пространственного структурного развития городской агломерации: центра агломерации, пригородной и периферийной зоны;

2) создание современной инфраструктуры;

3) стратегическое инновационное насыщение городской агломерации наукой, исследовательскими центрами, информационными системами, вузами, переподготовкой кадров для новых производств, искусства и культуры, управления с выводом за пределы агломерации или перепрофилированием производственных структур.

Повышение ресурсной значимости сопредельных с городскими агломерациями сельских территорий, усиление роли неметрополитенских территорий как мест приложения труда, оценка их рекреационного потенциала, реализация программы дорожного строительства в процессе автомобилизации страны, способствовали расселению горожан из городских центров в сельскую местность за пределы пригородной зоны агломераций.

Проблемы развития городских агломераций России представлены в таблице 41.

Таблица 41

Проблемы развития городских агломераций России

Проблемы	Содержание
1	2
Социальные	<p>1. Низкая социо-эколого-экономическая межтерриториальная, межрегиональная, внутрирегиональная интегрированность.</p> <p>2. Центр городских агломераций: богатые уезжают, бедные остаются; появление неблагополучных районов.</p> <p>3. Обезлюдение сельских муниципальных образований региона из-за центростремительного потока мигрантов в городских агломерациях.</p>
	<p>4. Разрыв в качестве предоставления услуг на территории городских агломерациях.</p> <p>5. Концентрация населения не обязательно создает агломерационные эффекты в силу слабой внутренней связности агломераций.</p>
Технологические	<p>1. Отсутствие стратегического планирования развития городских агломераций.</p> <p>2. Пространственное разрастание ядра городской агломерации.</p> <p>3. Рост центростремительного потока отечественных и иностранных мигрантов в городские агломерации.</p> <p>4. Обострение транспортных проблем городских агломераций: территориально-структурные диспропорции в развитии транспортной системы, рост автомобилизации населения, транспортные заторы, нарастание дефицита парковочных мест, рост вредных углеводородных выбросов.</p> <p>5. Снижение эффекта территориальной локализации производств в городских агломерациях.</p> <p>6. Экологические проблемы: утилизация мусора, снижение</p>

1	2
	площади зеленых насаждений и пахотных земель сельских муниципальных образований в границах городских агломераций.
Экономические	<ol style="list-style-type: none"> 1. Эффект бесплатного предоставления и использования инфраструктуры центра городских агломераций маятниковыми суточными мигрантами. 2. Дублирование в предоставлении услуг. 3. Нарастание значительной дифференциации в обеспеченности финансовыми ресурсами муниципалитетов городских агломераций из-за разной налоговой базы. 4. Проблемы и сложности в установлении единых тарифов ЖКХ на всей территории городских агломераций. 5. Отсутствие консолидированного единого бюджета. 6. Проблемы с использованием земельных ресурсов муниципальных образований городских агломераций: нецелевое использование, безтендерное выделение земельных участков, спекуляции на земельном рынке. 7. Низкая социо-эколого-экономическая эффективность и конкурентоспособность.
Политические	<ol style="list-style-type: none"> 1. Снижение общественной демократизации в управлении и регулировании развития городских агломераций: население не способно контролировать власть, оценивать ее и влиять на ее деятельность на всей территории городских агломераций через общественные организации и политические движения.
	<ol style="list-style-type: none"> 2. Рост бюрократизации и фрагментации власти в городских агломерациях и когнитивная изоляция от интересов населения с использованием цифровых технологий, а также рост коррупции. 3. Несовпадение институциональных и функциональных границ городских агломераций. 4. Отсутствие нормативно-правовой базы по управлению городскими агломерациями. 5. Устремления чиновничьих структур управления муниципальными образованиями городских агломераций по сохранению самостоятельности и автаркии с противодействием межмуниципальному сотрудничеству и взаимодействию. 6. На границе ядра и периферии агломераций наблюдаются огромные перепады значений социально-экономических показателей.

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Вышеперечисленная совокупность проблем развития и трансформации городских агломераций России определяет актуальность научных прикладных исследований с конкретными предложениями и рекомендациями по решению социо-эколого-экономических проблем развития городских агломераций в регионах страны за счет обеспечения регулирования и управления на основе межмуниципального взаимодействия. Это касается таких задач, как определение эффективных направлений внутрирегионального и межмуниципального сотрудничества и взаимодействия, их влияния на обеспечение сбалансированности территориально-структурной трансформации городских агломераций, повышения их социо-эколого-экономической эффективности.

Для обоснования проектов повышения социо-эколого-экономической эффективности трансформации городских агломераций на основе внутрирегионального и межмуниципального взаимодействия требуются научные обобщения существующего мирового и отечественного (для периода централизованной плановой экономики) опыта в решении данной проблемы. Межтерриториальное взаимодействие рассматривается как система взаимообусловленных индивидуальных действий, связанных причинной зависимостью, при которой развитие каждой конкретной городской агломерации и взаимозависимых муниципальных образований без их сотрудничества между собой негативно сказывается на социо-эколого-экономической территориально-структурной эффективности трансформации городских агломераций.

Внутрирегиональное и межмуниципальное взаимодействие – понятие социо-эколого-экономическое, связанное с территориальным разделением труда и системой расселения, межбюджетными, социо-эколого-экономическими, демографическими, миграционными отношениями, диффузией инноваций, трансформацией рынков труда и сбыта товаров и услуг и т.д. Применительно к решению социо-эколого-экономических проблем развития городских агломераций регионов России оно должно отвечать следующим условиям:

- наличие территориальных взаимосвязей;
- добровольное участие;
- межмуниципальная взаимная социо-эколого-экономическая выгода;
- повышение территориально-структурной эффективности социо-эколого-экономических процессов;

- равноправие;
- эмергентность;
- возможность одностороннего выхода.

Теоретико-методологическое обоснование формирования и активизации межрегионального и межмуниципального взаимодействия в условиях усиления экономических, социальных, экологических и форс-мажорных (пандемия COVID–19, экономические санкции) вызовов предполагает:

1) исследование теоретико-методологических проблем повышения социо-эколого-экономической эффективности межрегионального и межмуниципального сотрудничества;

2) анализ влияния межрегионального и межмуниципального взаимодействия на обеспечение социо-эколого-экономической эффективности трансформации городских агломераций;

3) систематизацию накопленного опыта и выявление особенностей развития межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий в городских агломерациях в зарубежных странах и в России;

4) оценку социо-эколого-экономической эффективности межрегионального и межмуниципального сотрудничества.

Факторы, определяющие объем, характер, структуру и территориальную локализацию влияния городской агломерации на природную среду:

1) демографический: абсолютная численность населения, его плотность, динамика численности, возрастно-половая структура населения, миграционные потоки населения;

2) экономические, определяемые особенностями градообразующей базы: территориально-отраслевая структура и уровень территориальной локализации производств федеральных, межрегиональных, региональных, городских бизнес-структур;

3) территориальные особенности структуры землепользования;

4) формы территориальной планировочной организации пространства городской агломерации;

5) природно-климатические: температурный, водный баланс, роза ветров, влияние экстремальных природных явлений.

В своих работах А.Н. Швецов исходит из того, что одна часть исследователей убежденно настаивает: для нашей страны с ее огромной территорией развитие агломераций вкуче с расширением сети транспортных магистралей выступает главным способом

преодоления специфического для России «барьера пространства», и поэтому следует делать ставку на крупнейшие города, в которых воздействие агломерационного эффекта максимально и которые выигрывают конкуренцию с остальными городами, другая часть с осторожностью предупреждает, что поскольку урбанизация дает как положительные, так и отрицательные эффекты, то вопрос об эффективности сосредоточения значительной части экономической активности в небольшом числе крупных городов остается открытым, и, значит, усматривать в их росте гарантию развития страны и регионов будет большим упрощением. Он считает, что решение не может состоять в простом выборе между этими альтернативами.

Необходимы исследования предпосылок, содержания и последствий агломерационных процессов в России на этапе рыночной трансформации крупных и крупнейших городских агломераций, рассматриваемых в качестве элементов единой системы расселения (городского и сельского) населения в конкретных российских пространственных условиях, с учетом и оценкой зарубежного опыта проб и ошибок в развитии городских агломераций и формирующихся новых глобальных трендов в современной их трансформации на основе сформировавшейся практики регулирования и управления межтерриториального и межмуниципального взаимодействия в решении социо-эколого-экономических проблем и взаимоотношений субъектов агломерации [175].

Рост концентрации населения и форм его жизнедеятельности в быстро увеличивающихся по количеству и масштабам городских агломерациях составляет характерную особенность современной урбанизации [166, с. 168]. Такая поляризация урбанистического пространства вследствие распространения и возрастания роли крупных групповых городских систем стала набирающей обороты общемировой устойчивой тенденцией, однако проходящей в современной России с известными трансформационными особенностями.

В разных странах конкретные критерии объединения урбанизированных территорий в городские агломерации различаются. В принципиальном отношении к общепринятым основаниям объединения городов и поселений в одну агломерацию относятся [176]:

– непосредственное примыкание густонаселенных территорий (городов, поселков, поселений) к основному городу (ядру города) без существенных разрывов в застройке;

– площадь застроенных (урбанизированных) территорий в агломерации превышает площадь сельскохозяйственных угодий и лесов;

– массовые трудовые, учебные, бытовые, культурные и рекреационные поездки (маятниковые миграции) охватывают не менее 10–15% трудоспособного населения, проживающего в городах и поселениях агломерации.

На основе накопленного научно-прикладного опыта в зарубежных странах закономерности возникновения, развития и социо-эколого-экономической трансформации городских агломераций структурируют в четыре этапа [177].

Первый этап характеризуется концентрацией населения в центральных городах с ростом строительства жилья в непосредственной близости от промышленных предприятий. Увеличивается миграционный приток населения в крупные города. Формируется и развивается территориальная транспортная сеть, соединяющая центральный город и пригород.

Второй этап определяется формированием процесса субурбанизации. Повышение уровня благосостояния населения ведет к смене территориального места проживания части граждан в пригородную зону агломераций и замедлению роста численности населения центрального города. Центральный город становится менее привлекательным для жизни в связи с обострением экологических проблем.

Третий этап определяют формирующиеся процессы дезурбанизации, в ходе которой население из центра агломерации мигрирует в пригородную зону и периферийные населенные пункты, крупные предприятия выводят свои мощности за пределы центрального города агломерации.

Четвертый этап характеризует процессы реурбанизации и джентрификации. Возрастает концентрация населения в ядре агломерации и периферийных населенных пунктах, начинается второй цикл территориального расширения и роста агломерации, быстрыми темпами развивается сфера бизнес-услуг.

Исследования современных проблем социо-эколого-экономической трансформации крупных и крупнейших городских

агломераций России в целом и в пространственном отношении по регионам страны связаны с необходимостью обеспечения решения целевой интегральной задачи повышения конкурентоспособности экономики страны на глобальном, национальном, региональном, локальном уровнях. В крупных и крупнейших городских агломерациях России в 2019 г. территориальная концентрация производства валового регионального продукта страны достигала 80% [74, с. 456–457]. Городские агломерации определяют и будут в дальнейшем определять рыночную социо-эколого-экономическую трансформацию российского пространства.

Городские агломерации в условиях глобализации и экономической нестабильности в наибольшей мере сталкиваются с обострением конкуренции, кризисными явлениями и процессами. В России агломерации рассматриваются как важнейшие элементы территориального стратегического развития. Причиной многих социально-экономических проблем российских городских агломераций является несбалансированное развитие системы расселения страны в целом. Развиваются процессы избыточной застройки жильем территорий агломераций без необходимой транспортной и социальной инфраструктуры, высокой концентрации мест приложения труда в центральной части агломераций с их дефицитом в субурбанизированных зонах. В результате этого усиливаются экологические и транспортные проблемы, нарастает территориальная социально-экономическая дифференциация внутри агломераций.

В управлении социально-экономическим развитием агломерационных образований важное значение имеет принятие интегральных, комплексных программ территориального развития, которые позволят проводить единую социо-эколого-экономическую политику, согласованную между всеми субъектами. Стихийное развитие агломераций обостряет социо-эколого-экономическую ситуацию в регионах страны ввиду нарастания концентрации производства и населения, нарушаются взаимодействие и взаимосвязи между элементами агломераций, что в итоге формирует негативные тренды территориального развития.

Управление территориальным развитием агломераций может строиться на основе межмуниципального взаимодействия по договорной модели с привлечением региональных органов исполнительной власти. Это позволит обеспечить создание

межведомственных, межотраслевых и межмуниципальных координационных советов с распределением полномочий между МО и региональными органами исполнительной власти.

Ключевая задача развития агломераций состоит в повышении инвестиционной привлекательности агломераций на федеральном уровне благодаря кооперации МО при поддержке региональных органов исполнительной власти. Для этого необходима концентрация ресурсов на развитии базовых точек роста, что потребует достижения согласия о приоритетности реализации социально-экономических проектов, их инфраструктурном обеспечении, а также о территориальном распределении эффектов от их реализации.

3.7. Диверсификация экономики села, межмуниципальная и межрегиональная кооперация как факторы развития депрессивных сельских территорий

Комплексное развитие сельских территорий, многие из которых находятся сейчас в кризисном и депрессивном состоянии, является в настоящее время одним из приоритетных направлений политики Правительства Российской Федерации [105]. Во многом это обусловлено увеличением доли обезлюдивших деревень свыше 20% в ряде регионов. Согласно исследованиям Центра экономических и политических реформ, отраженным в докладе «Россия – страна умирающих деревень», за последние 15–20 лет численность сельского населения постоянно уменьшается за счет опережающей рождаемость смертности и миграционного оттока населения в города. В период между переписями 2002 и 2010 гг. количество обезлюдивших деревень в стране выросло более чем на 6 тыс., более чем в половине деревень живут от 1 до 100 чел. [178].

Причем такая ситуация характерна практически для всех субъектов Российской Федерации, в том числе имеющих огромные площади сельскохозяйственных угодий и считающихся житницами страны. Несмотря на то, что Республика Башкортостан является одним из развитых регионов России, здесь также наблюдается тенденция уменьшения как количества сел и деревень, так и населения в них. Так, в 2015 г. на территории региона было зафиксировано 4 536 сельских населенных пунктов против 4 635 – в 2000 г. За последние 15 лет на карте республики исчезло более 100 населенных пунктов [179].

Обезлюдение деревень также во многом обусловлено отсутствием доступных объектов сельской инфраструктуры, закрытием домов культуры, больниц, школ, слабой обеспеченностью жилищно-коммунальными благами (водо-, газо-, теплоснабжение, водоотведение), плохим качеством дорог.

Глобальные проблемы села – это проблемы, возникающие в рамках современных общемировых и общероссийских негативных тенденций развития, которые затрагивают жизненные интересы всего сельского населения и от решения которых зависит дальнейшее существование и социально-экономическое развитие сельских территорий. Все это требует координации совместных усилий федеральной, региональной и местной власти, селян, руководства предприятий, работающих в сельской местности, предпринимателей.

В таблице 42 сгруппированы основные глобальные вызовы и экономические санкции, их влияние на социально-экономическое развитие современного села и меры по нивелированию их воздействия на социально-экономическое развитие сельских территорий, в том числе за счет организации импортозамещения.

Безусловно, эти глобальные проблемы и экономические санкции усиливают и так далеко не лучшее, кризисное положение села.

Поэтому сейчас как никогда остро стоит проблема принятия кардинальных государственных мер в укреплении, прежде всего, экономики села. Стабилизация и поступательное, устойчивое развитие экономики села будут способствовать решению многочисленных как старых, так и новых вышеперечисленных социальных и экологических проблем, сделают село привлекательным как для инвестиций, так и для проживания, в том числе молодежи.

Как показывает зарубежный и отечественный опыт, экономика сельских территорий будет эффективно развиваться только при многоукладности, разумной диверсификации, внедрении инновационных способов как производства, так и реализации продукции и услуг села.

Для предметного анализа современного состояния и перспектив диверсификации сельской экономики необходимо разграничивать понятия «экономика села» и «аграрная экономика», «сельское хозяйство», которые не являются тождественными. Категория «экономика села» гораздо шире категорий «сельское хозяйство», «агропромышленный комплекс» [180].

Глобальные вызовы и экономические санкции, их влияние на социально-экономическое развитие современного села и меры по нивелированию их воздействия

Глобальные вызовы и экономические санкции, их влияние на социально-экономическое развитие современного села	Меры по нивелированию воздействия глобальных проблем и минимизации последствий ущерба от экономических санкций на социально-экономическое развитие сельских территорий
1	2
Глобальные вызовы	
<p>Экологические проблемы (качество воды, воздуха, почвы, продуктов питания; водная и ветровая эрозия; нелегальная добыча полезных ископаемых и вырубка лесов; проблема пожаров и наводнений)</p>	<p>Создание «чистых» технологий, налаживание переработки отходов, более жесткий контроль очистных сооружений, модернизация старых и строительство новых сооружений. Межмуниципальное и межрегиональное сотрудничество в строительстве совместных полигонов твердых коммунальных отходов заводов по переработке и утилизации мусора. Экологический мониторинг качества воды, воздуха, почв, продуктов питания и др., видеонаблюдение, использование беспилотный летательный аппарат для профилактики пожаров, слежения за лесами, карьерами, зонами подтоплений в весенний период. Экологическое образование. Организация регулярных экологических субботников. Массовая посадка деревьев и кустарников, в том числе для укрепления берегов рек и оврагов, снегозадержания.</p>
<p>Демографические проблемы (отток населения, в том числе молодежи; высокая заболеваемость, смертность,</p>	<p>Жилищное строительство, субсидирование сельской ипотеки под более низкие проценты, чем городское жилье, жилищные программы предприятий АПК.</p>
<p>суициды, неконтролируемая миграция в сельскую местность, алкоголизация и деградация сельского населения, низкая рождаемость)</p>	<p>Повышение качества сельского здравоохранения. Ужесточение/смягчение (в зависимости от конкретной ситуации) миграционного законодательства. Адресная поддержка многодетных семей.</p>
<p>Мировая продовольственная проблема</p>	<p>Активная государственная поддержка аграрного сектора. Адресная поддержка предприятий АПК и научно-образовательных учреждений, занимающихся селекцией и семеноводством, разрабатывающих агроинновации, агротехнологии, направленные на увеличение производства продовольствия в регионах,</p>

	стране и в мире.
Проблема бедности, социального неравенства и безработицы сельского населения, рейдерские захваты земель сельхозназначения и незаконная продажа земельных участков в сельской местности	Организация обучения населения основам финансовой и юридической грамотности, бизнес-планирования, новым профессиям в свете цифровизации и информатизации села. Стимулирование занятости и самозанятости населения, открытия собственного дела, малых и средних предприятий в сельской местности. Информирование населения о новых рабочих местах, новых программах в области агробизнеса. Субсидиарная и грантовая поддержка населения, начинающих предпринимателей и фермеров, народных промыслов и ремесел, агро- и этнотуризма. Профилактика коррупции в сельской местности, пресечение фактов незаконной купли-продажи земельных участков в сельской местности.
Экономические санкции	
Прекращение поставок зарубежной сельхозтехники и запасных частей к ней – проблема импортозамещения в сельхозмашиностроении	Организация производства аналогов запчастей для эксплуатируемой импортной сельхозтехники, организация региональных сервисных центров по обслуживанию и ремонту сельхозтехники.
Прекращение поставок зарубежного семенного материала – проблема импортозамещения семенного материала	Активизация селекционной, семеноводческой работы научно-образовательными учреждениями региона, возрождение на новой рыночной основе работы Баймакского опытно-производственного хозяйства Башкирского научно-исследовательского института сельского хозяйства», УФИЦ РАН и др.
Прекращение поставок зарубежных удобрений и лекарственных препаратов – проблема импортозамещения удобрений и лекарственных препаратов, поиск отечественных аналогов и продукции из дружественных стран	Организация производства заменителей импортных удобрений и лекарственных препаратов за счет активизации НИР в этой области, подготовки научных кадров.

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Кроме сельского хозяйства, которое является, безусловно, основой аграрной экономики, среди основных отраслей экономики

села можно выделить лесное хозяйство, добывающие и перерабатывающие отрасли промышленности, сферу услуг и отрасли сельской инфраструктуры, этническую экономику, включая народные промыслы и ремесла (рис. 18).

Рис. 18. Основные отрасли экономики села

Сельское хозяйство в Башкортостане остается основной отраслью экономики села и подразделяется на растениеводство, животноводство и рыболовство.

Если из направлений растениеводства в сельских районах региона достаточно неплохо культивируется производство зерновых, зернобобовых и кормовых культур, то производство многих технических, в том числе текстильных (лен, конопля) и пищевых культур (сахарная свекла, лекарственные растения), также овощебахчевых плодовых и листовых (перец, тыква, патиссон, огурец, баклажан, томат, кабачок, шпинат, петрушка, салат, капуста, укроп и др.), картофеля и луковичных культур (чеснок и лук), корнеплодов (репа, редис, редька, столовая свекла, морковь, сельдерей и др.) представлено не так широко, как хотелось бы.

Из отраслей животноводства по сравнению с другими субъектами Российской Федерации хорошо развиты молочное и мясное скотоводство, коневодство, птицеводство, свиноводство, пчеловодство, слабо – овцеводство и козоводство, кролиководство, звероводство, рыбоводство и рыболовство. Также во многих сельских районах Башкортостана, в частности юго- и северо-восточных, недостаточно развита перерабатывающая промышленность, глубокая переработка сельскохозяйственного сырья, поэтому в торговых сетях представлена в основном продукция других регионов (Республики Татарстан, Челябинской, Оренбургской областей и др.). Хотя еще относительно недавно на территории Башкирского Зауралья (до

середины 2000-х гг.) функционировали известные на всю страну и даже ближнее зарубежье Сибайский молочно-консервный комбинат детских продуктов, Сибайский мясокомбинат, выпускающие в больших объемах широчайший ассортимент высококачественной продукции. Существующие же сейчас предприятия (ООО Мясокомбинат «Башкирские колбасы», ООО «Сибайский элеватор») не в состоянии полностью удовлетворить спрос населения на продукцию. Кроме того, сейчас находятся на стадии ликвидации или полностью закрылись даже образовавшиеся только 5–10 лет назад ЗАО «Продукты Зауралья», ООО «Сибайское молоко», ООО «Баймакский мясокомбинат», ООО «Башкирские деликатесы», поэтому рыночные ниши молочной и мясной продукции на юго-востоке республики сейчас практически на 100% завоеваны производителями из Магнитогорска, Челябинской, Оренбургской областей, Республики Татарстан и других регионов.

Сферу услуг и отраслей инфраструктуры в сельской местности представляют мастерские по ремонту и пошиву одежды, обуви; прачечные, услуги ремонта бытовой и компьютерной техники, парикмахерские и т.д. Она развита сейчас очень слабо даже по сравнению с периодом административно-командной системы, когда функционировали комплексные «Дома быта» в крупных селах.

На рисунке 19 представлены наиболее перспективные «точки роста» и направления диверсификации экономики сельских районов Республики Башкортостан [181].

Среди них, наряду с традиционными для республики отраслями АПК (зерноводство, молочное и мясное скотоводство, коневодство, птицеводство, пчеловодство и др.), нами выделены овощеводство, грибоводство, развитие предприятий по глубокой переработке зерна, молока, мяса, овощей, фруктов и дикоросов, также имеющие хорошие перспективы различные виды туризма, включая агро- и этнокультурный туризм [182].

Для Башкирского Зауралья, включающего юго-восточные районы Республики Башкортостан, весьма интересны для диверсификации разнообразные направления этнобизнеса, так как именно в данном субрегионе проживает больше всего коренного башкирского населения и лучше всего сохранились его традиции и обычаи [183].

Рис. 19. Перспективные «точки роста» и направления диверсификации экономики сельских районов Республики Башкортостан

Спрос на органическую, экологически чистую, в том числе уникальную продукцию национальной башкирской кухни (включая этнопродукцию стандарта «Халяль») и туристско-рекреационные услуги села значительно опережает предложение. В частности, в последние годы как на всероссийском, так и на международном уровнях набирают популярность агро- и этноусадьбы, экофермы [180, 184], аграрный, этнокультурный, этнографический туризм, растет интерес к изучению образа жизни отдельных этносов, их ремесел, национальной кухни и этнопродуктов, произведенных по традиционным старинным рецептам и экологичным технологиям.

Все отрасли этноэкономики села, имеющие потенциал вырасти в этнопредпринимательскую деятельность, этнобизнес, можно вычленить в четыре основных направления (рис. 20).

Рис. 20. Основные направления этнической экономики села

В настоящее время в сельских районах региона необходима четкая адресная поддержка субъектов этнопредпринимательства в следующих направлениях:

1. Производство и переработка сельскохозяйственной продукции (коневодство и кумысоделие, бортничество и пчеловодство, зерноводство, скотоводство, овцеводство и козоводство, птицеводство), в том числе развитие индустрии общественного этнопитания за счет производства экологически чистой этнопродукции (кумыс, буза, курут, казылык, талкан, кызыл эремсек, башкирский мед и др.), произведенной с использованием традиционных национальных рецептов и технологий.

2. Этнографический, агро- (сельский), оздоровительный и другие виды туризма, учитывая благоприятные природно-климатические условия и огромный рекреационный потенциал территории.

3. Охота и рыболовство, рыбоводство и рыболовный туризм, звероводство и охотничий туризм, учитывая большое количество рек, озер, лесов и уникальную природу.

4. Народные промыслы и ремесла (войлоковальние, изготовление валенок, вязание и пуховязание, ковроткачество, деревообработка, производство изделий из дерева и бересты, лозоплетение, художественная обработка камня, лоскутное творчество, вышивка, изготовление традиционных подарочных швейных изделий, изделий из кожи, конского волоса, ювелирное производство и производство этносувениров).

5. Сбор, заготовка и переработка даров природы (грибов, плодов, ягод, лекарственных растений и др.).

6. Этническое устное и письменное творчество, этномузыка (народные песни, танцы, горловое пение, курай, кубыз, кыл-кубыз) [185].

Очень важна популяризация и правовая защита существующих этнобрендов.

Как нам представляется, некоторые отрасли этнобизнеса весьма перспективны для развития межмуниципальной и межрегиональной кооперации на основе производственной и потребительской кооперации, агрофранчайзинга и образования этнокластеров по производству этнических товаров и услуг [186].

В результате вышеперечисленных системных мер по диверсификации и кластеризации экономики села должна сложиться устойчивая региональная система в сфере агробизнеса, которая будет способствовать совершенствованию отраслевой и территориальной структуры хозяйства депрессивных районов Республики Башкортостан, выводу их из кризиса на путь стабильного и устойчивого развития, более эффективному решению проблем повышения занятости и качества жизни населения.

Это будет основой создания новых рабочих мест и роста доходов населения в сельской местности, пополнения местных бюджетов и, соответственно, даст определенные гарантии на то, что трудоспособное население не будет массово покидать село.

Глава 4. РАЗНОУРОВНЕВЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

4.1. Оценка зависимости региональных систем от глобальной декарбонизации экономики

Процессы глобализации мировой экономики изменяют систему международного разделения труда. Одним из важнейших трендов трансформации этого разделения становится декарбонизация экономики стран мира. В научном понятийном обороте начинается активное использование терминов «декарбонизация экономики», «карбоновая экономика», «глобальная декарбонизация», «зеленая химия», «карбоновое земледелие», «зеленая энергетика», «зеленый курс». Все эти термины подразумевают переход к сокращению парниковых выбросов, в первую очередь, углекислого газа как массового выброса в таких секторах экономики стран, как промышленность, строительство, лесное хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт с целью обеспечения устойчивого развития.

Проблемы устойчивой динамики региональных эколого-экономических систем достаточно подробно исследованы в отечественной региональной экономике и отражены в многочисленных публикациях [187, 188, 189]. Ряд авторов акцентируют внимание на исследованиях проблем декарбонизации экономики только нефтегазохимического сектора России [190, 191]. По мнению В.А. Крюкова, Д.В. Миляева, А.Д. Савельевой, Д.И. Душенина, вектор развития нефтегазового сектора напрямую зависит от его способности к трансформации в направлении, обусловленном необходимостью ускоренной декарбонизации [192]. Актуализируются научные разработки по проблемам декарбонизации сельского хозяйства [193, 194, 195]. Проблемы декарбонизации автомобильного, воздушного, речного, морского и трубопроводного видов транспорта изучены очень слабо [196]. Растет научный интерес к проблемам декарбонизации лесных экосистем и лесного хозяйства России [197, 198, 199, 200].

Научно-прикладные исследования проблем территориально-структурной трансформации регионов России и степени зависимости этой трансформации от глобальной декарбонизации экономики

становятся приоритетными. Однако исследований по методике территориально-структурного анализа и типологизации мезосистем страны по степени зависимости от процессов декарбонизации экономики крайне мало, что является существенным пробелом в области научных проектов [201].

В связи с этим приобретает важное значение развитие исследований по методическим подходам типологизации мезосистем страны по степени зависимости от процесса глобальной декарбонизации экономики на основе количественного анализа объемов и структуры ВРП, функциональной специализации на промышленном, сельском, лесном и рыболовческом производствах, строительстве, экспорте и импорте товаров/услуг, грузовых и пассажирских перевозках различными видами транспорта, экспортной ориентированности внешней торговли региональных систем со странами дальнего зарубежья (страны ЕС, Китай, Индия, Великобритания, Япония, США и др.).

По мнению Е. Ананькиной, в связи с процессами декарбонизации российские экспортно-ориентированные производства «...будут включены в европейскую систему торговли выбросами (ETS). Несмотря на споры о том, каков характер этого механизма – протекционистский или экологический – очевидно, что вероятность его появления весьма велика» [202, с. 40]. В ответ российские бизнесмены предлагают изменить условия инвестирования для компаний из стран ЕС на территории России, пересмотреть взаимный торговый баланс Российской Федерации и ЕС с принятием ответных ограничительных мер.

По мнению К. Молодцова, «реализация потенциала социально-экономического роста Российской Федерации сдерживается попытками применения к нашей стране политики экологического протекционизма...

Введение Евросоюзом трансграничного углеродного регулирования не только создает инвестиционные риски, но и в целом представляет стратегический вызов для устойчивого развития нашей страны» [203, с. 6–7]. Позиция членов бюро Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПИ): «Российский бизнес не намерен мириться с введением Евросоюзом так называемого углеводородного налога... Этот сбор носит исключительно протекционистский характер, а главная его цель – поддержка конкурентоспособности европейских производителей за счет ее

снижения у производителей из других стран» [204, с. 74]. Тем самым, РСПП отстаивает финансовые интересы крупных сырьевых корпораций.

Игнорирование госкорпорациями и бизнес-структурами России глобального тренда по декарбонизации экономики грозит потерей значительной части рынка не только европейских стран, но и может привести к существенным потерям на крупнейшем азиатско-тихоокеанском рынке. Дело в том, что США, Китай, Япония, Канада, Аргентина, Бразилия, Мексика уже объявили о планах по достижению углеродной нейтральности к 2050–2060 гг. Инвестирование в инновационные проекты низко- и безуглеродных технологий в промышленности, лесном, сельском, жилищно-коммунальном хозяйстве, автотранспорте является современным трендовым направлением в развитых странах мира (США, страны ЕС, Япония и др.) [205]. Поэтому, исходя из тренда глобальной декарбонизации экономики, «...нужно в короткие сроки уйти от нефтегазовой зависимости и диверсифицировать экономику, делая ставку на энергосберегающие, энергоэффективные и зеленые технологии, рассматривая их не как угрозу экономической безопасности, но как вызов и возможность» [206, с. 21].

Трансформация экономики ведущих стран мира (ЕС, США, Китай, Индия, Япония и др.) с конца XX в. определяется трендом на устойчивое развитие. В 1992 г. была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК), практическая реализация которой началась с принятием Киотского протокола, вступившего в силу 16 февраля 2005 г. Это был первый глобальный договор (соглашение) по реальному обеспечению сокращения выбросов парниковых газов на глобальном уровне.

Он предусматривал следующие рыночные механизмы:

- формирование и управление системой торговли квотами выбросов загрязняющих веществ;
- определение целевых уровней выбросов парниковых газов для развитых стран и стран с переходной экономикой.

Однако крупнейшие загрязнители атмосферного воздуха выбросами парниковых газов Китай и Индия отказались от количественных обязательств по сокращению выбросов. В результате 12 декабря 2015 г. вместо Киотского протокола было принято международное Парижское соглашение по климату, вступившее

в силу 4 ноября 2016 г. По состоянию на февраль 2021 г. Соглашение подписали 194 государства и ЕС.

Парижское соглашение по климату определило глобальные цели устойчивого развития:

- обеспечить рост средней температуры ниже 2 градусов Цельсия от доиндустриального уровня (1990 г.);
- остановить рост выбросов парниковых газов;
- обеспечить к 2050 г. углеродную нейтральность экономики и полную абсорбцию выбросов парниковых газов.

Какие институциональные преобразования в связи с процессами глобальной декарбонизации экономики произошли в странах ЕС, США, России? Президент США Д. Байден 20 января 2021 г. подписал Указ о возвращении страны к обязательствам в рамках Парижского соглашения по климату. Это создало реальные угрозы использования углеводородного налога за выбросы парниковых газов в конкурентной борьбе бизнеса развитых стран за глобальные и региональные рынки сбыта товаров с экономиками развивающихся стран.

План действий России с февраля 2021 г. по декарбонизации экономики:

1. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации 05.02.2021 г. в экстренном порядке подготовило приказ № 74 «О полигонах для разработки и испытаний технологий контроля углеродного баланса» [207].

2. Президент В. Путин 08.02.2021 г. подписал Указ № 76 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений» [208].

3. Правительство Российской Федерации распоряжением от 11 февраля 2021 г. № 312-р утвердило «Стратегию развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» [209], предусматривающую максимально полный учет поглощающей способности российских лесных экосистем.

4. Правительство Российской Федерации распоряжением от 27.11.2021 г. № 3363-р утвердило «Транспортную стратегию Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 года» [210]. К 2030 г. прогнозируется снижение выбросов CO₂ от транспортного сектора на 1,2% относительно общего объема выбросов в 2017 г., к 2050 г. – на 4,2% от уровня 2030 г.

В результате в 2021 г. в России были сформированы научно-образовательные исследовательские карбоновые полигоны на территории Калининградской, Новосибирской, Сахалинской, Свердловской, Тюменской областей, Краснодарского края, Республик Башкортостан, Татарстан и Чечня. До 2024 г. предполагается создание до 80 карбоновых полигонов по стране. На их базе впоследствии может начаться создание производственных карбоновых фабрик и ферм по поглощению углеродных парниковых газов.

Институциональные преобразования в странах ЕС в связи декарбонизацией экономики: в июле 2021 г. принят глобальный план Европейской комиссии стран ЕС «Fit for 55» по сокращению выбросов парниковых газов, целью которого является уменьшение к 2030 г. выбросов углекислого газа не менее чем на 55% по сравнению с уровнем 1990 г. и до нулевого уровня к 2050 г.

План действий стран ЕС по «Fit for 55» предусматривает [211]:

1) изменения в системе торговли выбросами CO₂ в сторону увеличения ежегодных темпов сокращения общих квот на эти выбросы;

2) отмену квот на бесплатные выбросы CO₂ с 2023 г. для металлургических предприятий, авиакомпаний, морского транспорта, электроэнергетики, производство удобрений, цемента;

3) введение системы торговли выбросами CO₂ для транспортного сектора и жилищно-коммунального хозяйства с 2026 г.;

4) введение с 2023 г. механизма трансграничного углеродного регулирования по взиманию сборов с импортируемых странами ЕС товаров (сталь, цемент, удобрения и алюминий) в зависимости от их углеродного следа;

5) запрещение территориального перемещения выбросов углекислого газа предприятиями за пределы ЕС;

6) введение к 2035 г. запрета на регистрацию в странах ЕС новых бензиновых и гибридных автомобилей. Уменьшение к 2030 г. выбросов CO₂ новыми автомобилями на 55%, а к 2035 г. – на 100% в сравнении с 2021 г. Создание инфраструктуры для подзарядки и заправки экологических чистых автотранспортных средств;

7) обеспечение к 2030 г. 40% производства электроэнергии за счет возобновляемых источников энергии (ранее предусматривалось 32%);

8) формирование нового социального фонда по вопросам климата в общем бюджете ЕС. Предоставление странам ЕС из социального

фонда по вопросам климата 72,2 млрд евро на решение экологических проблем по климату на период 2025–2032 гг. С 2026 г. в социальный фонд по вопросам климата ЕС будут перенаправлены 25% доходов от торговли углеводородными квотами;

9) уменьшение выбросов CO₂ на 40% к 2030 г. в сравнении с 2005 г. в каждом государстве ЕС для зданий, автомобильного, речного, морского транспорта, сельского хозяйства, мусороперерабатывающих предприятий с учетом производства ВВП на душу населения и экономической эффективности.

Россия пока не включилась в мировой тренд декарбонизации экономики. Заявленная Россией цель сокращения выбросов парниковых газов к 2030 г. до уровня 70% от уровня выбросов 1990 г. свидетельствует о том, что новый вызов по глобальной декарбонизации экономики нашей страной не принят.

Что необходимо предпринять в мезосистемах России в условиях глобальной декарбонизации экономики? К чему необходимо готовиться российским экспортно-ориентированным регионам и производствам?

1. До 40% российского экспорта товаров в страны ЕС подпадает под углеводородное налогообложение за выбросы парниковых газов.

2. Под углеводородное налогообложение попадает продукция экспортно-ориентированных секторов экономики России: нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая, нефтехимическая, химическая (экспорт минеральных удобрений), черная и цветная металлургия, угольная, цементная, лесоперерабатывающая, целлюлозно-бумажная промышленность, сельское хозяйство (экспорт зерна, мяса), воздушный, автомобильный, трубопроводный, морской виды транспорта.

3. Ежегодный максимальный совокупный размер углеводородного налога российской экспортной экономики в бюджет ЕС за парниковые выбросы экспертами оценивается до 50 млрд евро.

4. В 2020 г. стоимость выброса 1 т CO₂ в Европе увеличилась с 30 до 40 евро и аналитиками прогнозируется рост стоимости до 100–120 евро к 2030 г. [212, с. 40].

В Республике Татарстан, например, от ученых экономистов, химиков, химиков-технологов, экологов потребуется обоснование расчетами углеводородного следа каждого экспортного товара в страны ЕС. Перечень экспортных товаров Республики Татарстан, подпадающих под углеводородное налогообложение, включает:

нефть, нефтепродукты, нефтехимическую продукцию, тепловую электроэнергию и теплоэнергию, сталь, цемент, минеральные удобрения, зерно, автомобили КамАЗ, тепловую энергию и электроэнергию ТЭС и ТЭЦ, каучук, автошины, полиэтилен, лесопромышленные товары, автотранспорт, железнодорожный, трубопроводный транспорт и др.

Каждая страна, подписавшая Парижское соглашение, должна определить национальные цели по выбросам парниковых газов исходя из эколого-экономической стратегии развития. Перед Правительством Российской Федерации поставлена цель «обеспечить к 2030 г. сокращение выбросов парниковых газов до 70% относительно уровня 1990 г. с учетом максимально возможной поглощающей способности лесов и иных экосистем и при условии устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации» [213].

Исходя из поставленной цели выбросы парниковых газов в 2030 г. составят 2 730 млн т CO₂-эквивалента. В результате в России произойдет увеличение выбросов по сравнению с 2019 г. на 1145 млн т CO₂-эквивалента (табл. 43).

Таблица 43

**Динамика выбросов парниковых газов в России,
млн т CO₂-эквивалента в год**

Показатели	1990 г.	2019 г.	2030 г.
Выбросы парниковых газов – всего	3 900	1 585	2730
В процентах от уровня 1990 г.	100,0	40,6	70,0
Абсолютное сокращение выбросов в сравнении с 1990 г.	–	2315	1 170
Увеличение выбросов парниковых газов	–	–	+1 145
Рост выбросов парниковых газов в сравнении с 2019 г., в %	–	100,0	172,2

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

В результате этого в ближайшие 10 лет выбросы парниковых газов в России увеличатся на 72,2% от уровня 2019 г., в то время как зарубежные страны сокращают свои выбросы от 64,0 до 95,0% от уровня 1990 г. В решении проблемы снижения выбросов парниковых газов Россия может отстать даже от развивающихся стран Индии и Китая. Активная политика зарубежных стран (ЕС, США, Японии, Китая, Индии, Бразилии, Мексики и др.) по снижению выбросов

парниковых газов приведет в дальнейшем к эколого-экономическим ограничениям стран с высокоуглеродной экономикой, к числу которых относится сегодня Россия, путем введения повышенных экологических технико-технологических требований, секвестирования импорта в развитые страны экологически грязных товаров и услуг, установления высоких углеводородных налогов, сокращения объемов инвестиций и запретов на реализацию проектов, не соответствующих стандартам низкоуглеродной экономики [213].

Пока Россия активно не включилась в этот мировой тренд и в бизнес-структурах страны нет ясного понимания того, что на смену нефтяной и газовой экономики 1930–1990 гг. приходит карбоновая экономика, которая будет сформирована в течение ближайших 30–40 лет.

Основными загрязнителями воздушной среды выбросами парниковых газов в России являются предприятия тепловой энергетики, промышленный и аграрный сектора экономики. Большая часть выбросов парниковых газов в России образуется в сфере энергетики (нефтяная, газовая, угольная промышленность, тепловая электроэнергетика). Доля энергетики в суммарных выбросах парниковых газов в России, без учета возможной поглощающей способности лесов и иных экосистем, в 2005 г. достигала 80,6%, в 2019 г. – 78,7% (табл. 44).

Таблица 44

**Выбросы парниковых газов в России по секторам экономики,
млн т СО₂-эквивалента в год**

Сектора	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.
Энергетика	1 584	1 635	1 617	1 668
Промышленные процессы и использование промышленной продукции	207	196	219	237
Сельское хозяйство	105	104	109	114
Лесное хозяйство и изменение землепользования*	-531	-714	-589	-535
Отходы	70	78	92	100
Всего, без учета лесного хозяйства и изменения землепользования	1 965	2 013	2 036	2 119
Всего, с учетом лесного хозяйства и изменения землепользования	1 435	1 300	1 447	1 585

*Знак «минус» – поглощение парниковых газов из атмосферы.

Источник: составлено авторами по: [214].

Вводимые ограничения для стран с высокоуглеродной экономикой: новые технико-технологические требования, ограничения на импорт товаров и услуг, введение углеводородного налога, снижение объемов инвестиций, запрет на участие в проектах, не соответствующих условиям декарбонизации экономики, – создают территориально-структурные риски для мезосистем России. Территориально-структурная экологическая трансформация мезосистем России в связи с процессами глобальной декарбонизации становится единственным вариантом дальнейшего развития с учетом введения ЕС с 2023 г. механизма трансграничного углеводородного регулирования. Сложившееся глобальное и региональное территориальное разделение труда в перспективе подвергнется кардинальной трансформации в результате декарбонизации экономики стран мира из-за изменений в ценообразовании товаров и услуг.

На внутристрановом уровне России для обеспечения эффективной трансформации мезосистем в зависимости от процессов глобальной декарбонизации экономики целесообразно научно-практическое обоснование выбора приоритетных регионов, на которых могут быть реализованы передовые инновационные эколого-производственные технологии, обеспечивающие углеродную нейтральность. Следует предвидеть на длительную перспективу (до 25–30 лет) возможные территориально-структурные трансформации мезосистем России в условиях глобальной декарбонизации экономики.

Масштабы производства ВРП мезосистем определяют абсолютную степень территориально-структурной зависимости декарбонизации экономики. При этом имеет значение сопоставительный анализ масштабов ВРП и отраслевой структуры валовой добавленной стоимости регионов страны. Это определяется долей добычи полезных ископаемых (топливно-энергетических, рудных, химических, строительных и др.), объемами производства электроэнергии и тепловой энергии, сельского, лесного хозяйства и рыбоводства, объемами строительного производства и грузоперевозок различными видами транспорта. Доля этой группы видов хозяйственной деятельности в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости мезосистем России в среднем составляет 35,4%.

Особенности и степень зависимости мезосистем страны от процессов декарбонизации экономики определяются структурной

диверсификацией экономики. В России имеются регионы, характеризующиеся монопольной экспортной зависимостью от процессов декарбонизации экономики. Это присуще регионам страны сырьевой специализации с экспортом продукции в страны дальнего зарубежья: ЯНАО, ХМАО, Ненецкий АО, Кемеровская, Магаданская, Омская, Сахалинская, Томская области, республики Бурятия, Якутия (Саха), Красноярский край, Чукотский АО.

Декарбонизация экономики приведет к изменению энергетического сектора, транспорта, строительства, промышленности и сельского хозяйства. Более жесткими станут требования к земле- и лесопользованию. Одним из результатов перехода к низкоуглеродному развитию станет снижение спроса на ископаемое органическое топливо и повышение роли возобновляемых и других зеленых источников энергии.

Глобальная декарбонизация экономики и реализация в странах-импортерах соответствующей экономической политики, безусловно, приведут к сокращению в перспективе потребления ископаемого органического топлива и углеродоемких видов продукции, составляющих основу российской экономики и экспорта. Проблема в том, что доля экспорта органического топлива от общих объемов добычи в России очень высокая. В 2020 г. было экспортировано 74,3% добытой в стране нефти (в том числе в сыром виде – 46,6%, в виде нефтепродуктов – 27,7%), 48,7% добытого угля и до 30% добытого природного газа (табл. 45).

Таблица 45

**Добыча и экспорт ископаемого топлива
в Российской Федерации**

Виды топлива	Добыча			Экспорт			Доля экспорта от объемов добычи, %		
	2014 г.	2019 г.	2020 г.	2014 г.	2019 г.	2020 г.	2014 г.	2019 г.	2020 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Уголь, млн т	359	441	409	156	205	199	43,5	46,5	48,7
Нефть сырая, млн т	527	560	513	224	269	239	42,5	48,0	46,6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Природный газ, млрд м ³	642	738	692	174	221	204	27,1	30,0	29,5
Нефтепродукты, млн т	–	–	–	165	143	142	31,3	25,5	27,7

Источник: составлено и рассчитано авторами по: [215, с. 726].

Внутренний потребительский рынок России не требует увеличения объемов добычи топливно-энергетических ресурсов. К 2030 г. следует ожидать существенного падения объемов экспорта органических видов топлива из России в страны ЕС, что приведет к сокращению объемов их добычи. Все более актуальной целью становится необходимость кардинальной территориально-структурной трансформации топливно-энергетического комплекса мезосистем страны с учетом трендов глобальной декарбонизации экономики. Альтернативой этому является возможный комплексный кризис в смежных секторах экономики: тепловой энергетике, жилищно-коммунальном хозяйстве, строительстве, сельском и лесном хозяйстве, автомобильном, железнодорожном, трубопроводном, речном, морском видах транспорта, в формировании федерального, регионального и местных бюджетов территорий, сервисных, научных организаций и т.д. Это негативно повлияет на динамику ВВП страны и ВРП регионов, трудовую занятость населения, безработицу и реальные доходы населения.

Трансформация мезосистем в связи с глобальной декарбонизацией экономики определяет объективную необходимость технологической, экологической и экономической модернизации для обеспечения конкурентоспособности экономики на мировом рынке.

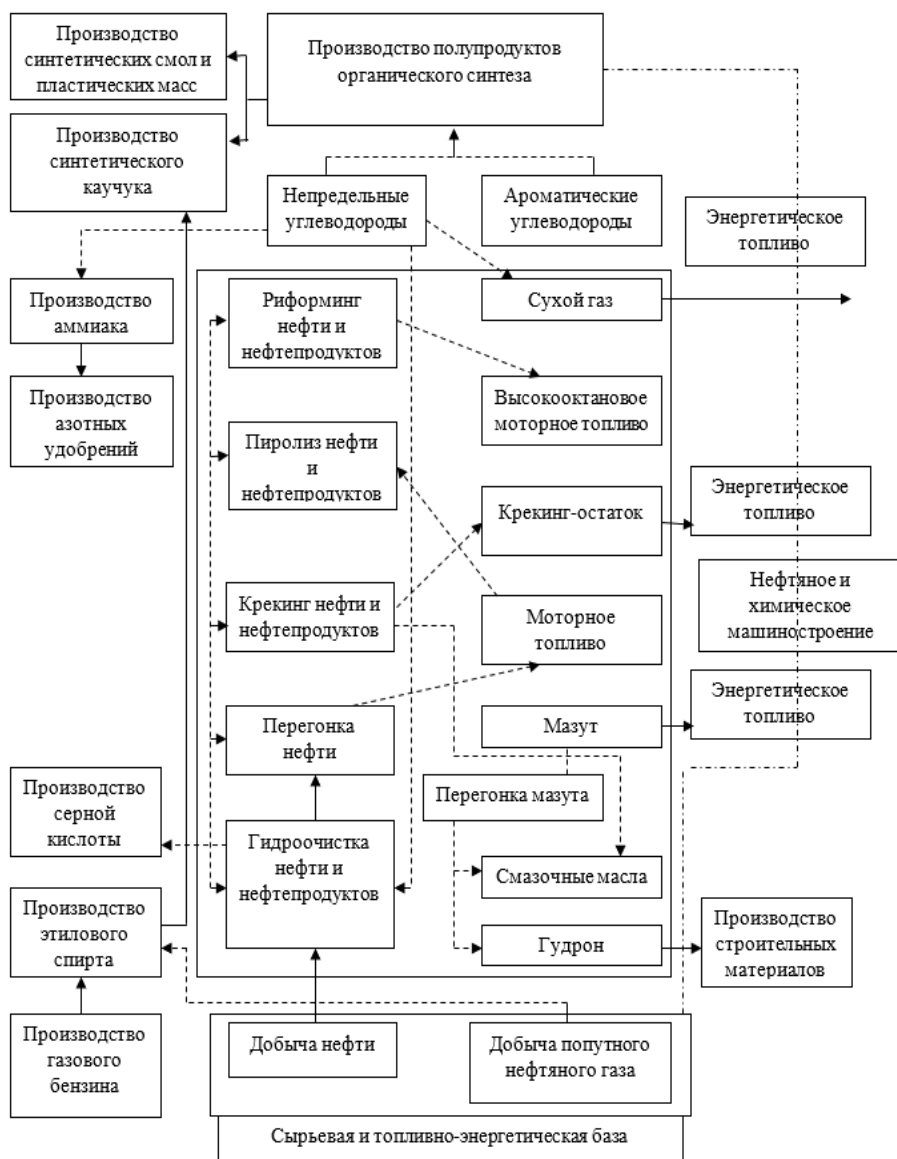
Для условий рыночной экономики при анализе и оценке степени зависимости мезосистем страны от процессов декарбонизации экономики применим метод энергопроизводственных циклов, разработанный Н.Н. Колосовским, позволяющий проследить углеродный след при производстве конкретной продукции от стадии добычи до выпуска конечной продукции и экспорта в страны дальнего зарубежья [216]. Имеющиеся публикации по теоретическим проблемам экономики замкнутого цикла, циркулярной экономике в России, утилизации бытовых отходов на основе метода замкнутого экономического цикла вызывают разочарование в связи с их низким

научным уровнем, не привносящим новых научных знаний, и являются повторением известных положений теории энергопроизводственных и ресурсных циклов [217, 218, 219]. Авторы этих публикаций не имеют представления о содержании и сущности теории Н.Н. Колосовского об энергопроизводственных циклах, развитых впоследствии в 1960–1980 гг. в работах Т.М. Калашниковой, Ю.Г. Саушкина, Р.Г. Сафиуллина, М.Д. Шарыгина, В.А. Осипова, А.Т. Хрущева, Г.А. Черниченко и др. [220, 221, 222, 223, 224, с. 86–102, 225].

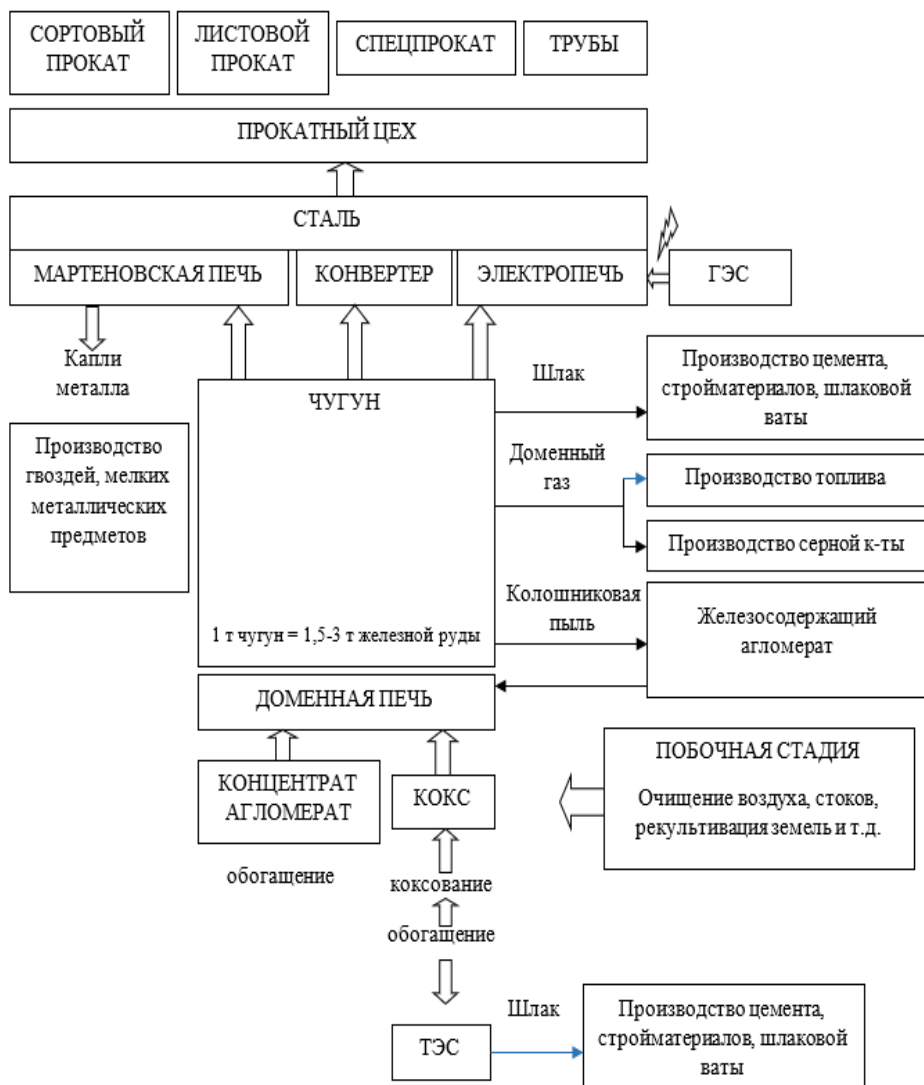
Под энергопроизводственным циклом понимается типическая, устойчиво существующая совокупность производственных процессов, возникающих взаимообусловленно (соподчиненно) вокруг основного процесса на основе сочетания данного вида энергии и сырья от первичных форм добычи, обогащения сырья до получения всех видов готовой продукции на основе приближения производства к источникам сырья, энергии и рационального использования ресурсов (рис. 21) [226, с. 148].

Метод энергопроизводственных циклов с учетом экологических характеристик производственных процессов позволяет обеспечить анализ, мониторинг и альтернативы трансформации мезосистем под влиянием процессов декарбонизации экономики. Применительно к декарбонизации производств регионов метод энергопроизводственных циклов нами предлагается дополнить экологическими параметрами производств и рассматривать в виде **модернизированного метода эколого-энергопроизводственного цикла** применительно к процессам глобальной декарбонизации экономики (рис. 22).

Метод эколого-энергопроизводственных циклов позволяет разработать типологию региональных систем страны по степени зависимости их от процессов декарбонизации. На основе количественных производственно-технологических и экологических параметров по стадиям производства продукции в эколого-энергопроизводственных циклах возможно определение необходимых и приоритетных направлений экологических и технологических инноваций, обеспечивающих декарбонизацию региональных систем.

Рис. 21. Генерализованная абстрактная модель нефтегазохимического энергопроизводственного цикла

Рис. 22. Количественные параметры пирометаллургического эколого-энергопроизводственного цикла

Исследовательские научно-практические задачи по декарбонизации экономики мезосистем России:

1. Территориально-структурная трансформация следующих секторов экономики: нефтяной, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, химической, угольной, газовой, металлургической,

горнодобывающей, цементной промышленности, сельского и лесного хозяйства, всех видов транспорта, жилищно-коммунального хозяйства.

2. Реализация экологических инвестиционных проектов в экономике, направленных на снижение выбросов углеродных парниковых газов за счет технологических инноваций и модернизаций.

3. Формирование спроса на высококвалифицированную рабочую силу с высоким уровнем оплаты труда в области низкоуглеродной экономики, инноваций и технологий.

4. Экономика природопользования из сферы финансирования природоохранных затрат становится полноценным участником эколого-экономического оборота (цикла), когда результаты производства приобретают стоимостную оценку:

– экологические меры (строительство очистных сооружений, технологическая экологизация производства);

– очищение компонентов природной среды;

– углеродные квоты на выбросы CO₂;

– углеродные биржи (глобальные, национальные, региональные);

– доходы и прибыль от реализации углеродных квот.

5. Формирование торговой логистики, интегрированной в мировой рынок торговли углеродными квотами через глобальные, национальные, региональные сертифицированные биржи.

6. Развитие сотрудничества с научными и образовательными центрами ведущих стран мира, компаниями-лидерами на рынках низкоуглеродных технологий.

7. Разработка методических подходов типологизации мезосистем и отдельных производств по степени их зависимости от процессов глобальной декарбонизации экономики.

Таким образом, глобальная декарбонизация экономики определяет следующие территориально-структурные изменения мезосистем России:

1) декарбонизация предприятий и производств секторов экономики: нефтяной, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, химической, угольной, газовой, металлургической, горнодобывающей, цементной промышленности, сельского и лесного

хозяйства, всех видов транспорта, жилищно-коммунального хозяйства;

2) экономика природопользования становится составной частью производственного эколого-экономического цикла, когда результаты производства приобретают полноценную стоимостную оценку: экологические меры (строительство очистных сооружений, технологическая экологизация производства) – очищение компонентов природной среды – углеродные квоты на выбросы CO₂ – углеродные биржи – доходы и прибыль от реализации углеродных квот;

3) формирование торговой логистики, интегрированной в мировой рынок торговли углеродными квотами через глобальные, национальные, региональные сертифицированные биржи;

4) реализация экологических инвестиционных проектов в экономике мезосистем, направленных на снижение выбросов углеродных парниковых газов за счет технологических инноваций и модернизаций;

5) формирование карбонового (carbon forming), или регенеративного, сельского хозяйства за счет уменьшения использования минеральных удобрений и пестицидов;

6) декарбонизация лесного хозяйства мезосистем России за счет расширения площадей санитарно-защитных категорий лесов в промышленных центрах и агломерациях и реформинг саморастущих лесов на заброшенных сельскохозяйственных землях;

7) формирование спроса в мезосистемах на высококвалифицированную рабочую силу с высоким уровнем оплаты труда в области низкоуглеродной экономики, инноваций и технологий;

8) развитие сотрудничества с научными и образовательными центрами ведущих стран мира, компаниями-лидерами на рынках низкоуглеродных технологий;

9) участие мезосистем в работе Зеленого климатического фонда, через который будет распределяться международная помощь по декарбонизации экономики развивающимся странам.

4.2. Социо-эколого-экономические риски пространственной трансформации городских агломераций России в связи с декарбонизацией экономики

В настоящее время в работах, посвященных проблемам пространственной трансформации городских агломераций России, нет анализа и оценки социо-эколого-экономических рисков, связанных с процессами декарбонизации экономики. Отсутствуют научные подходы и методики типологии городских агломераций России по степени зависимости их территориально-структурной трансформации от процесса глобальной декарбонизации экономики. Нами проведена типологизация городских агломераций России на основе анализа и оценки функциональной специализации на добыче полезных ископаемых, топливно-энергетических видах деятельности, обрабатывающей промышленности, грузо- и пассажироперевозках морским и воздушным видами транспорта. До 40% российского экспорта товаров и услуг в страны ЕС, приходящегося на городские агломерации России, подпадает под углеводородное налогообложение за выбросы парниковых газов.

Количественные параметры выбросов парниковых газов производствами и предприятиями различных секторов экономики городских агломераций определяют степень зависимости и возможные риски в процессах территориально-структурной трансформации в связи с декарбонизацией. Сокращение парниковых выбросов, в первую очередь углекислого газа как массового выброса, в городских агломерациях страны в таких видах хозяйственной деятельности, как промышленность, лесное хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство, воздушный и морской виды транспорта, направлено на обеспечение устойчивого развития.

Проблемы устойчивого развития городских агломераций России в теоретико-методологическом плане исследуются в отечественной региональной экономике и экономической географии в многочисленных публикациях [226, 188, 189]. С 2020 г. в России наблюдается быстрый рост числа научных публикаций и исследований по тематике глобальных, страновых, региональных и производственно-отраслевых особенностей стратегических территориально-структурных трансформаций в связи с процессами глобальной декарбонизации экономики.

Значительная часть научных исследовательских проектов посвящена анализу и оценке влияния декарбонизации экономики на социо-эколого-экономическую трансформацию экономики России и особенно на энергетическую отрасль в целом, а также отдельным ее составляющим: в разрезе исследования нефтяных, нефтегазовых компаний, угольной промышленности [206, 227, 228, 191, 229]. Приоритетными становятся исследования по трансформации лесного хозяйства России в целом и в региональном отношении ввиду высокого потенциала лесных экосистем в абсорбции углеродородных выбросов хозяйственных систем городских агломераций [230, 238, с. 119–125, 239, с. 98–104, 231, 232, с. 122–127]. Следует отметить формирование направления научных проектов по анализу, оценке и управлению социо-эколого-экономическими рисками в трансформации городских агломераций в связи с декарбонизацией экономики. Эти аспекты отражены в работах А.А. Барашевича, Е. Ананькиной, И. Кривошапка [233, 202, 234]. Крайне мало научных проектов по проблемам территориально-структурного анализа, оценки и типологии региональных систем страны по степени зависимости от процессов декарбонизации экономики [202].

В докладе «Наше общее будущее», подготовленном Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию [226], указывалось на необходимость изменения деловой активности и образа жизни человечества, ориентации экономики на удовлетворение нужд и законных желаний людей, но при этом отмечалось, что следует учитывать пределы экологических возможностей планеты, обеспечить социально-экономическую устойчивость. После публикации доклада словосочетание «sustainable development», переведенное как «устойчивое развитие», оказалось в центре внимания мирового сообщества. В начале 1980-х г. термин «устойчивость» появился в исследованиях Международного союза по защите природы (International Union Conservation of Nature) и использовался для обозначения способности экологических систем сохранять свою структуру и функциональные свойства при воздействии внешних факторов. Заявление о Всемирной стратегии охраны природы явилось первой реальной попыткой дать определение устойчивому развитию: «для того, чтобы развитие было устойчивым, оно должно учитывать социальные и экологические факторы, так же, как и экономические; живые и неживые ресурсы; и долгосрочные, равно как и краткосрочные, преимущества

и недостатки альтернативного действия» [226]. Однако в данном определении больший акцент делается на экологической устойчивости, чем на устойчивом развитии как таковом.

Выводы Комиссии ООН по окружающей среде и развитию составили основу решений о жизненной необходимости для цивилизации выхода на траекторию устойчивого развития, принятых в рамках Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Под устойчивым развитием понималось развитие, удовлетворяющее потребности настоящего поколения и не ставящее под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности. Основными принципами устойчивого развития были названы:

- улучшение качества жизни;
- гарантированное здоровье людей;
- обеспечение удовлетворения основных жизненных потребностей будущих поколений;
- борьба с бедностью;
- рациональная структура производства и потребления;
- рациональное природопользование;
- сохранение экосистем, защита климата и озонового слоя;
- обеспечение экологической безопасности;
- экологическое сознание, экологическая этика;
- устранение всех форм насилия над человеком и природой (предупреждение войн, терроризма и экоцида);
- глобальное интеграционное партнерство.

Пространственное развитие российской экономики за последнее десятилетие сильно трансформировалось за счет внедрения новых технологий, развития новых видов деятельности, создания новых бизнес-моделей, урбанизации, а также активной трудовой миграции и перестройки цепочек создания стоимости. Стимулирующими факторами социо-эколого-экономической трансформации городских агломераций России являются процессы декарбонизации, экономические санкции западных стран, введенные с 2014 г. и дополненные после 24 февраля 2022 г., а также пандемия COVID-19.

Национальная экономика имеет прямую зависимость от экономики каждого субъекта Российской Федерации, которая связана со специализацией регионов (ресурсодобывающие, промышленные, аграрные, туристско-рекреационные и др.). Из-за трансформационных

изменений одни регионы лишились некоторых отраслей, а другие смогли адаптироваться к новым экономическим условиям и заняли новые ниши. Процесс устойчивого развития регионов прописан в Указе Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [235].

В данном документе отмечается, что при построении системы индикаторов устойчивого развития любой хозяйственной системы все они могут быть классифицированы по ряду секторов жизнедеятельности на группы.

Первая группа – экономические индикаторы: международная кооперация, финансовые ресурсы и механизмы, создание экономического потенциала.

Вторая группа – экологические индикаторы: сохранение природных ресурсов, комплексный подход к планированию и рациональному их использованию, рациональное управление уязвимыми экосистемами, сохранение биологического разнообразия, экологически приемлемое использование биотехнологий, манипулирование отходами различного уровня вреда.

Третья группа – социальные индикаторы: борьба с бедностью, демографическая динамика и устойчивость, улучшение образования, осведомленности и воспитания общества, защита и улучшение здоровья людей, улучшение развития населенных мест.

Четвертая группа – институциональные индикаторы: учет экономических и экологических интересов в планировании и управлении, национальные механизмы и международное сотрудничество, международный институциональный порядок, международные правовые механизмы информационного обеспечения и помощи.

Пятая группа – технологические индикаторы: уровень техники и технологии, производительность труда, передача экологически щадящих технологий, сотрудничество, гибкость производства и диверсификация.

Устойчивое развитие территорий А.В. Федорова и В.Н. Федоров рассматривают в качестве «триединой концепции», в которой представлен механизм их взаимодействия (рис. 23) [236].

В работе Е.В. Лукина определены проблемы устойчивого развития региональной экономики, к которым относятся низкие темпы экономического роста, низкий инвестиционный спрос по

восстановлению промышленности, недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики (обрабатывающие производства), низкие темпы роста качества жизни населения [237].

Рис. 23. Составные части устойчивого развития

Проблемы и риски социо-эколого-экономической трансформации городов Е.В. Булдакова рассматривает с геоэкологической позиции. Ею исследуются мегаполисы с существующими проблемами развития (расширение территорий, уплотнение застроек, усложнение транспортных и коммунальных систем, рост потребления и сокращение минеральных, энергетических и водных ресурсов) и проблемами, усложняющими обеспечение устойчивого развития. Во избежание негативного воздействия обосновывается необходимость обеспечения баланса между социальными, экономическими и экологическими императивами при принятии решений по территориально-структурной трансформации городского пространства [238].

Одним из важнейших факторов обеспечения социо-эколого-экономического развития являются инновации. Однако до сих пор для России данный фактор не играет ведущей роли в социо-эколого-экономической трансформации городских агломераций. Это подтверждается низким удельным весом производства инновационных товаров в сравнении с развитыми странами. От

степени инновационности индустриальной экономики зависит переход к «зеленой экономике». Возможности применения инновационных технологий по видам экономической деятельности представлены в таблице 46 [239].

Таблица 46

**Примеры применения инновационных технологий
в решении экологических проблем**

ВЭД	Применение цифровых технологий	Экологические эффекты
Лесное хозяйство	Статистическая обработка, моделирование массива лесных данных, дистанционное зондирование территорий	Выявление незаконных рубок леса, предотвращение лесных пожаров, выявление случаев массового усыхания лесов и повреждения их насекомыми и болезнями
Энергетика	Цифровые счетчики	Экономия потребления энергоресурсов
Сельское хозяйство	Системы телематики на технике, цифровой агроскаутинг	Рациональное применение удобрений, водных и энергоресурсов
Промышленность	Декарбонизация	Низкоуглеродное развитие, сокращение парниковых газов

Источник: Составлено авторами по материалам исследования.

Стимулирующие меры и условия для обеспечения эффективного внедрения в производство экологических технологий:

1) выделение научно-исследовательских проектов социо-эколого-экономической территориально-структурной трансформации городских агломераций России в связи с процессами глобальной декарбонизации экономики в число приоритетных в Российской академии наук;

2) обеспечение законодательной базы по экологизации производств;

3) популяризация и формирование экологической культуры общества (пропаганда экологически чистой продукции, экономное потребление природных ресурсов и т.д.);

4) внедрение «зеленого» финансирования: предоставление льготных кредитов организациям, которые создают и внедряют технологии экологичного производства [240].

Современная ситуация в социо-эколого-экономической территориально-структурной трансформации городских агломераций сопровождается нарастанием остроты следующих проблем ввиду главенства экономического императива: рост потребления агропромышленной продукции, природных ресурсов; ухудшение экологической ситуации; не регулируемая, хаотичная субурбанизация и застройка территорий; увеличение количества неэкологичного транспорта; территориальная сегрегация. К числу важнейших проблем социо-эколого-экономической территориально-структурной трансформации городских агломераций России относятся:

1) применение устаревших технологий по очистке водной и воздушной среды;

2) нарушение технологических режимов эксплуатации очистных сооружений;

3) отсталость транспортно-логистической инфраструктуры в городских агломерациях;

4) технико-технологическая отсталость промышленных предприятий, жилищно-коммунального хозяйства и других инфраструктурных элементов городских агломераций (энерго-, тепло-, водообеспечения, сферы утилизации отходов производств);

5) слабая законодательная база по обеспечению экологизации производств.

Для преодоления социо-эколого-экономических рисков пространственной трансформации городских агломераций России в связи с процессами декарбонизации экономики необходимо использование модели управления рисками в рамках городских агломераций (рис. 24).

Городские агломерации являются основными территориальными системообразующими социо-эколого-экономическими концентраторами населения, разнообразных видов хозяйственной деятельности, определяющих функциональную специализацию. Именно в них локализована деятельность самых конкурентоспособных бизнес-структур России различного уровня:

а) государственные производственные корпорации России – «Роснефть», «Газпром», «Ростех», «Росатом», «РЖД», «Роскосмос», «Роснано» и др.;

Рис. 24. Модель управления рисками в рамках городских агломераций

б) корпоративные межрегиональные бизнес-структуры («Уральская горно-металлургическая компания», «Трубная металлургическая компания», «СУЭК», «Национальная Угольная Корпорация России», металлургические группы «НЛМК», «Северсталь», «ММК», «Металлоинвест», «Мечел», «Мираторг» и др.);

в) коммерческая банковская сеть («Сбербанк», «ВТБ», «Газпромбанк», «Национальный клиринговый центр», «Альфа-банк», «Россельхозбанк» и др.);

г) крупные частные локальные бизнес-структуры («Лукойл», «Сургутнефтегаз», «X5 Group», «Магнит», «Татнефть», «Норильский никель», «Новатэк», UC Rusal, Vimpelcom и др.).

Поэтому определяющими системными социо-эколого-экономическими рисками в территориально-структурной трансформации экспортно-ориентированных ВЭД городских агломераций России в связи с глобальной декарбонизацией являются:

– экологические: необходимость сокращения выбросов парниковых газов;

– экономические: необходимость технико-технологической модернизации экологически грязных производств;

– социально-демографические: ухудшение возрастно-половой структуры, старение населения, здоровье населения, трудовая занятость, увеличение безработицы, дальнейшее падение реальных доходов населения, рост социальной напряженности в российском обществе;

– инновационно-инвестиционные: продолжающееся падение объемов производства инновационной продукции, кризис в научно-образовательной сфере и уменьшение интеллектуального капитала;

– транспортно-логистические: необходимость экологизации воздушного, морского видов транспорта, газификация, электромобилизация автотранспорта, территориальная переориентация на внешние рынки стран Южной Америки, Африки, АТР (Китай, Индия, Иран, Индонезия, Вьетнам и др.).

Экспортно-ориентированные виды хозяйственной деятельности, локализованные в городских агломерациях различного ранга, в первую очередь сталкиваются с последствиями и рисками в социо-эколого-экономической трансформации из-за вводимого углеводородного налогообложения на экспортируемые в развитые страны экологически грязные товары.

Типологизация городских агломераций России на основе возможных социо-эколого-экономических рисков их пространственной трансформации в связи с процессами декарбонизации экономики позволяет определить диффузию рисков, исходя из масштабов производства, экспортной производственно-функциональной специализации и концентрации населения. Это дает возможность спрогнозировать динамику социо-эколого-экономических рисков в пространственной трансформации всей

городской системы расселения страны под влиянием процессов глобальной декарбонизации.

Типология городских агломераций России по степени зависимости территориально-структурной трансформации от специфики и масштабов социо-эколого-экономических рисков в связи с процессами декарбонизации экономики:

А – городские агломерации, специализирующиеся на нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, нефтехимической промышленности: Московская, Самарская, Уфимская, Нижнекамская, Стерлитамак-Салаватская, Пермская, Омская, Тобольская, Ангарская и др.;

Б – городские агломерации, специализирующиеся на газодобывающей, газоперерабатывающей промышленности: Оренбургская, Уренгойская, Южно-Сахалинская;

В – городские агломерации, специализирующиеся на угольной промышленности: Кемеровская, Ленинск-Кузнецкая, Прокопьевская, Черемховская, Воркутинская и др.;

Г – городские агломерации, специализирующиеся на черной металлургии: Липецкая, Череповецкая, Челябинская, Нижнетагильская, Магнитогорская, Новотроицкая, Новокузнецкая и др.;

Д – городские агломерации, специализирующиеся на цветной металлургии (алюминиевое, медное, цинковое производство): Норильская, Челябинская, Орско-Медногорская, Ревдинская, Красноуральская, Кировградская, Магнитогорская, Красноярская, Братская и др.;

Е – городские агломерации, специализирующиеся на автомобилестроении: Московская, Набережночелнинская, Тольяттинская, Ижевская, Уфимская, Стерлитамак-Салаватская, Нефтекамская, Ульяновская и др.;

Ж – городские агломерации, специализирующиеся на химической промышленности (производство минеральных удобрений): Соликамск-Березниковская, Московская, Череповецкая, Пермская, Тольяттинская и др.

Социо-эколого-экономическая территориально-структурная трансформация городских агломераций России в связи с развитием процессов глобальной декарбонизации повлияет на развитие топливно-энергетического сектора, транспорта, строительства, промышленности, инновационно-инвестиционной и научно-

образовательной сфер. Одним из результатов перехода к низкоуглеродной экономике развитых стран станет снижение спроса на ископаемое органическое топливо и повышение роли возобновляемых и других «зеленых» источников энергии, что приведет к сокращению в перспективе потребления ископаемого органического топлива и углеродоемких видов продукции – составляющих социально-экономической базы и внешнеторгового экспорта городских агломераций России на современном этапе.

Становление карбоновой экономики в городских агломерациях страны можно сопоставить по степени влияния на экономическую территориально-структурную трансформацию и формирование городов и городских агломераций в 1930–1986 гг. в Урало-Поволжском и Западно-Сибирском регионах, которые обеспечивают до 40% производства ВРП.

4.3. Типологизация сельских территорий по степени зависимости от процессов декарбонизации экономики

Цель данного исследования заключается в разработке методического подхода типологизации сельских территорий страны по степени их зависимости от процессов декарбонизации сельскохозяйственного производства. В качестве экспериментального полигона для типологизации зависимости сельских территорий от процессов декарбонизации выбрана Республика Башкортостан, являющаяся одним из ведущих районов сельскохозяйственной специализации.

Методика экономико-географического районирования сельского хозяйства, разработанная в 1960–1975 гг. под научным руководством профессоров кафедры экономической и социальной географии СССР Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова А.Н. Ракитниковым, В.Г. Крючковым, активно использовалась на практике в формировании эффективной территориальной организации сельскохозяйственного производства [241, 242]. Методика была доведена до практического применения в обосновании перспективного территориального планирования развития сельского хозяйства страны.

Экономико-географическое районирование сельского хозяйства страны имело разные территориальные масштабы: макроуровень

(страновой), региональный уровень (области, республики), внутрирегиональный уровень (сельские административные районы).

В методике классификации сельскохозяйственных районов разных уровней была использована теория типологии ТСЭС. На основе этой общей теории была предложена собственная методика экономико-географической типологии сельскохозяйственных районов страны. В результате были выделены 11 типов сельскохозяйственных районов исходя из их территориальной производственной структуры и специализации [243]:

1) районы интенсивного животноводства со специализацией на молочно-мясном скотоводстве, где земледелие обеспечивает производство кормов;

2) районы интенсивного земледелия со специализацией на производстве зерновых культур, сахарной свеклы, подсолнечника в сочетании с мясомолочным скотоводством и свиноводством;

3) земледельческо-животноводческие районы со специализацией на производстве зерновых культур, подсолнечника в сочетании с мясомолочным скотоводством, свиноводством и птицеводством, где земледелие обеспечивает производство кормов;

4) районы земледельческо-животноводческой специализации экстенсивного типа с доминированием производства зерновых культур в сочетании с мясомолочным скотоводством и овцеводством;

5) земледельческие районы со специализацией на плодоводстве, виноградарстве, многолетних технических культурах, овощеводстве, определяемой прежде всего благоприятными природно-климатическими и почвенными условиями;

6) районы земледельческой и земледельческо-животноводческой специализации на основе ирригации с приоритетом на производстве хлопка и риса;

7) равнинные районы пастбищно-животноводческой специализации на овцеводстве;

8) горные районы пастбищно-животноводческой специализации на мясомолочном скотоводстве;

9) горные районы земледельческо-животноводческой специализации;

10) районы оленеводческо-промыслового типа;

11) районы высокоинтенсивного сельского хозяйства в пригородных зонах крупных городов и городских агломераций.

На современном этапе процессы трансформации сельского хозяйства аграрных территорий страны сталкиваются с новыми вызовами в связи с глобальной декарбонизацией экономики. Актуализируются научные разработки по проблемам декарбонизации сельского хозяйства [193, 206]. Важно проанализировать и оценить степень зависимости сельского хозяйства от декарбонизации экономики и представить территориальную типологию аграрных районов. Типологизация зависимости аграрных районов от процессов декарбонизации экономики выполнена на примере экспортно-ориентированного зернового хозяйства Республики Башкортостан.

В таблицах 47 и 48 отражена динамика структуры посевных площадей под зерновыми культурами и посевные площади под зерновыми культурами по категориям хозяйств в республике.

Таблица 47

Структура посевных площадей под зерновыми культурами Республики Башкортостан, %

Показатели	Годы					
	1990 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Вся посевная площадь	100	100	100	100	100	100
Зерновые и зернобобовые культуры	59,0	57,6	59,0	59,4	59,3	58,1
в том числе: озимые зерновые культуры	17,0	12,7	13,1	10,8	12,8	8,7
из них: пшеница	0,4	3,4	4,8	5,1	6,5	4,4
рожь	16,6	8,6	7,7	5,2	5,8	4,1
яровые зерновые и зернобобовые культуры	42,0	44,9	45,9	48,6	46,5	49,4
из них: пшеница	19,3	20,9	21,8	22,6	20,1	21,5
ячмень	8,8	13,2	12,6	12,9	14,2	15,8
овес	5,8	5,8	5,6	5,8	5,4	5,6

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Таблица 48

Посевные площади под зерновыми культурами по категориям хозяйств в Республике Башкортостан, тыс. ц

Показатели	1990 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
1	2	3	4	5	6	7
Сельскохозяйственные организации						
Вся посевная площадь	4 313,9	2 209,1	2 137,6	1 996,1	1 909,7	1 813,5

Продолжение таблицы 48

1	2	3	4	5	6	7
в том числе: зерновые и зернобобовые культуры	2 593,8	1 290,8	1 274,9	1 192,9	1 128,1	1 057,8
Хозяйства населения						
Вся посевная площадь	85,3	106,5	103,5	97,9	94,7	91,8
в том числе: зерновые и зернобобовые культуры	0,0	0,1	0,0	–	–	–
Крестьянские (фермерские) хозяйства						
Вся посевная площадь	0,1	736,4	828,1	910,1	948,4	968,6
в том числе: зерновые и зернобобовые культуры	0,1	466,2	535,7	592,8	621,9	612,7

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

По данным таблицы 49, исходя из удельного веса аграрных районов Республики Башкортостан в общереспубликанском производстве зерна за 2019 г. выделен ряд типов экспортно-ориентированных зерновых районов.

Таблица 49

**География производства зерна (в весе после доработки)
(в хозяйствах всех категорий) в Республике Башкортостан, тыс. ц**

Показатели	Производство зерна					Доля *
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	
1	2	3	4	5	6	7
По республике	30 053	33 240	37 827	30 589	32 465	100%
Муниципальные районы:						
Абзелиловский	800,8	779,9	959,9	710,4	711,0	2,19
Альшеевский	871,1	1 039,0	1 084,3	852,8	923,9	2,84
Архангельский	73,2	92,1	97,2	99,1	89,8	0,27
Аскинский	108,6	105,4	67,5	48,6	63,6	0,19
Аургазинский	1 235,0	1 237,7	1 439,4	1 250,4	1 296,6	3,99
Баймакский	1 167,5	1 451,3	1 511,3	916,2	717,8	2,21
Бакалинский	587,2	617,7	668,0	626,7	592,4	1,82
Балтачевский	537,1	588,9	622,4	607,7	619,5	1,91
Белебеевский	407,5	450,0	490,0	371,2	386,0	1,18
Белокатайский	225,3	246,0	253,4	219,6	192,1	0,59
Белорецкий	20,0	29,1	27,7	10,5	7,4	0,02
Бижбулякский	688,6	684,9	1 000,7	395,0	784,2	2,41
Бирский	298,1	313,1	373,9	388,0	409,9	1,26
Благоварский	966,6	1 036,8	1 207,7	1 068,5	1 113,1	3,42
Благовещенский	198,9	192,5	127,8	135,0	133,9	0,41

Продолжение таблицы 49

1	2	3	4	5	6	7
Будзякский	735,7	898,3	1028,5	898,9	973,4	2,99
Бураевский	605,5	681,8	630,0	594,5	513,7	1,58
Бурзянский	5,9	7,8	11,2	7,7	8,7	0,02
Гафурыйский	354,9	410,5	416,6	384,2	306,3	0,94
Давлекановский	1 016,2	1 123,6	1 230,7	1 157,9	1 163,6	3,58
Дуванский	477,7	651,8	561,7	642,1	650,3	2,0
Дюртюлинский	712,4	866,5	772,7	734,2	795,8	2,45
Ермекеевский	418,9	495,3	595,2	395,2	445,7	1,37
Зианчуринский	202,4	425,2	549,8	347,7	299,1	0,92
Зилаирский	62,8	176,2	182,3	125,1	52,0	0,16
Иглинский	286,5	308,4	253,1	276,6	261,5	0,8
Илишевский	1 196,4	1 363,0	1 404,4	1 319,1	1 620,5	4,99
Ишимбайский	323,8	281,2	416,5	428,2	469,6	1,44
Калтасинский	268,5	240,0	399,5	360,6	339,4	1,04
Караидельский	198,6	224,8	210,6	219,8	226,2	0,69
Кармаскалинский	851,4	924,7	1 020,0	1 152,8	1 207,5	3,71
Кигинский	90,9	97,1	113,6	93,1	99,1	0,3
Краснокамский	375,3	494,6	358,3	310,6	283,1	0,87
Кугарчинский	653,7	537,7	826,4	613,0	626,1	1,92
Куюргазинский	806,3	852,5	1169,1	683,6	617,3	1,9
Кушнаренковский	717,7	810,7	797,7	834,8	929,9	2,86
Мелеузовский	1 397,1	1 234,7	1 743,7	1 175,2	1 330,2	4,09
Мечетлинский	325,8	326,4	357,2	312,2	339,1	1,04
Мишкинский	152,3	182,5	178,4	144,1	115,2	0,35
Миякинский	757,4	851,9	1017,6	696,5	798,8	2,46
Нуримановский	176,9	216,3	187,4	236,7	254,9	0,78
Салаватский	112,5	173,0	170,5	135,4	216,1	0,66
Стерлибашевский	594,0	649,1	841,4	603,5	685,6	2,11
Стерлитамакский	1 736,2	1 535,3	2 177,0	1 535,9	1 943,0	5,98
Татышлинский	415,8	394,0	464,0	468,6	477,8	1,47
Туймазинский	688,8	637,4	860,8	718,0	790,1	2,43
Уфимский	489,5	574,0	590,0	439,2	409,5	1,26
Учалинский	200,8	166,9	249,6	164,5	153,4	0,47
Фёдоровский	815,4	849,0	1062,8	863,4	925,5	2,85
Хайбуллинский	528,0	1 281,4	1080,8	168,2	270,9	0,83
Чекмагушевский	1 325,2	1 297,7	1 617,3	1 521,8	1 765,6	5,43
Чишминский	951,2	1 063,2	1 083,1	1 031,5	1 025,0	3,15
Шаранский	328,4	586,3	631,5	589,9	599,3	1,84
Янаульский	452,2	414,3	526,8	446,9	455,4	1,4

* доля районов от общереспубликанского производства зерна за 2019 г., %.

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Выделение типов аграрных экспортно-ориентированных зерновых районов основывалось на степени зависимости от процессов декарбонизации экономики:

1) экспортно-ориентированные аграрные районы с высокой степенью зависимости зернового хозяйства от процессов декарбонизации экономики – с удельным весом в производстве зерна от 4,0 до 6,0%;

2) экспортно-ориентированные аграрные районы со средней степенью зависимости зернового хозяйства от процессов декарбонизации экономики – с удельным весом в производстве зерна от 2,0 до 3,9%;

3) экспортно-ориентированные аграрные районы с низкой степенью зависимости зернового хозяйства от процессов декарбонизации экономики – с удельным весом в производстве зерна от 0,5 до 1,9%;

4) аграрные районы с производством зерна, не зависящие от процессов декарбонизации экономики, – с удельным весом в производстве зерна менее 0,4%.

Глава 5. ИНСТИТУТ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ЕГО ВИДЫ И ФУНКЦИИ

5.1. Развитие межмуниципального сотрудничества в Республике Башкортостан

В области международных, межрегиональных и внешнеэкономических связей Башкортостан устанавливает прямые связи в формате «R2R» – регион с регионом, принимает активное участие в движении городской парадипломатии – побратимстве. Международное сотрудничество нуждается в регламентации вопросов взаимодействия не только в рамках приграничного сотрудничества, но и в вопросах межмуниципальных отношений с другими странами и городами-побратимами.

Республика Башкортостан уделяет огромное значение расширению международных связей. За период с 1992 по 2020 гг. органами государственной власти Башкортостана было заключено и составлено более 40 соглашений и протоколов об осуществлении международных, межрегиональных и внешнеэкономических связей [239]. Четырнадцать соглашений заключено в разное время с провинциями Китайской народной республики, 5 – с Республикой Казахстан, 3 – с Республикой Беларусь, 2 – со Словацкой и Турецкой республиками и по 1 соглашению – с Болгарией, Румынией, Литвой, Молдовой, Италией, Таджикистаном, Латвией, Венгрией, Вьетнамом, Узбекистаном. Имеются также Соглашения о сотрудничестве между Правительством Республики Башкортостан и ЮНИДО в осуществлении проектов, направленных на устойчивое экономическое и социальное развитие.

Международная внешнеэкономическая деятельность осуществляется через открытие представительств торговых домов и Торгово-промышленной палаты Республики Башкортостан за рубежом, представительств Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан по внешнеэкономическим связям на общественных началах (Киргизская Республика, Республика Болгария и Республика Узбекистан). В практике республик бывшего СССР было взаимовыгодное сотрудничество с зарубежными партнерами из социалистического

лагеря. В Башкортостане сложились дружеские отношения с рядом стран. В новейшей истории республики устанавливаются связи в формате «R2R» – «region to region» – «регион с регионом» [245.] Этот формат позволит объединить усилия крупных компаний, малого и среднего бизнеса, создать кластеры с участием предпринимателей стран «пятерки» БРИКС и добиться синергетического эффекта в развитии наших экономик.

Торгово-экономическое и культурное сотрудничество продолжается и в сложившемся институте городской парадипломатии в рамках движения городов-побратимов «Объединенные города и местные власти». Договоры о побратимстве и приграничном сотрудничестве, по данным Минюста России, заключили 354 МО. Соглашения имеют 332 российских города о побратимских связях с 1 653 зарубежными МО. Наиболее развиты международные связи у МО республик Татарстан, Мордовия, Брянской и Белгородской областей [246]. В этом движении присутствуют все признаки всемирного охвата этой организацией, широта и демократичность членства, созданы восемь региональных отделений (евразийское отделение расположено в г. Казань).

На очереди унификация и формализация статуса участников этого движения в своих государствах. Институциональные основы этого движения связаны с Европой начала XX в. В 1913 г. был образован Международный союз городов. Как массовое явление данное движение получило распространение после Второй мировой войны и охватило муниципалитеты нескольких стран мира.

Так, г. Уфа на 2022 г. имеет 10 городов-побратимов. Самые давние отношения сложились с 1977 г. с городом Галле (земля Саксония-Анхальт, Германия), с 1997 г. были возобновлены. С 1997 г. установлены побратимские отношения с г. Анкарой (Турция), с 2011 г. – г. Шэньян (провинция Ляонин КНР), с 2016 г. – г. Цицикар (провинция Хэйлунцзян КНР), г. Хэфэй (провинция Аньхой КНР), г. Наньчан (провинция Цзянси КНР), с 2017 г. – с городами Нур-Султан (г. Астана, Республика Казахстан), Бишкек (Кыргызская Республика), Минск (Республика Беларусь). С марта 2022 г. побратимом г. Уфы стал г. Донецк (Донецкая народная республика).

Помимо г. Уфы, побратимским движением охвачены и другие города республики: г. Сибай с 2019 г. – побратим турецкого г. Урла, г. Стерлитамак с 2017 г. китайского г. Хуншань и др. В рамках этого движения происходит регулярный обмен деловыми, спортивными и

самодетельными делегациями. Организовано участие в проведении совместных культурно-массовых мероприятий.

Институциональными ограничениями международного межмуниципального сотрудничества являются следующие несоответствия в законодательстве: имеется регламентация вопросов взаимодействия приграничных муниципалитетов (Федерального Закона от 26.07.2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества»), в то время как детальной регламентации сотрудничества неприграничных муниципалитетов нет. Во внешнеэкономической деятельности существуют противоречия на уровне терминологии: в Федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». имеется термин «внешнеэкономические связи», а в Федеральном законе от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности» – «внешнеторговая деятельность».

Межмуниципальное межрегиональное сотрудничество является одним из важнейших механизмов повышения эффективности предоставления общественных услуг органами местного самоуправления, основанных на различных формах совместного финансирования, экономии на масштабе. Так, например, Башкортостан участвует в следующих ассоциациях: Общероссийский конгресс муниципальных образований, Союз Российских городов, «Ассоциация малых и средних городов России», «Ассоциация городов Поволжья», «Содружество добрых городов и сел» и др. Из сопредельных регионов России заключены соглашения с Курганской, Оренбургской, Челябинской областями и Пермским краем, а также с Кировской, Орловской, Новосибирской, Ульяновской областями, республиками Карелия и Крым, городами Санкт-Петербург, Новосибирск, Улан-Удэ и др.

Республика Башкортостан заключила соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве с 61 субъектом Российской Федерации. В открытом доступе находятся Соглашения о межрегиональном сотрудничестве между Башкортостаном и Оренбургской [247], Челябинской областями [248], Ставропольским [249], Пермским краями [250] и Республикой Татарстан [251]. Документы заключены в разное время и подписаны со стороны Республики Башкортостан представителем от

«Ассоциации «Совет муниципальных образований “Республики Башкортостан”», имеют идентичное содержание. Стороны договорились сотрудничать в области повышения эффективности деятельности МСУ, формирования единого муниципального информационного поля, распространении общих практик и пр.

Для достижения целей намерены проводить совместные мероприятия, обмен результатами правоприменительной практики, сотрудничество МСУ с органами государственной власти и др. Необходимо учитывать и такие сложные для регулирования моменты, как неформальные институты, которые заключаются в коррупционных схемах, коллизиях межведомственных интересов, ментальных особенностях населения (национальные, конфессиональные и культурные факторы).

Поэтому существующие межмуниципальные соглашения нередко носят символический характер и не оказывают должного влияния на товарообмен и инвестиционные процессы [252]. Необходимо внести поправки в нормативно-правовую базу, например, по уточнению статуса межмуниципальных некоммерческих организаций и обществ, созданию жизнеспособных организационно-правовых форм совместного хозяйствования. Соглашения о сотрудничестве позволяют обязать стороны к оговоренным действиям, четко обозначить их последовательность в документальном виде.

Следует отметить и пробелы действующего законодательства. Существуют коллизии между нормами федерального законодательства в вопросах распределения обязанностей при создании межмуниципальных хозяйственных обществ. В Федеральном законе № 131-ФЗ (ч. 1., ст. 68) местные представительные органы могут принимать решения об учреждении межмуниципальных хозяйственных обществ в форме непубличных акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. Но данное решение не согласуется с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральных законов: от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и от 8.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Помимо этого, важной причиной отказа от межмуниципальной кооперации является проблема множественной ответственности, в соответствии с которой интересы нескольких сторон должны быть сбалансированы при совместном предоставлении услуг, а также возникновение рисков утраты права собственности на имущество, решение частных задач в

ущерб общим. Федеральным законодательством установлен прямой запрет на создание межмуниципальных предприятий на основе совместного имущества (п. 4 ст. 2 Федерального закона от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»).

Межмуниципальное сотрудничество в Республике Башкортостан представлено с 2006 г. Ассоциацией «Совет МО Республики Башкортостан», главной задачей которой является наблюдение за деятельностью МО и правоммерностью принимаемых ими решений. Согласно Уставу, Совет выполняет задачи по выработке единой позиции в решении социально значимых проблем, участию в формировании республиканских и межмуниципальных программ комплексного развития территорий, сбору и анализу информации по вопросам местного самоуправления, подготовке и переподготовке кадров, депутатов и выборных должностных лиц местного самоуправления. При этом Совет не имеет права вмешиваться в деятельность МО и не несет ответственности по их обязательствам. Ряд авторов определяют межмуниципальное сотрудничество как «направление деятельности органов местного самоуправления по эффективному управлению собственной территорией, способствующее выражению и защите общих социальных, экономических, культурных, политических интересов МО, а также решению вопросов местного значения и осуществление прав граждан на местное самоуправление» [253, с. 16–19].

Институциональные ограничения в межмуниципальном сотрудничестве связаны с правоприменительной практикой в части создания межмуниципальной кооперации. Например, в том же Федеральном законе № 131-ФЗ не рассматривается термин «вопросы местного значения межмуниципального характера» и не регулируется порядок их решения, запрещается наделять межмуниципальные объединения полномочиями органов местного самоуправления. Федеральным законодательством установлен прямой запрет на создание межмуниципальных предприятий на основе совместного имущества (п. 4 ст.2 Федерального закона от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»). Заключение договоров безвозмездного пользования, аренды и иных договоров, предусматривающих переход прав владения или пользования муниципальным имуществом, может быть осуществлено только по результатам проведения конкурсов или аукционов

в соответствии со ст. 17.1 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Соответственно, муниципалитеты фактически не могут передать функции муниципальных учреждений, созданных отдельными МО, межмуниципальной некоммерческой организации.

Снятие этих и других институциональных ограничений является актуальной задачей в межмуниципальном сотрудничестве. Как видно, институциональные ограничения связаны с правоприменительной практикой.

5.2. Эффективность институциональных изменений в межмуниципальном сотрудничестве Российской Федерации

В классической институциональной экономике эффективность институциональных изменений рассматривалась с нескольких точек зрения:

– как эффективность, измеряемая приростом стоимости и благосостояния общества, при пассивной роли государства [254, 255];

– как институциональные изменения, которые прямо направлены на повышение эффективности отраслей экономики;

– как явления, имеющие перераспределительную природу [256, 257].

В законе №131-ФЗ в редакции от 30.12.2021 г. ст. 8. только 4 пункта регулируют межмуниципальное сотрудничество в Российской Федерации: в каждом субъекте образуется совет МО; об образовании единого общероссийского объединения МО; иные образования на основе Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»; для решения вопросов местного значения могут быть образованы межмуниципальные объединения, могут заключаться договора и соглашения.

Правоприменительная практика показала, что положений недостаточно для эффективного межмуниципального сотрудничества.

Одним из существенных преимуществ Федерального закона от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» эксперты отмечают детальную регламентацию международного сотрудничества на муниципальном уровне [258, с. 41].

В ст. 78 определяются полномочия федерального органа исполнительной власти на осуществление функций по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления.

Ст. 80 регламентирует полномочия органов местного самоуправления в сфере международных и внешнеэкономических связей: проведение встреч, консультаций с представителями государственно-территориальных, административно-территориальных и МО иностранных государств; заключение соглашений; участие в деятельности межмуниципального сотрудничества в рамках специально созданных органов; участие в разработке и реализации проектов международных программ межмуниципального сотрудничества и др.

Ст. 81 говорит о заключении Соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления с высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации, на территории которого расположено соответствующее МО.

Ст. 82 информирует об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления: до 15 января глава МО информирует уполномоченный орган госвласти в субъекте Российской Федерации об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления и о результатах осуществления таких связей в предыдущем году. До 1 февраля высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации информирует федеральный орган об осуществлении деятельности и результатах за предыдущий год.

Институциональные изменения в новом законопроекте носят эволюционный характер, которые меняют институциональную среду, дополняя недостающие положения для успешной реализации межмуниципального сотрудничества. «Главная институциональная особенность межмуниципального сотрудничества заключается в иерархии институтов и институциональных связей, которые образуют институциональную среду» [259, с. 58].

Это не значит, что данный законопроект имеет законченный вид и не будет нуждаться в дополнениях и изменениях. Ограниченная рациональность обусловлена невозможностью спрогнозировать последствия принимаемых решений.

Эффективность институциональных изменений в межмуниципальном сотрудничестве, согласно новому закону, складывается из нескольких показателей: учет недостающих положений и регламентов, экономия на масштабе, сокращение государственных расходов в связи с уменьшением общего количества МО, снижение транзакционных издержек, отмена экстрактивных институтов:

1. В новом законопроекте нашли отражение положения и нововведения, которые были обозначены экспертным сообществом при обсуждении в частности и проблем межмуниципального сотрудничества. Регламентируется деятельность межмуниципальных непубличных акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. Регулируется международное сотрудничество на муниципальном уровне и др.

2. Масштабное сокращение государственных расходов, включая реализацию мер по бюджетной экономии в муниципалитетах, также идет тенденция к их укрупнению. Это связано с формированием новой одноуровневой модели организации органов местного самоуправления: «по данным экспертов, общее количество МО ориентировочно сократится с более чем 20 до 3 тыс.» [258, с. 36]. Таким образом, экономическая эффективность институциональных изменений будет складываться, по теории К. Эрроу, от снижения затрат на управление экономической системой и экономии на масштабе [260].

3. Возможные массовые сокращения численности бюрократии, муниципальных служащих, депутатского корпуса (сокращение расходов на содержание чиновничьего аппарата, зарплаты чиновников, административных зданий). Важное институциональное ограничение связано с интересами бюрократии в неэффективном использовании бюджетных средств. На этот парадокс обратил внимание В. Нисканен и развил его в идее «максимизирующего бюрократа». «Согласно этой модели, “рациональный” бюрократ ищет любые возможности увеличения подконтрольного ему бюджета (бюджета организации, подразделения) для укрепления своего административного положения, расширения сферы управленческого влияния. При отсутствии конкуренции бюрократия стремится «продать» свои услуги, ориентируясь не на равенство их предельной полезности и предельных издержек, а исходя из возможности максимального “освоения” бюджетных средств» [261, с. 91].

5.3. Совершенствование российских институтов межмуниципального взаимодействия в новых условиях

Институциональные основы развития межмуниципального сотрудничества Российской Федерации на всех уровнях обусловлены необходимостью эффективного использования бюджетных средств и распределения их в стране, оптимизации системы разделения труда, создания условий для производственной кооперации. Все это должно способствовать преодолению санкционных ограничений. Установление прямых связей между хозяйствующими субъектами, разработка и реализация совместных проектов, создание условий для привлечения инвестиций, развитие инфраструктуры, информационная поддержка, расширение культурных обменов, научного и гуманитарного сотрудничества – это те механизмы, которыми регионы и муниципалитеты могут успешно пользоваться для выстраивания взаимовыгодных отношений с иностранными партнерами.

В силу сложившейся институциональной среды, прежде всего коллизий в федеральном законодательстве, межмуниципальное сотрудничество в стране сильно ограничено формальными институтами. Исходными данными исследования являются Федеральные законы Российской Федерации: № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», № 172-ФЗ от 28.06.2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации», № 179-ФЗ от 26.07.2017 г. «Об основах приграничного сотрудничества», № 184-ФЗ от 06.10.1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», № 14-ФЗ Федеральный закон от 08.02.1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью», № 7-ФЗ от 12.01.1996 г. «О некоммерческих организациях», № 4-ФЗ от 4 января 1999 г. «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», № 164-ФЗ от 8.12.2003 г. «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», № 161-ФЗ от 27.06.2011 г. «О национальной платежной системе», № 307-ФЗ от 30.12.2008 г. «Об аудиторской деятельности», № 135-ФЗ от 26.07.2006 г. «О защите конкуренции» и другие нормативные акты, а также материалы к заседанию Совета по местному самоуправлению

при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Межмуниципальное сотрудничество: эффективные практики, проблемы и перспективы развития», Решение и Программа данного Совета от 15 декабря 2020 г., «Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образований» и др.

Имеется также значительное количество соглашений и договоров межмуниципального сотрудничества между муниципалитетами на региональном, межрегиональном и межгосударственном уровнях. Примеры таких соглашений (договоров) многочисленны: выполнение одноразовой задачи (культурный фестиваль), организация автобусной перевозки школьников, управление промышленной зоной, разделение работы отдельных должностных лиц на несколько муниципалитетов, поддержание трансграничного сотрудничества.

Можно сказать, что функционирование институтов межмуниципального и межтерриториального сотрудничества имеет значительный потенциал развития, но в настоящий момент имеет декларативный и малофункциональный характер, с одной стороны, и работает в режиме спорадического действия – с другой.

В России существует незначительное число успешно действующих практик, поэтому возникла необходимость в пересмотре формальных институтов межмуниципального сотрудничества. С этой целью в декабре 2020 г. было проведено Советом по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации заседание «Межмуниципальное сотрудничество: эффективные практики, проблемы и перспективы развития». В материалах к этому заседанию был обобщен российский опыт межмуниципального и межтерриториального сотрудничества; обозначены основные противоречия в законодательстве как в области терминологии и правоприменительной практики, так и в области межбюджетных отношений. На основе этих документов был составлен SWOT-анализ современного состояния межмуниципального сотрудничества в России (табл. 50).

SWOT-анализ современного состояния межмуниципального сотрудничества в России

Сильные стороны	Слабые стороны
<p>Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ предусмотрена возможность разработки в соответствии с законом субъекта Российской Федерации стратегий социально-экономического развития части его территории.</p>	<p>Урегулированы только вопросы взаимодействия приграничных муниципалитетов Федеральный закон от 26.07. 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества».</p>
<p>Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ предусмотрены следующие формы межмуниципальной кооперации:</p> <ul style="list-style-type: none"> – советы МО субъектов Российской Федерации (ст. 66); – общероссийское объединение МО (ст. 67); – межмуниципальные организации (ст. 68); – некоммерческие организации МО, учредителями которых выступили два и более МО (ст. 69); – сотрудничество на основе заключенных органами местного самоуправления МО договоров и соглашений о сотрудничестве и совместной деятельности (ст. 8 и 35). 	<p>Коллизии между нормами федерального законодательства в вопросах распределения обязанностей при создании межмуниципальных хозяйственных обществ. В ч.1 ст. 68 № 131-ФЗ местные представительные органы могут принимать решения об учреждении межмуниципальных хозяйственных обществ в форме непубличных акционерных обществ с ограниченной ответственностью. Но данное решение не будет согласовываться с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации и федеральных законов: от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», в которых такие ограничения не предусмотрены.</p>
<p>В соответствии со ст. 26.3 Федерального закона от 06.10.1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» дорожная деятельность в отношении дорог межмуниципального значения, а также транспортное обслуживание населения в межмуниципальном и пригородном сообщении отнесены к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения.</p>	<p>С точки зрения консолидации межмуниципальных бюджетных средств перспективными направлениями могут стать дорожная деятельность и транспортное обслуживание населения. Но в данном случае в кооперации должны принимать участие не только органы местного самоуправления, но и органы государственной власти субъекта Российской Федерации.</p>

Сильные стороны	Слабые стороны
Преимущества межмуниципального и межтерриториального сотрудничества: экономия от масштаба; снижения количества юридических лиц; улучшение качества услуг.	Ключевой причиной отказа от межмуниципальной кооперации является проблема множественной ответственности, в соответствии с которой интересы нескольких заинтересованных сторон должны быть сбалансированы при совместном предоставлении услуг.
Учредителями и членами ассоциации являются муниципалитеты-партнеры как публично-правовые образования. Финансовая система формируется в соответствии с правилами бухгалтерского учета в коммерческом секторе. Бюджет организации может получать поддержку из бюджетов разных уровней, включая гранты от муниципалитетов.	Противоречие норм законодательства о местном самоуправлении об обязательном характере межмуниципальных ассоциаций и норм гражданского законодательства, регулирующих правовое положение некоммерческих организаций и закрепляющих в качестве принципа их деятельности добровольность объединения.
Учитывая особенности территориального расположения МО на добровольной основе могут быть образованы иные объединения, которые регулируются Федеральным законом от 12.01.1996 г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» в части регламентации деятельности ассоциаций.	Не урегулированы инструменты межмуниципального хозяйственного сотрудничества, отсутствует порядок заключения и реализации межмуниципальных соглашений (Рекомендации Комитета Государственной думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления от 05.03.2019 г. № 91/7 по итогам «круглого стола» на тему «Вопросы законодательного регулирования городских агломераций и межмуниципального сотрудничества»).
Публично-правовой институт межтерриториальной кооперации реализуется в решении муниципалитетов-основателей относительно ведения общей политики, стратегических задач, развития общей инфраструктуры. Целью такой формы может быть повышение конкурентоспособности для привлечения инвесторов.	Внедрение в практику механизмов межмуниципальной кооперации может сопровождаться возникновением ряда рисков, которые следует заранее соотносить с предполагаемыми выгодами. Например, утрата права собственности на имущество, решение частных задач в ущерб общим и пр.
В целях объединения финансовых средств, материальных и иных ресурсов для решения вопросов местного значения могут быть образованы межмуниципальные объединения, учреждены хозяйственные общества и другие межмуниципальные организации в соответствии с федеральными законами и нормативными правовыми актами представительных органов МО.	Муниципалитеты фактически не могут передать функции муниципальных учреждений, созданных отдельными МО, межмуниципальной некоммерческой организации.

Сильные стороны	Слабые стороны
Возможность предоставления «горизонтальных» субсидий на муниципальном уровне введена с 01.01.2020 г. ст. 142.3 Бюджетного кодекса Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 02.08.2019 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования межбюджетных отношений»).	Невозможность МО как учредителей непосредственно определять содержание их работы и осуществлять контроль за распоряжением имуществом и оказанием муниципальных услуг
Угрозы	Возможности
№ 131-ФЗ не содержит такого термина, как «вопросы местного значения межмуниципального характера» и не регулирует порядок их решения.	Внесение изменений в Федеральный закон от 04.01.1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Возможность на основе федеральных законов от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ и от 04.01.1999 г. № 4-ФЗ разработать и принять новый, единый для регионального и муниципального уровней Федеральный закон «О координации международных связей субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», содержащий соответствующее правовое регулирование.
Нормы законов о внешнеторговой экономической деятельности противоречивы даже на уровне терминологии: в № 131-ФЗ имеется термин «внешнеэкономические связи», а в Федеральном законе от 8.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» – «внешнеторговая деятельность».	Неформальные объединения не нуждаются в правовой основе и зачастую сводятся к встречам лидеров муниципальных образований для обсуждения ряда вопросов по совместным интересам.
Федеральным законодательством установлен прямой запрет на создание межмуниципальных предприятий на основе совместного имущества (п. 4 ст. 2 Федерального закона от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»).	Финансовая система межмуниципальной кооперации может быть сформирована по аналогии с той, которая действует в муниципалитетах, при этом важно, чтобы была гарантирована финансовая автономия, то есть возможность включать в бюджет доходы от продаж, сборы, гранты и трансферты, заемные средства.
Не предусмотрена возможность создания межмуниципальных образований по решению вопросов местного значения на территории двух и более муниципалитетов. Более того, ч. 4	Для решения этой проблемы следует рассмотреть возможность заключения соглашений о передаче части полномочий между муниципальными районом (либо поселениями, входящими в его состав)

Угрозы	Возможности
<p>ст. 8 Федерального закона №131-ФЗ прямо запрещает наделять межмуниципальные объединения полномочиями органов местного самоуправления</p>	<p>сопредельными с ним территориями.</p>
<p>Значительная часть доходов межмуниципальной кооперации формируется из различных средств местных бюджетов. Возникают вопросы о соотношении в пропорциях производимых отчислений. В общей практике они исходят из подушевого показателя, они отличаются и зависят от количества населения. В малонаселенных районах расходы на одного человека выше.</p>	<p>Организация электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжение топливом; организация транспортного обслуживания населения; услуги связи, общественного питания, бытового обслуживания; организация сбора хранения и безопасной утилизации бытовых отходов (мусор); организация ритуальных услуг и содержание мест захоронения; обеспечение библиотечного обслуживания; организация культурно-досуговых услуг; создание условий для сохранения и развития традиционного народного творчества; обеспечение условий для развития физической культуры и спорта; организация работы с детьми и молодежью; организация мероприятий по охране окружающей среды; организация общедоступного и бесплатного школьного образования; создание условий для оказания бесплатной медицинской помощи.</p>
<p>Заключение договоров безвозмездного пользования, аренды и иных договоров, предусматривающих переход прав владения или пользования муниципальным имуществом, может быть осуществлено только по результатам проведения конкурсов или аукционов в соответствии со ст. 17.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Соответственно, муниципалитеты фактически не могут передать функции муниципальных учреждений, созданных отдельными муниципальными образованиями, межмуниципальной некоммерческой организации»</p>	<p>Создание межмуниципальных хозяйственных обществ целесообразно в тех областях, где услуга не является бюджетной и предоставляется уже преимущественно на рыночных условиях.</p>

Источник: составлено авторами по [246].

Важный вопрос регулирования межмуниципальных отношений касается финансовых аспектов. Проблемы местных бюджетов

обусловлены несоответствующим уровнем финансовой обеспеченности возложенным на них полномочиям. Органы местного самоуправления участвуют в региональных мероприятиях, направленных на реализацию национальных проектов и Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры.

Вместе с тем имеется ряд вопросов, которые осложняют работу органов местного самоуправления по реализации мероприятий в рамках национальных проектов. В частности, существует необходимость повышения финансовой обеспеченности бюджетов МО в целях реализации национальных проектов. В отдельных случаях, например, в бюджете муниципального образования отсутствуют в необходимом объеме средства для разработки проектно-сметной документации по объектам, создаваемым в рамках национальных проектов. Причины этого кроются в узкой доходной базе муниципальных бюджетов, высокой зависимости от финансовой помощи из бюджетов вышестоящего уровня, объема налоговых и неналоговых доходов. Все это приводит к высокой долговой нагрузке на местные бюджеты (по состоянию на 01.01.2020 г. объем муниципального долга составил 380,5 млрд руб. – 23,7% к доходам местных бюджетов). В таких условиях органы местного самоуправления не способны проводить эффективную финансово-бюджетную политику и решать вопросы местного значения [246, с. 9].

Одним из перспективных инструментов решения вопросов местного значения в рамках межмуниципального сотрудничества может являться возможность предоставления субсидий из бюджета одного МО в бюджет другого через «горизонтальные» субсидии. Такая возможность установлена Федеральным законом от 02.08.2019 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования межбюджетных отношений». Согласно этому закону, указанные субсидии предоставляются из бюджета МО бюджетам других МО в целях софинансирования расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения [246, с. 9–10].

Другим важным инструментом решения вопросов местного значения в рамках межмуниципального сотрудничества может являться возможность предоставления в 2020 г. так называемых «горизонтальных» бюджетных кредитов из бюджета одного МО

бюджету другого, входящего в состав одного субъекта Российской Федерации [246, с. 10]. Цели предоставления бюджетного кредита и размеры платы за пользование бюджетным кредитом устанавливаются местным парламентом муниципалитета – кредитора.

Введение такого инструмента сотрудничества на муниципальном уровне расширяет механизмы осуществления муниципальных внутренних заимствований (в настоящее время п. 3 ст. 93.3 Бюджетного кодекса Российской Федерации предусмотрена возможность предоставления бюджетных кредитов бюджетам городских, сельских поселений (внутригородских районов) из бюджетов муниципальных районов (ГО с внутригородским делением), то есть «вертикальных» бюджетных кредитов между МО) и возможности для обеспечения устойчивости бюджетов органов местного самоуправления в условиях пандемии [246, с. 10].

С 2020 г. продолжилась реализация инициативного бюджетирования уже в соответствии с новыми федеральными законами от 20.07.2020 г. № 216-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» и № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». Эти нормативные акты закрепляют правовые основы инициативного бюджетирования.

Федеральный закон № 236-ФЗ регламентирует выдвижение, рассмотрение и реализацию проектов, инициируемых населением. Регулируется порядок выдвижения и обсуждения инициативы граждан, направленных на осуществление проекта, порядок согласования с местной администрацией, возможность уплаты добровольных платежей, трудового участия в реализации проекта, право граждан на общественный контроль.

В Федеральном законе № 216-ФЗ регулируется порядок покрытия расходов из неналоговых доходов местных бюджетов. Рассматривается также понятие инициативных платежей, зачисляемых в местный бюджет и направленных на реализацию инициативных проектов. Согласно Доклада о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях [262], наиболее востребованными проектами в рамках инициативного бюджетирования стали мероприятия по ремонту и строительству

дорог, благоустройству дворов и придомовых территорий, детские игровые площадки и др.

В Решении Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Межмуниципальное сотрудничество: эффективные практики, проблемы и перспективы развития» [246] от 15 декабря 2020 г. комитетам Государственной Думы и Совета Федерации были даны важные рекомендации уделять приоритетное внимание проектам федеральных законов, направленных на создание благоприятных условий для межмуниципального сотрудничества, правовых возможностей и механизмов оказания организационной, финансовой и другой поддержки; Правительству Российской Федерации – содействовать развитию городских агломераций с общей численностью населения до 500 тыс. чел., расположенных на территориях России, характеризующихся оттоком населения, и на геостратегических территориях.

Даны рекомендации министерствам, ведомствам, органам власти субъектов Российской Федерации, советам МО субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления проводить мониторинг деятельности межмуниципальных объединений, хозяйственных обществ, обобщать опыт организации межмуниципального сотрудничества и т.д.; органам Всероссийской ассоциации развития местного самоуправления – осуществлять мониторинг и изучение эффективных практик межмуниципального сотрудничества и их тиражирование [246].

5.4. Муниципальная реформа в России: перспективы ее реализации

В 2023 г. исполнится 20 лет с момента принятия Федерального закона Российской Федерации от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [263], который явился началом реформы местного самоуправления в современной России. Муниципальная реформа на начальном этапе имела задачи вовлечения граждан в осуществление своего права на решение собственных вопросов, обеспечения самостоятельности местных органов власти и приближения модели местного самоуправления к нормам развитых стран. К сожалению, указанные задачи не были реализованы в полной мере.

Текущее состояние муниципалитетов России не позволяет им эффективно и самостоятельно решать вопросы местного значения. Особо остро проблема самостоятельности (в том числе финансовой) стоит на низовом уровне – у сельских поселений. Так, Республика Башкортостан является одним из регионов-лидеров по количеству сельских поселений (их количество на сегодняшний день составляет 818 ед.), и они все находятся в идентичных финансово-экономических условиях правового поля Российской Федерации несмотря на то, что их характеристики очень сильно отличаются между собой. Так, разброс в площади территорий сельских поселений Башкортостана составляет 2 731,6 раза, в численности населения – 187,2 раза, по доходам местных бюджетов – в 600,36 раз. На текущее положение сельских поселений оказывают значительное влияние современные тенденции территориального развития России, а именно усиление агломерационных процессов, которые приводят к вымыванию населения из сельских территорий. Кроме того, проведенные реформы в налоговом и финансовом законодательстве страны за последние 20 лет также привели к снижению источников налоговых и неналоговых доходов сельских поселений.

Проблемы финансовой самостоятельности МО, сложность и запутанность действующего законодательства о местном самоуправлении, огромное число внесенных изменений в ФЗ-131, сохраняющаяся дотационность МО, проблемы разграничения полномочий между муниципалитетами в России и ряд других осознавались научным сообществом и политическими институтами и в конечном итоге привели к разработке нового закона о местном самоуправлении.

16 декабря 2021 г. в Государственную Думу Российской Федерации сенатором А.А. Клишасом и депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым был внесен законопроект № 40361-8, предусматривающий введение нового федерального закона, регулирующего осуществление местного самоуправления в Российской Федерации (далее – законопроект) [264]. Согласно пояснительной записке, законопроект направлен на создание обновленной модели организации и деятельности органов местного самоуправления и приведение ее в соответствие с правовой природой местного самоуправления. Текст законопроекта построен на действующем основном законе о местном самоуправлении – ФЗ-131, однако он был переработан, некоторые главы устранили и введены

новые: теперь их отражает соответствующее им содержание (территориальные, организационные, функциональные, экономические основы местного самоуправления).

Ключевые нововведения законопроекта касаются в первую очередь понятия муниципальных образований, их видов и способов формирования органов местного самоуправления (рис. 25). Так, в отличие от ФЗ-131, законопроект впервые предлагает содержательное определение понятия МО как «территории с постоянно проживающим населением, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления» (ст. 9 законопроекта).

Рис. 25. Ключевые нововведения законопроекта

Наиболее важным изменением (и самым спорным пунктом в обсуждениях законопроекта) является устранение двухуровневой системы местного самоуправления и введение на территории России одноуровневой, предусматривающей, что местное самоуправление

будет осуществляться только в МО трех видов: ГО, муниципальный округ, внутригородская территория города федерального значения.

Переход к такой одноуровневой системе подразумевает три основных момента: 1) устранение МО низового уровня (городских и сельских поселений, внутригородских районов); 2) преобразование всех муниципальных районов в муниципальные округа; 3) преобразование недавно появившихся в стране городских округов с внутригородским делением в городские округа.

Согласно пояснительной записке к законопроекту, целями введения одноуровневой системы являются повышение эффективности органов местного самоуправления, укрепление финансовой основы их деятельности на основе устранения высокودотационных муниципалитетов нижнего уровня. Однако ни финансово-экономических, ни правовых обоснований введения одноуровневой системы в законопроекте не содержится. Несмотря на то, что, по словам авторов законопроекта, «органы местного самоуправления муниципальных районов, городских и сельских поселений “объединяются”, а не ликвидируются» [265] и на территории муниципальных и городских округов появятся территориальные органы их администраций, принятие закона приведет не просто к сокращению количества муниципалитетов, но и к необходимости реализации огромного пласта работ по «удалению» поселенческого уровня в системе местного самоуправления.

Устранив поселенческий уровень, авторы законопроекта также отказались от принципа пешеходной доступности, оставив только транспортную (для ГО и муниципального округа). Это также является одним из спорных моментов, поскольку население будет оторвано от власти (особенно в условиях огромных территорий и низкой плотности).

Ключевые нововведения в организационных основах местного самоуправления касаются изменения способов формирования и роспуска отдельных органов местного самоуправления, их компетенции. Так, для представительного органа МО законопроектом предусматривается единственный способ формирования представительного органа МО – муниципальные выборы, что является логичным в связи с устранением сельских советов и отсутствием необходимости избирать делегатов на районный уровень. Помимо этого, устраняется необходимость в сходе граждан, поскольку МО с численностью населения менее 100 чел. не будет.

Для главы МО предлагается оставить только два варианта избрания: 1) на муниципальных выборах; 2) представительным органом МО либо из своего состава, либо из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Федерации. Кроме того, законопроект предлагает также синхронизировать сроки полномочий главы МО, избранного представительным органом МО из своего состава и исполняющего полномочия председателя представительного органа МО, со сроком полномочий соответствующего представительного органа МО.

Еще одной новацией является возможность вхождения территориальных органов в структуру местной администрации ГО и муниципального округа. Это должно обеспечить привязку органов местного самоуправления к населению и заменить бывшие органы местного самоуправления поселений. В случае, если будут созданы территориальные органы местной администрации, то она будет представлять собой коллегиальный орган. Авторы законопроекта не уточняют, каким образом будет функционировать такой орган, однако в целом логика использования коллегиального способа принятия решений для административного органа является очень спорной.

Для отражения вопросов полномочий органов местного самоуправления авторы законопроекта вводят главу «Функциональные основы организации местного самоуправления», ключевыми нововведениями которой являются следующие:

1) вводится термин «вопросы непосредственного жизнеобеспечения» вместо применяемого в ФЗ-131 термина «вопросы местного значения»;

2) отсутствует привязка полномочий к отдельным видам МО (установленная в ФЗ-131). Поскольку предлагается оставить только три вида МО и ввести одноуровневую модель местного самоуправления, то отпадает необходимость в классификации полномочий органов местного самоуправления по видам МО;

3) устанавливается идентичный объем полномочий для городских и муниципальных округов;

4) предлагается новая конструкция в виде двух перечней полномочий:

– перечень полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (27 пунктов) – является общим для МО всех видов. К нему относятся полномочия по решению вопросов

местного (локального) характера, не требующих, как правило, привлечения значительных финансовых ресурсов [266]. Данные полномочия являются неотъемлемыми для местного самоуправления и закрепляются в законе как полномочия органов местного самоуправления;

– перечень полномочий, которые могут закрепляться за органами местного самоуправления в целях обеспечения жизнедеятельности населения законом субъекта Федерации (28 пунктов) – он именуется «перераспределенные полномочия», которые исполняются органами власти субъектов Федерации. Это, как правило, «ресурсоемкие полномочия, которые связаны с реализацией на территории МО государственной политики в определенной сфере» [266].

В целом предлагаемая глава значительно структурирует положения ФЗ-131 о полномочиях органов местного самоуправления как по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности органов местного самоуправления, так и в отношении других полномочий.

В качестве других нововведений можно отметить:

1) установление возможности одновременного замещения главой МО государственной должности и муниципальной должности;

2) установление для всех должностных лиц местного самоуправления единого срока полномочий – пять лет;

3) в качестве одного из оснований для удаления главы МО в отставку предлагается установить систематическое недостижение показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления;

4) более полную классификацию форм межмуниципального сотрудничества;

5) введение главы «Международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления».

В целом можно отметить, что предлагаемый законопроект позволит значительно структурировать текст ФЗ-131, устранить большое количество дополнительных и убрать отсылочные статьи. Однако ряд спорных положений, касающихся введения одноуровневой системы местного самоуправления, отдельных способов формирования органов местного самоуправления, наделения лица как муниципальной, так и государственной должностью, требуют более подробного рассмотрения. Особенно спорным является вопрос введения одноуровневой системы, которое

в случае принятия закона приведет к сокращению количества видов МО в России на 17 697 ед., или в 7,8 раза. Кроме того, по мнению экспертов, принятие закона может привести к снижению самостоятельности органов местного самоуправления и доступности власти для населения.

5.5. Межтерриториальная интеграция в документах стратегического направления регионального уровня

Значимость межтерриториальной интеграции регионального и муниципального уровней для региональной пространственной политики характеризуется степенью ее включения в соответствующие стратегические документы.

Согласно Федеральному закону от 28.06.2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» к документам стратегического планирования, разрабатываемым на уровне субъекта Российской Федерации, относятся стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и план мероприятий по ее реализации, прогнозы социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный и среднесрочный периоды, а также бюджетный прогноз, государственные программы субъекта Российской Федерации, схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации [267].

В первую очередь межтерриториальное взаимодействие должно учитываться в стратегиях социально-экономического развития и схемах территориального планирования субъектов Федерации. Но если в последних он может и не упоминаться в терминах межтерриториального взаимодействия, но, как правило, присутствует в той или иной форме (например, в виде агломераций), то в стратегиях социально-экономического развития все не так очевидно.

В «Методических рекомендациях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации», утвержденных приказом Минэкономразвития России от 23 марта 2017 г. № 132 (далее – Методические рекомендации) [268], содержатся требования к основным разделам региональных стратегий, среди которых имеется только один, имеющий отношение к межтерриториальному

взаимодействию, именуемый как «раздел, содержащий основные направления развития межрегиональных и внешнеэкономических связей субъекта Российской Федерации». В данном разделе следует отражать:

а) результаты комплексного анализа современных региональных особенностей межрегионального сотрудничества и внешнеэкономической деятельности;

б) направления и механизмы государственной поддержки;

в) межрегиональные инвестиционные проекты и проекты в сфере внешнеэкономического сотрудничества с участием субъекта Российской Федерации;

г) прогноз развития межрегионального товарного обмена и внешнеторгового оборота субъекта Российской Федерации;

д) приоритеты и направления межрегионального и внешнеэкономического сотрудничества и связей субъекта Российской Федерации, сроки достижения указанных приоритетов, в том числе целесообразность его участия в межрегиональных инвестиционных проектах инновационной, производственной, инфраструктурной и социальной направленности.

Цели, задачи, формы и направления межтерриториального взаимодействия, а также требования к ним в Методических рекомендациях не представлены. Таким образом, каждый субъект самостоятельно определял необходимость отражения тех и иных аспектов межтерриториального взаимодействия в своих стратегиях.

В исследовании проведен анализ содержания стратегий социально-экономического развития субъектов ПФО (14 субъектов) по состоянию на июль 2022 г. Из 14 субъектов ПФО у двух отсутствует стратегия, разработанная согласно Федеральному закону от 21.12.2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» – это Пермский край и Удмуртская Республика, и содержание данных стратегий значительно отличается от других. В целом проанализированные стратегии рассматривают межтерриториальное взаимодействие с позиций межрегионального (в первую очередь экономического), кластерного взаимодействия (то есть с позиции кооперации предприятий региона), территориального и пространственного развития (в том числе развития городских агломераций), а также организации территорий с особым экономическим статусом (в том

числе территорий опережающего социально-экономического развития – ТОСЭР) (табл. 51).

Таблица 51

Представление межтерриториального взаимодействия в стратегиях ПФО

Наименование Стратегии	Указанные в Стратегии аспекты и формы межтерриториального взаимодействия
1	2
Стратегия социально-экономического развития Кировской области на период до 2035 года	1) взаимодействие в рамках территориального развития; 2) кластерное взаимодействие; 3) межмуниципальное взаимодействие
Стратегия социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2030 года	1) межрегиональное сотрудничество в договорной форме – соглашения о социально-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве республики с другими субъектами Российской Федерации; 2) развитие городских агломераций
Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года	1) межтерриториальная кооперация; 2) кластерное взаимодействие; 3) взаимодействие в рамках территориального развития
Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года	1) межрегиональное сотрудничество в договорной и хозяйственной формах (формирование трансграничных кластеров, реализация межрегиональных инфраструктурных проектов); 2) развитие городских агломераций; 3) кластерное взаимодействие
Стратегия развития Оренбургской области до 2020 года и на период до 2030 года	1) трансграничное сотрудничество; 2) межмуниципальное взаимодействие; 3) кластерное взаимодействие; 4) взаимодействие в рамках территориального развития
О стратегии социально-экономического развития Пензенской области на период до 2035 года	1) кластерное взаимодействие; 2) развитие ТОСЭР; 3) развитие городских агломераций
Новая стратегия в разработке. Действует Стратегия социально-экономического развития Пермского края до 2026 года	межтерриториальное взаимодействие рассматривается в Стратегии с позиции территориального развития
Стратегия социально-экономического развития	1) кластерное взаимодействие; 2) развитие городских агломераций – реализация

1	2
Самарской области на период до 2030 года	Концепции развития Самарско-Тольяттинской агломерации на период до 2035 года и вовлечение периферийных территорий Самарской области в агломерационные процессы; 3) межмуниципальное взаимодействие
Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года	1) кластерное взаимодействие; 2) ТОСЭР; 3) развитие городских агломераций; 4) межмуниципальные экономические связи (межмуниципальная кооперация)
Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года	1) взаимодействие МО в рамках метрополиса и входящих в него агломераций; 2) взаимодействие МО в рамках экономических зон, сельских территорий; 3) кластерное взаимодействие
Новая стратегия в разработке. Имеется разработанная в 2009 г. Стратегия социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 года	1) кластерное взаимодействие; 2) развитие городских агломераций; 3) развитие межрегиональных и внутрирегиональных инфраструктурных связей; 4) ТОСЭР в моногородах
Стратегия социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года	1) кластерное взаимодействие; 2) развитие городских агломераций
Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 года	1) кластерное взаимодействие; 2) развитие городских агломераций; 3) международное и межрегиональное сотрудничество (в первую очередь экономическое)
Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года	1) кластерное взаимодействие; 2) развитие городских агломераций; 3) межрегиональное сотрудничество (в первую очередь экономическое); 4) межмуниципальное сотрудничество; 5) ТОСЭР

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Рассмотрим более подробно отдельные формы межтерриториального взаимодействия:

1. Кластерное взаимодействие (12 стратегий из 14).

Большинство стратегий в разделе, посвященном экономическому развитию региона, содержат результаты анализа существующих

и потенциальных кластеров, основные проблемы и перспективы их развития, а также институциональные меры по их формированию и развитию, в том числе за счет кооперации предприятий, расположенных на территории различных муниципалитетов. Так, в Стратегии Нижегородской области установлена стратегическая цель «сформировать глобально конкурентоспособный, высокопроизводительный сектор промышленности, обеспечить развитие стратегической специализации на перспективной высокотехнологичной промышленности: атомной, фармацевтической, медицинской и пр., а также инжиниринге, автоматизации производства», которая включает задачу «создания и развития кластеров в отраслях промышленности» за счет проведения различного рода мер, в том числе исследования цепей создания стоимости и стоимости ведения бизнеса, содействия формированию и развитию кластеров, управляющих компаний кластеров, фондов развития и программ развития кластеров, содействия расширению производственных цепочек в рамках кластеров и др.

2. Развитие городских агломераций (10 стратегий из 14).

Большинство стратегий в рамках раздела, посвященного пространственному развитию региона, рассматривают проблемы и перспективы развития городских агломераций, однако в большей части стратегий задачи и мероприятия по развитию городских агломераций носят формальный характер. Только в трех стратегиях проведен комплексный анализ пространственного развития и предложены конкретные стратегические направления развития данных территорий – это Самарская область, республики Татарстан и Башкортостан. Так, в Стратегии Республики Татарстан предлагаются меры пространственного развития в отношении различных территорий региона, а именно:

1) для экономических зон (Казанской, Камской и Альметьевской) – предлагается разработка собственных стратегий, содержащих перспективное видение зон, их перспективные функции, а также перспективы динамики отраслевой структуры;

2) для городских агломераций – предлагается разработать стратегии, содержащие направления преобразований агломераций, планируемые к разработке и реализации программ, а также собственные пространственные модели;

3) в отношении сельских территорий – предлагается реализовать ряд направлений, начиная с индустриализации АПК и размещения

муниципальных индустриальных парков и заканчивая межмуниципальной кооперацией и трансграничным сотрудничеством;

4) в отношении Волго-Камского метрополиса – предлагается разработать концепцию формирования Волго-Камского метрополиса, которая на основе одновременного и скоординированного использования потенциалов трех агломераций приведет к качественному скачку развития Татарстана на основе синергетического эффекта, повышению его конкурентоспособности, увеличит агломерационные эффекты;

5) предлагаются также такие институциональные меры в сфере пространственного развития, как разработка стратегий МО, сгруппированных по восьми зонам (Казанская агломерация, Камская агломерация, Альметьевская агломерация, Предкамская сельская подзона, Закамская сельская подзона, Предволжская сельская подзона, сельские территории пояса Камской агломерации, сельские территории пояса Альметьевской агломерации), корректировка документов территориального планирования и ведение мониторинга и планомерная актуализация документов территориального планирования муниципалитетов.

3. Межрегиональное взаимодействие (6 стратегий).

Несмотря на то, что раздел, посвященный межрегиональному сотрудничеству, является обязательным согласно Методическим рекомендациям, не все регионы в своих стратегиях предлагают направления по развитию межрегиональных и внешнеэкономических связей.

Здесь можно выделить Стратегию Нижегородской области, в которой в рамках стратегической задачи «Оптимизация системы управления регионом» предлагается проект «Развитие межрайонных и межхозяйственных объединений, в том числе трансграничного сотрудничества, для повышения экономической эффективности МО и реализации межмуниципальных инфраструктурных проектов», то есть не просто отражена необходимость развития межрегиональных связей, но и установлены основные формы межтерриториального взаимодействия.

В Стратегии Чувашской Республики в рамках задачи «Повышение экспортного потенциала, развитие международного и межрегионального сотрудничества» предлагается подробный перечень основных направлений по межрегиональному

сотрудничеству (в том числе, развитие основных форм межрегионального сотрудничества, оказывающих наибольшее влияние на региональное развитие, – торговли, производственной кооперации и инвестиционного сотрудничества, активное сотрудничество в области науки и новых информационных технологий, создание информационного портала в сфере межрегионального сотрудничества, развитие форм межрегионального сотрудничества – ассоциаций экономического взаимодействия, специализированных организаций и ведомств; рост товарооборота; заключение соглашений о сотрудничестве), а также *международному сотрудничеству* (развитие сотрудничества со странами ближневосточного направления, углубление взаимовыгодного сотрудничества со странами СНГ, БРИКС, ШОС, африканскими странами; активное участие в работе межправительственных комиссий, деловых советов и рабочих групп; реализация мер гуманитарного сотрудничества с целью формирования положительного имиджа российских товаров и услуг за рубежом; развитие и поддержка деловых и культурных связей с соотечественниками, проживающими за рубежом и др.).

4. Межмуниципальное взаимодействие (5 стратегий из 14).

Только четыре стратегии субъектов ПФО содержат основные направления и меры по развитию межмуниципального сотрудничества, однако в большинстве своем они носят формальный характер и не описывают, какие предлагаются формы сотрудничества (хозяйственное, договорное и др.) и в каких сферах. Так, в стратегиях:

1) Кировской области – ключевая цель «Активизации территориального государственного самоуправления» детализируется в задачу «Совершенствование системы государственного территориального управления и повышение эффективности межмуниципального взаимодействия»;

2) Самарской области – стратегическая цель «Повышение эффективности деятельности Правительства Самарской области», в числе задач которой – обеспечение эффективного взаимодействия с органами местного самоуправления и межмуниципального взаимодействия;

3) Саратовской области – по направлению «Сбалансированное пространственное развитие области» предлагается задача формирования тесных межмуниципальных экономических связей;

4) Республики Башкортостан – в рамках стратегического приоритета «Сбалансированное развитие территорий» предлагается направление «Снижение дифференциации социально-экономического развития МО», в числе задач которого развитие межмуниципального сотрудничества, реализация межмуниципальных проектов, а также повышение кооперации территорий на основе развития транспортной, энергетической, информационно-коммуникационной и социальной инфраструктуры;

5) Оренбургской области – в документе предлагается ключевой механизм межмуниципального сотрудничества – совместное управление на основе многосторонних договоров при сохранении прежнего муниципально-территориального устройства. Данный формат предполагает согласование всех решений на основе равноправного сотрудничества и договоров, в которых могут участвовать: заинтересованные МО; органы государственной власти области; юридические лица. В рамках договорных отношений могут создаваться координирующие органы и межмуниципальные организации для оказания отдельных услуг.

5. Организация ТОСЭР, в том числе в моногородах (4 стратегии из 14).

В рамках разделов, посвященных пространственному развитию регионов, в отдельных стратегиях имеются направления и меры по организации и развитию ТОСЭР:

1) Пензенская область – в рамках раздела «Сценарии и задачи развития экономики Пензенской области по отраслям и агломерациям» предлагается задача «ТОСЭР» и направления «Развитие ТОСЭР в ЗАТО г. Заречном (специализация – приборостроение, станкостроение, развитие кооперационных связей внутри приборостроительного и станко-строительного кластеров Пензенской области) и в г. Сердобске (специализация – производство и переработка сельхозпродукции)»;

2) Саратовская область – в рамках стратегического приоритета «Сильная экономика» предлагается направление «Вывод конкурентоспособной продукции и производственных услуг области на приоритетные промышленные рынки» за счет создания ТОСЭР (Петровский, Краснопартизанский районы), ОЭЗ в Энгельском районе;

3) Удмуртская Республика – в документе в рамках раздела «Перспективы и задачи пространственного развития МО

в Удмуртской Республике» предлагается задача создания ГОСЭР на территориях монопрофильных МО в Удмуртской Республике (моногородов) «Город Сарапул», «Город Воткинск», «Город Глазов»;

4) Республика Башкортостан – имеется раздел «Моногорода», включающий задачи по снижению количества ГО и городских поселений, относящихся к монопрофильным, созданию новых рабочих мест в моногородах, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий, и привлечению инвестиций на монотерритории.

6. Трансграничное сотрудничество.

Отдельно необходимо отметить такую форму межтерриториального взаимодействия, как трансграничное сотрудничество. Данная форма представлена в стратегии Оренбургской области, что значительно отличает данный документ от других стратегий ПФО. В целом можно отметить оригинальный характер самого документа, большинство сформулированных в нем целей, задач, стратегических приоритетов и направлений носят не формальный характер, а направлены на решение актуальных для региона задач и потребностей.

В рамках трансграничного сотрудничества предлагается создать Евразийский регион с участием приграничных МО Оренбургской, Актюбинской и Западно-Казахстанской областей, но при использовании полномочий регионального уровня. Евразийский регион будет представлять собой орган, взаимодействующим с международными организациями по вопросам финансирования комплексных программ развития сельской местности, решения инициатив, направленных на преодоления проблемы экологии и водообеспечения, развития образования, мобильности населения, повышения эффективности муниципального управления в приграничных территориях.

Помимо этого, в документе указаны важные институты межрегионального и приграничного сотрудничества, например, общественные организации (ассоциации, палаты делового сотрудничества и др.), содействующие устойчивым связям между регионами в отдельных секторах экономики и культуры. Кроме того, предлагаются возможные направления межрегионального и приграничного сотрудничества:

1) совместное использование существующих и проектирование новых систем мелиорации в сельском хозяйстве;

2) совместное производство товаров и услуг, исходя из территориальной специализации;

3) организация совместных культурно-массовых мероприятий.

В целом можно отметить следующие недостатки стратегий субъектов ПФО по развитию межтерриториального взаимодействия:

1) практически во всех стратегиях отсутствует анализ использования тех или иных форм межтерриториального взаимодействия (за исключением кластерного);

2) в большинстве стратегий, несмотря на наличие целей и задач, стратегических приоритетов по тем или иным направлениям межтерриториального взаимодействия, отсутствуют соответствующие им индикаторы. Это вызвано как сложностью разработки самих индикаторов и их целевых значений по данной сфере, так и формальным характером предлагаемых направлений и мер;

3) большая часть стратегий, предлагая те или иные направления взаимодействия, не описывает для них возможные формы (договорное, хозяйственное и т.п.) и институты межтерриториального взаимодействия (например, организационно-правовые формы юридических лиц);

4) в целом в большинстве документов предлагаемые цели и задачи по развитию межтерриториального взаимодействия носят формальный характер и не решают выявленные в ходе анализа проблемы и потребности по использованию тех или иных форм сотрудничества территорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретико-методологическое обоснование формирования и активизации межрегионального и межмуниципального взаимодействия в условиях усиления экономических, социальных, экологических и форс-мажорных (пандемия COVID–19, экономические санкции) вызовов предполагает:

1) исследование теоретико-методологических проблем повышения социо-эколого-экономической эффективности межрегионального и межмуниципального сотрудничества;

2) определение и разработку методов нейтрализации отрицательного влияния экономических, социальных, экологических и форс-мажорных вызовов на пространственном развитии ТСЭС;

3) анализ влияния межрегионального и межмуниципального взаимодействия на обеспечение эффективности формирования ТСЭС;

4) выявление особенностей развития межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий в территориальных системах разного уровня;

5) разработку механизмов развития институтов и форм межрегионального и межмуниципального взаимодействия в регионах России и Республике Башкортостан;

6) обоснование мер по совершенствованию институтов межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий, направленных на повышение их эффективности;

7) разработку инструментов углубления межрегионального и межмуниципального взаимодействия в условиях декарбонизации экономики.

Развитие межрегионального и межмуниципального сотрудничества рассматривается как фактор компенсации потерь в результате санкций, а также сохранения существующего промышленного потенциала, обеспечения продовольственной безопасности населения.

В работе в комплексе рассматриваются особенности укрепления межтерриториального сотрудничества в регионах, в пределах городских агломераций, депрессивных территорий.

В качестве отдельных разделов рассматриваются проблемы развития разноуровневых территориальных систем в условиях декарбонизации экономики, социо-эколого-экономические риски пространственной трансформации городских агломераций и

типология сельских территорий в зависимости от процессов декарбонизации экономики, а также развития институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества в современных условиях. Обобщен опыт решения аналогичных проблем в других регионах страны.

Потенциал углубления межрегионального и межмуниципального сотрудничества оценивается в зависимости от отношений, существующих в социально-экономическом их развитии и финансовой обеспеченности отдельных территорий, а также наличия действенных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Balassa B. The Theory of Economic Integration. London, 1961.
2. Tinbergen I. International Economic Integration / I. Tinbergen. – Amsterdam; Brussels, 1954. – 191 p.
3. Рикардо, Д. Сочинения. Т.1. Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо. – М.: Госполитиздат, 1955. – 360 с.
4. Хекшер Э.Ф. Влияние внешней торговли на распределение дохода / Под ред. А.П. Киреева. Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. – М.: ТЕИС, 2006. – С. 154-173.
5. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries // Journal of Developing Economies. – 1962. – № 1(1). – С.3–25.
6. Aron, Raymond, 1905–1983. Demokraciã i totalitarizm. – Moskva: Tekst, 1993. – 301 p.
7. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. Избранное / Джон Гэлбрейт. – М.: Эксмо, 2008. – 1200 с.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Союмонов: Пер. с англ. С. А. Сидоренко. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
9. Портер М. Конкуренция. – М.: Вильямс, 2018. – 608 с.
10. Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. – Москва: Экономика, 2011.
11. Ушкалова Д.И. Модели экономической интеграции и их типология // Вестник Института экономики Российской академии наук. – № 3. – 2016. – Pp. 158–170.
12. Dunning J.H. Explaining International Production / J.H. Dunning. – London: Unwin Human, 1988. – 378 p.
13. Клейнер Г.Б. Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. – Vol. 6. № 3. – 2008. – Pp. 027–050.
14. Условия расширения и оценка уровня региональной интеграции в целях обеспечения экономической безопасности (на материалах Сибирского федерального округа): монография / АлтГУ; под ред. И. Н. Санниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 246 с.

15. Методические рекомендации по организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества в сфере реализации расходных полномочий и вопросов местного значения (разработаны Минрегионом Российской Федерации, 2010 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126480/b26b2e47bd38905e1b2e8e82c424a69d639de743/ (дата обращения: 20.02.2022).

16. О внесении изменений в Федеральный закон Российской Федерации от 30.04.2021 г. № 136-ФЗ «О федеральной информационной адресной системе» и в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383374/ (дата обращения: 20.02.2022).

17. Газдиева Б.А., Сагындыкова Ж.О., Тавлуй М.В. и др. Школа-магнит как тренд современного образования: опыт и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ulagat.com/2020/11/26/школа-магнит-как-тренд-современного-о/> (дата обращения: 20.02.2022).

18. Межевич Н.М., Сенник Н.М. Межтерриториальные взаимодействия в понятийно-терминологической системе региональной экономики // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе. Сборник статей. – Сыктывкар, 2020. – С. 165–169.

19. Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш. Нивелирование и поляризация в развитии экономического пространства // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 9-1. – С. 164–168.

20. Аслаева С.Ш. Специализация сельского хозяйства Республики Башкортостан // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 10. – С. 79–85. DOI: 10.32651/2010-79.

21. Ассоциация инновационных регионов России [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://i-regions.org> (дата обращения: 10.10.2022).

22. АНО «Корпорация развития Енисейской Сибири» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://ensib.ru> (дата обращения: 10.10.2022).

23. Научно-образовательный центр «СЕВЕР: территория устойчивого развития» [Электронный ресурс]. Официальный сайт. – Режим доступа: <https://nocsever.com> (дата обращения: 10.10.2022).
24. Ахметов В.Я. Кооперация как основа кластеризации сферы этнического предпринимательства в республике Башкортостан // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 5. – С. 93–98.
25. Уляева А.Г. Территориальная трансформация муниципальных образований региона: нормативно-правовые основы и опыт реализации // Фундаментальные исследования. – 2018. – № 11-2. – С. 290–295.
26. Бочко С.В. Интегративная экономика – экономика скоординированного и социально-ориентированного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 5. – С. 48–58.
27. Смирнов В.В. Теоретические подходы к использованию потенциала межрегионального сотрудничества // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 3 (426). – С. 53–72.
28. Волков С.К. Межрегиональное сотрудничество как актуальная форма экономического развития // Теоретическая экономика. – 2014. – № 6 (24). – С. 54–59.
29. Ускова Т.В., Лукин Е.В. Межрегиональное сотрудничество: оценка и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 5 (146). – С. 119–131.
30. Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Уляева А.Г. Методологические аспекты интегративного межтерриториального взаимодействия // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – № 12 (84). – С. 28.
31. Ахунов Р.Р. Развитие межрегиональной интеграции как направление повышения конкурентоспособности в системе воспроизводственного потенциала региона // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2016. – № 1 (15). – С. 7–16.
32. Дубровская Ю.В. Систематизация подходов к обоснованию роли межрегионального взаимодействия в развитии социально-экономических систем // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2018. – № 4. – С. 197–206. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.4.16.

33. Наумов И.В. Исследование межрегиональных взаимосвязей в процессах формирования инвестиционного потенциала территорий методами пространственного моделирования // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. №. 3. – С. 720–735. DOI: 10.17059/2019-3-8.
34. Кудрин А., Соколов И. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. – 2017. – № 9. – С. 5–27.
35. Бюджет как инструмент экономического развития // С.Г. Белев, К.В. Векерле, Е.Т. Гурвич и др. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 72 с.
36. Нивелирование пространственной поляризации социально-экономического развития разноуровневых территориальных систем: Коллективная монография / Р.Ф. Гатауллин, А.Г. Каримов, С.Ш. Аслаева и др. / под общей редакцией д-ра экон. наук, проф. Р.Ф. Гатауллина. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2019. – 206 с.
37. Хазиахметов Б.З. Институциональные особенности формирования инвестиционной конкурентоспособности территорий // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 3. – С. 99–102.
38. Гребенкина Е.Н. Систематизация подходов к определению региональной конкурентоспособности // Регион: системы, экономика, управление. – 2013. – № 3 (22). – С. 18–23.
39. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – Москва, 2010. – 160 с.
40. Минакир П.А. Стратегии для России и в России // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17. № 1. – С. 7–17. DOI: 10.14530/se.2021.1.007-017.
41. Бакуменко О.А. Межрегиональное взаимодействие как фактор развития региональных социально-экономических систем (на примере Северо-Западного федерального округа) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. – 2016. – № 4. – С. 32–47.
42. Головин В.А. Графическая модель динамической оценки эффективности регионального экономического кластера // Вестник института экономики Российской академии наук. – 2018. – № 2. – С. 141–158.
43. Межевич Н.М., Жук Н.П. Методика оценки приграничной специализации межрегиональных взаимодействий соседних регионов и результаты пилотной оценки // Балтийский регион. – 2013. – № 1. – С. 38–52.

44. Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш. Локализация и эффективность видов экономической деятельности в Республике Башкортостан // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – № 47. – С. 67–79. DOI: 10.17223/19988648/47/5.

45. Головин В.А. Методические подходы к количественной оценке региональных экономических кластеров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2016. – № 4 (44). – С. 17–26.

46. Нусратуллин В.К., Хужахметова Г.Н., Аслаева С.Ш. Некоторые специальные меры экономической правовой и административной поддержки малого и среднего бизнеса в Башкортостане // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 376.

47. Porter M. Clusters and the new economics of competition // Harvard business review. – 1998. – Vol. 76. № 6. – С.77-90.

48. Fritsch M. Does R.D Cooperation behavior differ between regions? // Industry and Innovation. – 2003. – Vol. 10. № 1. – Pp. 10–25.

49. Grotz R., Braun B. Territorial or Trans-territorial Networking: Spatial Aspects of Technology-oriented Cooperation within the German Mechanical Engineering Industry // Regional Studies. – Vol. 31.6. – Pp. 545–557.

50. Хужахметова Г.Н. Институциональные факторы территориального развития (на примере Республики Башкортостан) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – Т. 11. № 12 (297). – С. 2–13.

51. Шмакова М.В. Оценка свойств экономического пространства региона в контексте разработки основных стратегических документов // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – Т. 9. № 3 (32). – С. 410–412. DOI: 10.26140/anie-2020-0903-0098.

52. Шмакова М.В. Формирование стратегических основ финансово-инвестиционного обеспечения потребностей территорий // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 10. – С. 103–107. DOI: 10.17513/fr.42863.

53. Орешников В.В., Атаева А.Г. Применение имитационных моделей в управлении социально-экономическими системами регионального уровня // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – № 11 (83). – С. 29.

54. Сахапова Г.Р. Закономерности и особенности развития территорий на различных стадиях жизненного цикла // Вестник евразийской науки. – 2019. – Т. 11. № 5. – С. 11.

55. Климова Н.И., Сахапова Г.Р. Валовой муниципальный продукт как важнейший показатель стадияльной идентификации жизненного цикла субрегиональных образований // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2017. – № 4 (22). – С. 104-113.

56. Атаева А.Г., Закиров И.Д. Субрегиональный подход к территориальному развитию: организационные и финансовые аспекты // Научное обозрение. 2012. – № 1. – С. 208–216.

57. Уляева А.Г. Разработка и апробация методики определения пространственной локализации агломерации (на материалах Республики Башкортостан) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2016. – № 10. – С. 48–54.

58. Сафиуллин М.Р. Оценка роли и значения г. Уфы и Уфимской агломерации в городской системе расселения Республики Башкортостан. Уфимский гуманитарный научный форум. – Уфа: АН РБ., 2022. – № 1 (9). – С. 99–107.

59. Сафиуллин М.Р. Территориальные особенности миграционных процессов в агломерациях Башкирии: тренды и проблемы // Успехи современного естествознания. – 2020. – № 11. – С. 114–119.

60. Башстат [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://bashstat.gks.ru/folder/134686> (дата обращения: 12.04.2022).

61. Экономика и промышленность Республика Башкортостан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://manufacturers.ru/article/ekonomika-bashkirii> (дата обращения: 12.04.2022).

62. Ряд башкирских предприятий включен в список системообразующих, им окажут господдержку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bashinform.ru/news/economy/2020-04-04/gyad-bashkirskih-predpriyatiya-vklyuchen-v-spisok-sistemoobrazuyuschih-im-okazhut-gospodderzhku-2095769> (дата обращения: 21.04.2022 г.).

63. Социально-экономическое положение Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/region/doc1180/Main.htm> (дата обращения: 12.04.2022).

64. Приволжское таможенное управление. Статистика внешней торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ptu.customs.gov.ru /folder/270635> (дата обращения: 12.04.2022).

65. Гатауллин Р.Ф., Сагатгареев Р.М. Механизм обеспечения устойчивости развития сельских территорий // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 1. – С. 251–254.

66. Гатауллин Р.Ф. Проблемы сельских территорий как угроза сбалансированности пространственного развития страны [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. – 2020. – № 3. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.15862/01ECVN320> (дата обращения: 05.10.2022).

67. Галикеев Р.Н., Ахметов В.Я. Роль формирования аграрных кластеров в развитии сельскохозяйственного производства // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 12-1. – С. 34–40.

68. Гатауллин Р.Ф., Галикеев Р.Н., Аслаева С.Ш. Актуальные проблемы развития сельского хозяйства: монография. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2022. – 164 с.

69. Сельское хозяйство в Республике Башкортостан. Статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. – Уфа: Башкортостанстат, 2021. – 182 с.

70. Галикеев Р.Н. Кластеризация как основа развития рынка картофелеовощной продукции в регионе // Управленческий учет. – 2022. – № 6-3. – С. 470–476.

71. Гатауллин Р.Ф., Нусратуллин В.К. Продовольственная безопасность в Республике Башкортостан: пути ее обеспечения // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 7-2. – С. 371–375.

72. Структуризация экономического пространства региона: сущность, факторы, проектирование: монография / под общей редакцией д-ра экон. наук, проф. Р.Ф. Гатауллина – Уфа, ИСЭИ УФИЦ РАН, 2016. – 216 с.

73. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.: в 8 т. // Федеральная служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – 711 с.

74. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 1204 с.

75. Галикеев Р.Н. Развитие межмуниципального и межрегионального сотрудничества в формировании аграрных кластеров // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 7 (часть 1) – С. 46–51.

76. Галикеев Р.Н., Ахметов В.Я. Роль формирования аграрных кластеров в развитии сельскохозяйственного производства // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 12-1. – С. 34–40.

77. Грозит ли России дефицит продуктов питания в 2022 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journal.open-broker.ru/research/grozit-li-rossii-deficit-produktov-pitaniya> (дата обращения: 19.04.2022).

78. Гатауллин Р. Ф., Сагатгареев Р.М. Личное подсобное хозяйство граждан: сущность и перспективы // Никоновские чтения. – 2000. – № 5. – С. 150–151.

79. Ахметов В.Я., Якшимбетова Г.И. Садоводство и огородничество как перспективные малые формы хозяйствования на территории Республики Башкортостан // Индустриальная экономика. – 2021. – Т. 3. № 5. – С. 222–227. DOI: 10.47576/2712-7559_2021_5_3_222.

80. Зачем садовые товарищества объединят в единый фонд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/234123-v-bashkirii-zaymutsya-resheniem-problem-sadovyh-tovarischestv> (дата обращения: 19.04.2022).

81. About family estates and family settlements in the Russian Federation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/87131-8> (дата обращения: 19.04.2022).

82. Курмакаева Е.Ш., Титова А.О. Оценка уровня продовольственной безопасности территорий на основе анализа самообеспеченности населения основными продуктами питания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2016. – Т.16. № 2. – С. 127–132. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-2-127-132.

83. Аслаева С.Ш. Пространственная неоднородность в экономическом развитии Республики Башкортостан // Аудит и финансовый анализ. – 2016. – №5. – С. 353–359.

84. О продовольственной безопасности и потреблении основных продуктов питания в России // Москва: ИКСИ. – С. 7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://icss.ru/images/macro/ИКСИ_СХ%20безопасность.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

85. Борщик Н.Д. Межрегиональные связи субъектов Российской Федерации: теория и практика // Политика, экономика и инновации. – 2016. – № 3 (5). – С. 1–6.

86. Ахметов В.Я., Садыков Р.М. Социально–экономический мониторинг развития сельских территорий Республики Башкортостан: современное состояние и направление совершенствования // АПК: экономика и управление. – 2021. – № 7. – С.82–87. DOI: 10.33305/217-82.

87. Ерофеева О.С., Краснова Т.Г. Межрегиональная интеграция как механизм снижения региональной дифференциации // Modern economy success. – 2022. – № 1. – С.239–243.

88. Управление региональным развитием: проблемы, возможности, перспективы развития // Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Е.А. Ильина. Чебоксары: Чуваш. госуд. пед. ун-ет. – 2018. – С. 485.

89. Меренкова И.Н., Перцев В.Н. Продовольственная безопасность и устойчивое развитие сельских территорий // Никоновские чтения. – 2014. – № 19. – С. 286–288.

90. Россия и страны мира 2018. Стат. Сб. / Росстат. – М.: 2018. – 375 с.

91. Россия и страны мира 2020. Стат. Сб. / Росстат. – М.: 2020. – 385 с.

92. Российский. Статистический ежегодник. 2021: Стат. Сб. / Росстат. – М.: 2021. – 692 с.

93. Республика Башкортостан. Статистический ежегодник, ч. 1. – Уфа: 2010. – 154 с.

94. Республика Башкортостан в цифрах. 2021. Статсборник. – Уфа: 2021. – 132 с.

95. Республика Башкортостан в цифрах. 2018. Статсборник. – Уфа: 2018. – 128 с.

96. Бесплатное здравоохранение: реальность и перспективы / Т.В. Богатова, Е.Г. Потапчик, В.А. Чернец, А.Е. Чирикова, Л.С. Шилова, С.В. Шишкин (руководитель проекта). Независимый институт социальной политики. – М.: ООО «Пробел-2000», 2002. – 196 с.

97. Вартамян Ф.Е., Рожецкая С.В. Основные детерминанты здоровья населения европейских стран // Здравоохранение. – 2008. – № 11. – С. 91–97.

98. Доклад о состоянии здравоохранения в мире в 2007 г. Более безопасное будущее: глобальная безопасность в области общественного здравоохранения в XXI веке. – Женева: ВОЗ, 2007. – 74 с.

99. Малов Н.И. Экономические проблемы здравоохранения. – М.: Экономика, 2005. – 156 с.

100. Джупарова И.А., Сбоева С.Г. Конкурентная стратегия аптечной организации // Фармация. – 2011. – № 4. – С. 30–32.

101. Аскарова З.Ф., Аскарлов Р.А., Терегулова З.С. Медико-демографическая ситуация в Республике Башкортостан за 2000–2010 гг. // Здравоохранение и социальное развитие Башкортостана. – 2011. – №3. – С. 72–78.

102. Анализ различий в доступности медицинской помощи для населения России. Аналитический доклад Независимого института социальной политики / Шишкин С.В., Бондаренко Н.В., Бурдяк А.Я. – М., 2007. – 43 с.

103. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.07.2013 г. № 598 о федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70419016/#ixzz5z5mgstWr> (дата обращения: 20.01.2022).

104. Постановление Правительства Российской Федерации от 3.12.2002 г. № 858 (ред. от 15.07.2013 г.) о федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2013 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64705/ (дата обращения: 20.01.2022).

105. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 г. № 696 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdizD7rZAw0FaFjnA79v.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

106. Методические рекомендации по организации межмуниципальной кооперации в муниципальных образованиях / Авторский коллектив: д.э.н., проф. Д.А. Гайнанов, к.э.н. А.Г. Атаева, А.Г. Уляева. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2017. – 76 с.

107. Шакирова А.А. Перечень приоритетных инвестиционных проектов республики дополнен проектом развития овцеводства в Зауралье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prt.pravitelstvorb.ru/?p=7516> (дата обращения: 20.07.2021).

108. Концепция развития туристско-рекреационных кластеров в Республике Башкортостан до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biznestur.bashkortostan.ru/documents/active/37597/> (дата обращения: 20.01.2021).

109. О Постановление Правительства Республики Башкортостан от 07.09.2022 г. № 516 «Стратегии социально-экономического развития Зауралья Республики Башкортостан до 2030 г. и плане мероприятий по ее реализации». [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://nra.bashkortostan.ru/36398/> (дата обращения: 12.09.2022).

110. В Башкирии утвердили программу развития северо-восточных районов региона / ИА REGNUM. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/economy/3695269.html> (дата обращения: 15.09.2022).

111. Ахметов В.Я., Исянбаев М.Н. Экономическая оценка формирования и развития региональных комплексов перерабатывающих производств. – Уфа: Гилем, 2003. – 148 с.

112. Постановление Правительства Российской Федерации от 2.08.2011 г. № 644 (ред. от 07.02.2018 г.) «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)». [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118424/5c35948bc6a4cab25917e88b3c476c0110_f7194b (дата обращения: 20.01.2022).

113. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 27.07.2022 г. № 429 «Об утверждении Стратегии развития туризма в Республике Башкортостан на период до 2035 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nra.bashkortostan.ru/36140/> (дата обращения: 20.09.2022).

114. Ахметов В.Я., Байгильдина А.У., Юлдыбаев Б.Р. Формирование научно-образовательного кооперативного кластера как фундаментальная основа активизации кооперативного движения в Республике Башкортостан // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 6. – С. 420–421.

115.Ахметов В.Я., Матинова Ф.В. Этнокультурный туризм как фактор диверсификации экономики села и повышения качества жизни в сельской местности // Журнал прикладных исследований. – 2021. – Т. 3. № 6. – С. 212–218. DOI: 10.47576/2712-7516_2021_6_3_212.

116.Бутузов А.Г. Этнокультурный туризм: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2013. – 248 с.

117.Голубева О.Л., Погодина В.Л. Этнопарки как инфраструктурный элемент краеведческо-образовательной деятельности школьников // Колпинские чтения по краеведению и туризму. – 2019. – Ч. 2. – С.307–314.

118.Калуцков В.Н. Этническая деревня – новый тип культурного ландшафта // Теория и практика планирования культурного ландшафта: матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2010. – С. 7–15.

119.Ключикова В.Б. Этнопарки: некоторые аспекты создания и развития в России и за рубежом // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2013. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnoparki-nekotorye-aspekty-sozdaniya-i-razvitiya-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 23.09.2022).

120.Кондрашова Е.В., Пинюгина В.А. О месте этнографических усадеб, деревень и парков в развитии этнографического туризма // Таврический научный обозреватель. – 2017. – № 8 (25). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-meste-etnograficheskikh-usadeb-dereven-i-parkov-v-razviti-ethnograficheskogo-turizma> (дата обращения: 23.09.2022).

121.Лучшие практики этнографического туризма в Российской Федерации // Под ред. д.э.н. Максановой Л.Б.-Ж. – М: Изд-во Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, 2018. – 144 с.

122.Гайнанов Д.А., Кириллова С.А. Развитие регионального туризма в формате суперкластера // Роль туризма в модернизации экономики российских регионов: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 08-10 июня 2010 года / Карельский научный центр. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – С. 52–57.

123. Кириллова С.А. Кластерная модель развития туризма в Республике Башкортостан / Формирование и реализация приоритетов развития территориальных социально-экономических систем: теория и практика / Коллективная монография. Под общей редакцией В.В. Печаткина. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2020. – С. 199–209.

124. Кириллова С.А. Туризм как стратегический приоритет развития города-миллионника // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2019. – №3. – С. 104.

125. Кириллова С.А. Эволюция пространственного каркаса от экономического к туристическому опорному каркасу // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. – 2010. – №5(40). Т. 14. – С. 225–232.

126. Кириллова С.А. Тенденция развития туризма как стратегического направления развития территории / Формирование и реализация приоритетов развития территориальных социально-экономических систем: теория и практика / Коллективная монография. Под общей редакцией В.В. Печаткина. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2020. – С. 73–83.

127. Этнодеревня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/этнодеревня#Значение> (дата обращения: 23.09.2022).

128. Об основах приграничного сотрудничества: Федеральный закон Российской Федерации №179-ФЗ от 26.07.2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31. – Ч.1. – С. 47–28.

129. Бакланов П.Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. – 2018. – №3(6). – С. 16–25.

130. Минакир П.А., Демьяненко А.М. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология. Пространственная экономика. – 2010. – №2. – С. 6–32.

131. Лаженцев В.Н. Методологические подходы к стратегическому направлению устойчивого развития территориальных хозяйственных систем // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2013. – С. 107–113.

132. Анимица Е.Г. Феномен территориальной границы // Географический вестник. – 2007. – №1-2. – С. 5–10.

133. Арсентьев И.И. Понятие «приграничье» в современном научном дискусе // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – №6. – С. 24–29.

134. Кашировский А.П. Смоленские пограничье: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию // Региональное исследование. – 2010. – №4. – С. 70–75.

135. Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Чувашаева Э.Р. Реструктуризация административного устройства Республики Башкортостан как механизм повышения жизнестойкости локальных территорий // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов: Материалы XIII Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию юбилею со дня основания Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2021. – С. 59–64.

136. Формирование и развитие кластеров в регионе: теоретико-методологические и прикладные аспекты (на примере Республики Башкортостан) / Д.А. Гайнанов, В.В. Печаткин, Р.Г. Сафиуллин и др. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2009. – 167 с.

137. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. Официальный сайт. – Режим доступа: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst80/DBInet.cgi> (дата обращения: 22.09.2022).

138. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [Электронный ресурс]. Официальный сайт. – Режим доступа: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst92/DBInet.cgi> (дата обращения: 22.09.2022).

139. Гатауллин Р.Ф., Тагирова Э.И. Социально-экономическое развитие бассейна реки ИК // Журнал «Туган жир». Казань. – 2021. – №2. – С. 24–27.

140. Трансформация социально-экономического пространства региона: методология и практика: монография / под общ. Ред. д.э.н. Р.Ф. Гатауллина. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2020. – 296 с.

141. Дубровская Ю.В. Межрегиональное взаимодействие как инструмент управления дифференциацией региональных социально-экономических систем: кластерный подход // Вестник Пермского университета, сер. «Экономика». – 2016. – № 4 (31). – С. 117–125.

142.Бодрунов С.Д. Возрождение производства, науки и образования: проблемы и решения. Проблемы современной экономики. – 2014. – № 4. – С. 35–41.

143.Структуризация экономического пространства региона: сущность, факторы, проектирование: монография / под общей редакцией д-ра экон. наук, проф. Р.Ф. Гатауллина. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. – 216 с.

144.Казаков М.Ю. Пространственная поляризация периферийных территорий Ставропольского края по уровню социально-экономического развития // Вопросы региональной экономики. – 2018. – № 4 (37). – С. 32–37.

145.Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рипол Классик, 2006. – 752 с.

146.Дворядкина Е.Б., Кайбичева Е.И. Городские периферийные территории региона: понятие, сущность // Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление. – 2015. – № 4. – С. 86–92.

147.Панасюк М.В., Руденко А.В. Анализ развития системы «центр-периферия» региона (на примере Республики Татарстан) // Известия РАН Серия географическая. – 2008. – № 1. – С. 60–72.

148.Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Атаева А.Г. Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. № 2. – С. 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5.

149.Бабурин В.Л., Земцов С.П. География инновационных процессов в России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2013. – № 5. – С. 25–32.

150.Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. Монография. – М.: 2010. – 216 с.

151.Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Эффективность территориального развития России: теория, реальность, проблемы. – В сб.: Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Часть 1. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. – С. 37–47.

152.Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Эффективное региональное развитие: виды, факторы, тренды. – В сб.: Устойчивое

развитие: проблемы, концепции, модели. Материалы международного симпозиума, посвященного 20-летию КБНЦ РАН. – Нальчик: 2013. – С. 271–274.

153. Сафиуллин Р.Г. Эффективность территориальной организации хозяйства и населения России: теория, реальность, тренды // В сб.: Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. – Уфа: БашГУ, 2016.

154. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010. – 255 с.

155. Мазилев Е.А., Шэн Ф. Научно-технологический потенциал территорий России и Китая: оценка и направления развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – № 1. – С. 70–83.

156. Мазилев Е.А., Давыдова А.А. Научно-технологическое развитие России: оценка состояния и проблемы финансирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. №5. – С. 55–72.

157. Голова И.М., Суховой А.Ф. Дифференциация стратегий инновационного развития с учетом специфики российских регионов // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. № 4. – С. 1294–1308.

158. Казанцев С.В. Оценка влияния антироссийских санкций на топливно-энергетический и оборонно-промышленный комплексы России // Мир новой экономики. – 2018. – № 12 (3). – С. 46–57.

159. Кузьмина В. Дегазификация и денейфтензация: влияние на мировой энергобаланс // Экология и право. – 2022. – № 85. – С. 30–36.

160. Сафиуллин Р.Г. Инновационно-инвестиционный фактор трансформации региональных систем России в условиях экономических санкций: полимасштабный подход // Вестник АН РБ. – 2022. – №3 – С. 25–37.

161. Тимофеев И.Н. Санкции против России: взгляд в 2021 г.: доклад 65/2021 / Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2021 – 24 с.

162. Ниязбекова Ш.У., Назаренко О.В., Буневич К.Г. и др. Особые экономические зоны России: анализ, проблемы и пути их решения // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь). – 2019. – № 2 (47). – С. 213–222.

163. Бруснянин В.Е., Махмутов Я.И., Сковронская Я.В. и др. Проблемы функционирования свободных экономических зон в

Российской Федерации // Молодой ученый. – 2017. – № 49 (183). – С. 166–168.

164. Федеральный закон Российской Федерации от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22673> (дата обращения: 22.09.2022).

165. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/mines/main> (дата обращения: 22.09.2022).

166. Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России / И.В. Голубкин, М.М. Бухарова, Л.В. Данилов и др.; Ассоциация кластеров и технопарков. – М.: АКИТ, 2017. – 148 с.

167. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики применения преференциальных режимов, действующих на территории Российской Федерации, с точки зрения их влияния на экономический рост и соответствия заявленным целям» // Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим обращения: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/d22/d22daa028b1854b51b99c9d2927c2e06.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).

168. Особые экономические зоны // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osoby_economicheskie_zony/ (дата обращения: 12.04.2022).

169. Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. – М.: 1978. – 152 с.

170. Перцик Е.Н. Среда человека: предвидимое будущее. – М.: Мысль. 1990. – 365 с.

171. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Гос. Экон. Ун-т, 2010. – 433 с.

172. Владимиров В.В., Наймарк Н.И. Проблемы развития теории расселения в России. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 376 с.

173. Листенгурт Ф.М. Критерии выделения крупномасштабных агломераций в СССР // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. – 1975. – № 1. – С.41–49.

174. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/552378463?marker=6560Ю> (дата обращения: 12.09.2022).

175. Павлов Ю.В. Будущее муниципалитетов в агломерации: эволюция взглядов на метрополитенское управление // Экономическая политика. – 2019. – Т. 14. – № 1. – С. 126–153.

176. Швецов А.Н. Городские агломерации в преобразовании урбанистического пространства // Российский экономический журнал. – 2018. – № 1. – С. 45–65.

177. Любовный В.Я., Пчелинцев О.С. Зарубежные городские агломерации: тенденции развития и опыт управления. – М., 2001. – 212 с.

178. Россия – страна умирающих деревень / Доклад Центра экономических и политических реформ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2016/12/Россия-страна-умирающих-деревень.pdf> (дата обращения: 20.09.2017).

179. Гатауллин Р.Ф. Исчезновение сельских населенных пунктов: причины и последствия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием): Человек и природа в Восточном Татарстане. Исчезнувшие и исторические села: изучение, сохранение и возрождение. – Казань: Отечество, 2017. – С. 153–156.

180. Сельская экономика: Учебник / под ред. проф. С. В. Киселева, Киселев С.В., Белова Е.В., Емельянов А.М. и др. – ИНФРА: М., 2008. – 572 с.

181. Ахметов В.Я., Якшимбетова Г.И. «Точки роста» экономики современного села (на примере сельских районов Республики Башкортостан) // Вестник евразийской науки. – 2018. – Т. 10. – № 2. – С. 5.

182. Ахметов В.Я., Матинова Ф. В. Этнокультурный туризм как фактор диверсификации экономики села и повышения качества жизни в сельской местности // Журнал прикладных исследований. – 2021. – Т. 3. – № 6. – С. 212–218. DOI: 10.47576/2712-7516_2021_6_3_212.

183. Асылгужин Р., Гумерова А. Расселение народов Исторического Башкортостана // Ватандаш (Соотечественник). – 2010. – №2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vatandash.ru/?article=1900> (дата обращения: 20.01.2022).

184. Васспард В. Сельскую Россию спасут экофермы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bigness.ru/articles/2012-01-05/svin/131830/> (дата обращения: 20.01.2022).

185. Исянбаев М.Н., Гатауллин Р.Ф., Ахметов В.Я. Этнопредпринимательство в юго-восточных и северо-восточных районах Башкортостана: проблемы и перспективы развития // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: материалы XV Международной научно-практической Internet-конференции (14 октября – 14 ноября 2016 г., г. Уфа, Россия). – Уфа, ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. – С. 77–81.

186. Ахметов В.Я., Матинова Ф.В., Янтилина Н.Т. Территориально-отраслевые кластеры как точки роста экономики сельских территорий (на примере районов Зауралья Республики Башкортостан) Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uecs.ru/uecs-82-822015/item/3780-2015-10-30-06-23-59> (дата обращения: 03.11.2021).

187. Бабурин В.Л. Устойчивость экономики регионов России к конъюнктурным циклам // ВМУ. Серия 5. География. – 2019. – № 1. – С. 46–50.

188. Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России: коллективная монография / Под науч. ред. С.Н. Бобылёва, П.А. Кирюшина, О.В. Кудрявцевой. – М.: МГУ, 2019. – 180 с.

189. Устойчивое развитие территорий: монография / Под науч. ред. О.В. Кудрявцевой. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. – 492 с.

190. Порядин А., Белоглазова О. Глобальная декарбонизация: эволюция подходов нефтегазовых компаний [Электронный ресурс] // Нефтегазовая вертикаль. – 2021. – №7 (85). – Режим доступа: https://www.ey.com/ru_ru/oil-gas/global-decarbonization-evolution-of-oil-and-gas-companies-approaches (дата обращения: 03.11.2021).

191. Карасевич В. Пути декарбонизации в российских нефтегазовых компаниях // Нефтегазовая вертикаль. – 2021. – №6. – С. 64–67.

192.Крюков В.А., Миляев Д.В., Савельева А.Д. и др. Вызовы и ответы экономики Республики Татарстан на процессы декарбонизации // Георесурсы / Georesursy. – 2021. – Т. 23. № 3. – С. 17–23.

193.Иванов А.Ю., Дурманов Н.Д., Орлов М.П. и др. Битва за климат: карбоновое земледелие как ставка России / Под общей редакцией: А.Ю. Иванов, Н.Д. Дурманов. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. – 120 с.

194.Панявина Е.А. Создание лесных углеродных (карбоновых) полигонов: экономическая составляющая // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет. – 2021.– Т. 9. № 1 (52). – С. 26–34.

195.Морковина С.С., Панявина Е.А., Шанин И.И. и др. Экономические аспекты организации карбоновых ферм на лесных землях // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет. – 2021. – Т. 9. № 1 (52). – С. 17–25.

196.Шагидуллин А.Р., Магдеева А.Р., Гилязова А.Ф. и др. Расчет выбросов парниковых газов при эксплуатации автотранспорта на территории крупных городов Республики Татарстан // Российский журнал прикладной экологии. – 2016. – № 2. – С. 22–25.

197.Кобяков К., Титова С., Шматков Н. и др. Оценка возможностей для увеличения поглощения парниковых газов лесами на территории центра Европейской России // Устойчивое лесопользование. – 2019. – № 1 (57). – С. 4–20.

198.Кокорин А. Поглощение CO₂ лесами России в контексте Парижского соглашения // Устойчивое лесопользование. – 2018. – № 2 (54). – С. 13–18.

199.Сафиуллин М.Р. Трансформация лесного хозяйства России в условиях глобальной декарбонизации экономики // В сб.: Гуманитарная миссия обществознания на пороге нового индустриального общества. Материалы международного научного форума. – Уфа: ИСИ РБ, 2021. – С. 119–125.

200.Сафиуллин М.Р. Проблемы трансформация лесного хозяйства в сельских территориях Башкирии // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2021. – Т. 7. № 3. – С. 285–295.

201.Сафиуллин Р.Г. Типология регионов России по степени зависимости от процесса глобальной декарбонизации экономики // Успехи современного естествознания. – 2021. – № 11. – С. 126–131.

202.Ананькина Е. Углеродный налог – осязаемый, но не главный риск для российских энергетических компаний // Энергетическая политика. – 2021. – № 5 (159). – С. 40–54.

203.Молодцов К. Сохранение глобального энергетического лидерства в условиях изменения климата // Нефтегазовая вертикаль. – 2021. – № 9-10. – С.6–7.

204.Начало подготовки контрмер для противостояния углеродному налогу ЕС // Нефтегазовая вертикаль. – 2021. – № 1-2. – С. 74.

205.Гайнанов Д.А., Сафиуллин Р.Г. Институциональные основы глобальной декарбонизации экономики. XIII Международная научно-практическая конференция, посвященная 70-ти летнему юбилею со дня основания Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН. – В сб.: Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов. – Уфа. ИСЭИ УФИЦ РАН. 2021. – С. 47–53.

206.Юлкин М.А. Глобальная декарбонизация и ее влияние на экономику России. – М.: АНО «Центр экологических инвестиций», 2019. – 23 с.

207.О полигонах для разработки и испытаний технологий контроля углеродного баланса: Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 05.02.2021 г. №74. [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/603497775?section=text> (дата обращения: 15.09.2021).

208.Указ Президента Российской Федерации от 08.02.2021 г. № 76 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46415> (дата обращения: 15.09.2021).

209.Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.02.2021 г. № 312-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/573658653> (дата обращения: 12.09.2022).

210. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.11.2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/727294161> (дата обращения: 12.09.2022).

211. «Fit for 55»: как будет работать новый план ЕС по сокращению выбросов парниковых газов 23.07.2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecopolitic.com.ua/news/fit-for-55-kak-budet-rabotat-novuj-plan-es-po-sokrashheniju-vybrosov-parnikovyh-gazov> (дата обращения: 15.09.2021).

212. Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов». [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45990> (дата обращения 24.09.2021).

213. Чуркина Н. Чем опасны не амбициозные цели // Федеральный бизнес-журнал. – 2021. – № 2. – С.68–71.

214. Окружающая среда. Климатические изменения. [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: rosstat.gov.ru (дата обращения: 25.08.2021).

215. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Р32 Статистический сборник. Росстат. – М., 2020. – 1242 с.

216. Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. – 1947. – № 6. – С. 133–168.

217. Александрова В. Актуальность перехода к модели циркулярной экономики в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 11. – С. 106–110.

218. Гурьева М.А. Теоретические основы концепта циркулярной экономики // Экономические отношения. – 2019. – Т. 9. № 3. – С. 2311–2336.

219. Пахомова Н., Рихтер К., Ветрова М. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития // Вестник Санкт-петербургского университета. Экономика. – 2017. – № 5. – С. 244–268.

220. Калашникова Т.М. Производственно-территориальный комплекс как сложная территориальная система. – М., 1970. – 60 с.

221. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М., 1973. – 559 с.

222.Сафиуллин Р.Г. Использование метода энерго-производственных циклов для анализа влияния экстремальных природных явлений на хозяйство // Вестник МГУ. Серия 5. География. – 1978. – № 5. – С. 57–64.

223.Safiullin R.G. Use of the Energy-Industry Cycles in Analyzin the Impact of Extreme Enviromental Phenomena the Economy // Soviet Geography: Review and Translation. – 1980. – Pp. 17–24.

224.Хрущев А.Т., Черниченко Г.А. Энергопроизводственные циклы как метод анализа структурно-территориальных особенностей промышленных комплексов // Теоретические аспекты географии. Вопросы географии. – М., 1984. – С. 86–102.

225.Шарыгин М.Д., Осипов В.А. Энергопроизводственные циклы: проблемы теории и практики. – Ленинград, 1988. – 120 с.

226.Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию: пер. с англ. / под ред. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета. – М.: Прогресс, 1989. – 376 с.

227.Глебова А.Г., Данеева Ю.О. Декарбонизация мировой экономики: энергетический сектор // Финансовый бизнес. – 2021. – № 5(215). – С. 26–31.

228.Пусенкова Н.Н. Климатическая политика национальных нефтяных компаний: декарбонизация по-европейски или по-американски? // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2021. – № 11 (203). – С. 52–62. DOI: 10.33285/1999-6942-2021-11(203)-52-62.

229.Плакилкина Л.С., Плакилкин Ю.А., Дьяченко К.И. Декарбонизация экономики как фактор воздействия на развитие угольной промышленности мира и России // Черная металлургия. Бюллетень научно-технической и экономической информации. – 2021. – Т. 77. № 8. – С. 902-912. DOI: 10.32339/0135-5910-2021-8-902-912.

230.Дегтярев А.Н., Кузнецова А.Р., Сафиуллин М.Р. Эколого-экономические проблемы развития агломераций // Успехи современного естествознания. – 2020. – № 12. – С. 68–73.

231. Сафиуллин М.Р. Влияние глобальной декарбонизации экономики на трансформацию лесного хозяйства России: проблемы и тренды // Акселерация инноваций – институты и технологии: Сборник статей международной научно-практической конференции, Уфа, 28–30 сентября 2021 г. / Под редакцией А.Н. Дегтярева, А.Р. Кузнецовой. – Уфа: Государственное автономное научное учреждение «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», 2021. – 183 с.

232. Сафиуллин М.Р. Проблемы и приоритеты развития лесного хозяйства в сельских территориях Республики Башкортостан в современных условиях // Акселерация инноваций – институты и технологии: Сборник статей международной научно-практической конференции, Уфа, 28–30 сентября 2021 г. / Под редакцией А.Н. Дегтярева, А.Р. Кузнецовой. – Уфа: Государственное автономное научное учреждение «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», 2021. – 183 с.

233. Барташевич А.А. Управление социо-эколого-экономическими рисками в системе устойчивого городского развития // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – Т. 11. № 8А. – С. 349–357.

234. Кривошапка И. Экологические риски: повод для внедрения инноваций // Риск – менеджмент. Практика. – 2021. – № 3. – С. 25–27.

235.7. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента Российской Федерации от 1.04.1996 г. № 440. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 05.06.2022).

236. Федорова А.В., Федоров В.Н. Проблемы устойчивого развития российских территорий // Экология и общество: баланс интересов: сб. тезисов докладов участников Рос. науч. форума, г. Вологда, 16–20 ноября 2020 года. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. – С. 102–104.

237. Лукин Е.В. Проблемы устойчивого развития региональной экономики // Экология и общество: баланс интересов: сб. тезисов докладов участников Рос. науч. форума, г. Вологда, 16–20 ноября 2020 года. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. – С. 74–76.

238.Булдакова Е.В. Геоэкологические аспекты оценки риска для устойчивого развития городов // Экология и общество: баланс интересов: сб. тезисов докладов участников Рос. науч. форума, г. Вологда, 16-20 ноября 2020 года. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. – С. 79-82.

239.Яшалова Н.Н. Проблемы внедрения «зеленой» экономики в российских регионах // Экология и общество: баланс интересов: сб. тезисов докладов участников Рос. науч. форума, г. Вологда, 16-20 ноября 2020 года. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. – С. 32–34.

240.Русакова Е.А. Направления повышения экологизации производств в современной России // Экология и общество: баланс интересов: сб. тезисов докладов участников Рос. науч. форума, г. Вологда, 16-20 ноября 2020 года. – Вологда: ВолНЦ РАН. 2020. – С. 196–199.

241.Ракитников А.Н. География сельского хозяйства. – М.: Мысль, 1970. – 342 с.

242.Крючков В.Г., Ракитников А.Н. Комплексные проблемы развития сельского хозяйства и географические науки // Вопросы географии. Сб. 100. – М.: Мысль, 1976. – С. 18-35.

243.Территориальная организация сельского хозяйства: сборник научных трудов /Отв. Ред.: проф. В.Г. Крючков, проф. С.Г. Покровский. – М.: Изд-во Моск. Ун-та. 2002. – 228 с.

244.Международное сотрудничество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://foreign.bashkortostan.ru/activity/360/>(дата обращения: 29.05.2022).

245.Рустэм Хамитов выступил на Деловом форуме стран БРИКС в городе Форталеза (Бразилия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/58454.html. (дата обращения: 29.05.2022).

246.Материалы к заседанию на тему «Межмуниципальное сотрудничество: эффективные практики, проблемы и перспективы развития». – М.: Совет по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2020 г. – 110 с.

247.Соглашение о взаимодействии между Советом (ассоциацией) муниципальных образований Оренбургской области и Ассоциацией «Совет муниципальных образований Республики Башкортостан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asmo-rb.ru/rabota/sogl/3177-soglashenie-o-vzaimodeystvii-mezhdu-sovetom-associaciy-municipalnyh-obrazovaniy-orenburgskoy-oblasti-i-associaciy-socket-municipalnyh-obrazovaniy-respubliki-bashkortostan.html> (дата обращения: 16.03.2022).

248.Соглашение о взаимодействии между Ассоциацией «Совет муниципальных образований Челябинской области» и Ассоциацией «Совет муниципальных образований Республики Башкортостан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asmo-rb.ru/rabota/sogl/3176-soglashenie-o-vzaimodeystvii-mezhdu-associaciy-socket-municipalnyh-obrazovaniy-chelyabinskoy-oblasti-i-associaciy-socket-municipalnyh-obrazovaniy-respubliki-bashkortostan.html> (дата обращения: 16.03.2022).

249.Соглашение о сотрудничестве Ассоциации «Совет муниципальных образований Ставропольского края» и Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Башкортостан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asmo-rb.ru/rabota/sogl/5277-soglashenie-o-sotrudnichestve-associacii-socket-municipalnyh-obrazovaniy-stavropolskogo-kрая-i-associacii-socket-municipalnyh-obrazovaniy-respubliki-bashkortostan.html> (дата обращения: 16.03.2022).

250.Соглашение о сотрудничестве Ассоциации «Совет муниципальных образований Пермского края» и Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Башкортостан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asmo-rb.ru/rabota/sogl/5279-soglashenie-o-sotrudnichestve-associacii-socket-municipalnyh-obrazovaniy-permskogo-kрая-i-associacii-socket-municipalnyh-obrazovaniy-respubliki-bashkortostan.html> (дата обращения: 16.03.2022).

251.Соглашение о межмуниципальном сотрудничестве и взаимодействии г. Казань. 21.11.2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asmo-rb.ru/rabota/sogl/3184-soglashenie-omezhmunicipalnom-sotrudnichestve-i-vzaimodeystvii-s-associaciyami-socketami-municipalnyh-obrazovaniy-respubliki-tatarstan-udmurtskoy-respubliki-chuvashskoy-rsepubliki-respubliki-mariy-el.html> (дата обращения: 16.03.2022).

252. Доклад «О положении дел в сфере организации и осуществления местного самоуправления в Республике Башкортостан в 2018 году» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asmo-rb.ru/materials/dokladmsu/4131-doklad-o-polozhenii-de-l-v-sfere-organizacii-i-osuschestvleniya-mestnogo-samoupravleniya-v-respublike-bashkortostan-v-2018-godu.html> (дата обращения: 16.03.2022).

253. Аминов И.Р., Садретдинова Э.В. Межмуниципальное сотрудничество в Республике Башкортостан // Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2014. – 60 с.

254. Алчан А., Демсец Г. Парадигма прав собственности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.inliberty.ru/library/199-paradigma-prav-sobstvennosti> (дата обращения: 07.07. 2022).

255. Alchian A.A., Demsetz H. The Property Right Paradigm // The Journal of Economic History. – 1973. – Vol. 33. №1. – Pp. 16–27.

256. North D., Thomas R. The First Economic Revolution // Economic History Review. 1977. – Vol. 30. – Pp. 229–241.

257. Libecap G. Distributional Issues in Contracting for Property Rights // Journal of Institutional and Theoretical Economics. – 1989. – Vol. 145. – Pp. 6–24.

258. Глигич-Золотарева М.В., Лукьянова Н.И. Новые контуры трансформации публичной власти в Российской Федерации // Федерализм. – 2022. – Т. 27. № 1 (105). – С. 23–50.

259. Миронова О.В. Об институциональных методах и подходах в российской практике межмуниципального сотрудничества // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. – 2015. – №2. – С. 57–64.

260. Arrow K. The organisation of economic activity: Issues pertinent to the choice of market versus nonmarket allocation // In the Analysis and Evaluation of Public Expenditure: The PPB System. – 1969. – Vol. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://econ.ucsb.edu/~tedb/Courses/UCSBpf/readings/ArrowNonMktActivity1969.pdf> (дата обращения: 07.07. 2022).

261. Клименко А.В., Клищ Н.Н. Можно ли сэкономить на бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 3. – С. 90–109.

262. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. – М.: Минфин России, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/09/main/Doklad_o_luchshikh_praktikakh_initsiativnogo_budzhetrovaniya_2021.pdf (дата обращения: 12.04.2022).

263. Федеральный закон 6.10.2003 г. № 131-ФЗ: текст с изменениями на 30.12.2021 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 07.12.2021).

264. Проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (внесен сенатором РФ А.А. Клишасом, депутатом ГД П.В. Крашенинниковым) [Электронный ресурс]. Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 09.03.2022).

265. Доклад П.В. Крашенинникова в Государственной Думе Российской Федерации о реформе местного самоуправления: вопросов больше, чем ответов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2022/1/30/doklad_pv_krashenninnikova_v_gosudarstvennoj_dume_rf_o_reforme_mestnogo_samoupravleniya_vopr_oso_v_bols (дата обращения: 09.03.2022).

266. Отставка глав, меньше депутатов, округов не будет: как реформа МСУ изменит жизнь на Колыме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magadanmedia.ru/news/1225520/> (дата обращения: 09.03.2022).

267. Федеральный закон Российской Федерации от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 09.03.2022).

268. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23.03.2017 г. № 132 (с изменениями на 18.02.2022 г.). [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/456054578> (дата обращения: 23.08.22).

Научное издание

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ
НА ОСНОВЕ АКТИВИЗАЦИИ
МЕЖТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

*Под общей редакцией
д-ра экон. наук, проф. Р.Ф. Гатауллина*

Корректор: Э.Р. Чувашаева
Компьютерная верстка: Э.Р. Чувашаева
Художественное оформление: Д.Д. Елистратов

Отпечатано с готового оригинал-макета
на собственной полиграфической базе ИСЭИ УФИЦ РАН
450054, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 71
Тел: (8-347) 235-55-33, факс: (8-347) 235-55-44
Заказ №14. Подписано в печать 29.11.2022г.
Формат 70x100 1/16. Бумага типа «Снегурочка»
Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 12,19 Уч.- изд. л. 16,87
Тираж 500 экз.